ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

в журнале

Юный техник

1956 - 1969

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ-ШУТКА

Эдмонд Гамильтон,
американский писатель

Рисунки Л. Смехова

Тускло-красная планета увеличивалась в небе. Ракета падала на нее, хвостовые дюзы изрыгали пламя, чтобы замедлить падение. Пронзительный вопль рассекаемого воздуха достигал слуха двух человек внутри ракеты.

Молодой Бретт Лестер ощутил тошноту, налегая на спутанные ремни парашюта. Хоскинс, занимавший кресло пилота, яростно боролся, стремясь удержать ракету от вращения. Его широкое умное лицо превратилось в напряженную маску, а короткие пальцы бегали по рычагам управления. Затем резкий толчок, потрясший Лестера, и неожиданная нестерпимая тишина.

Они были на Марсе. Лестер понял это, и его охватил восторг. Он старался подобрать слова, достойные этого момента.

Но первым заговорил Хоскинс. Старший инженер осторожно ощупывал свою ногу, и на лице у него отразилось облегчение.

— Кажется, мой нарыв сейчас прорвался, — сказал он.

Лестер был ошарашен.

— Ваш нарыв! — возмутился он. — Мы здесь, на Марсе, а о чем вы заговорили прежде всего? О своем нарыве!

Хоскинс взглянул на него.

— Этот нарыв мучил меня всю неделю. Попробуйте посидеть на нарыве, а потом скажите, как вам это понравится.

— Хорошо, хорошо, забудем об этом, — торопливо согласился Лестер. — Мы на Марсе, доходит ли это до вашего лишенного воображения мозга?!

Хоскинс выглянул из окна. Сквозь толстое кварцевое стекло была видна только пустыня ползучего красного песка, странствующих дюн и гребней.

— Да, мы сделали это, — сказал Хоскинс равнодушно. — Если мы вернемся благополучно, это даст очень много для науки.

— Вы только о науке и думаете! — вскричал Лестер. — Здесь перед нами целый неизвестный мир...

Хоскинс не дослушал.

— Вы, должно быть, начитались этих диких псевдонаучных историй, какие сейчас выходят по сотне в неделю, — об жукоглазых марсианах, об ужасных чудовищах и так далее.

Лестер покраснел.

— Ну да, я прочел кучу историй. Собственно говоря, это и заставило меня интересоваться ракетной механикой...

Старший инженер завозился с пробами воздуха. Юный Лестер продолжал жадно вглядываться в пурпурную пустыню снаружи. Крутящиеся песчаные смерчи вставали там и сям, а с неба разливался медный свет уменьшившегося солнца.

Он обернулся, услыхав удивленное восклицание Хоскинса.

— Не могу понять! Прибор показывает, что воздух здесь почти такой же плотный и насыщенный кислородом, как на Земле.

Даже Лестер знал, что это невозможно.

— Вы ошиблись. Дайте я попробую.

Но он получил те же результаты.

Они широко открыли дверь и вышли из ракеты на красный песок. Казалось, стоял погожий октябрьский день. Ласково светило солнце, а ветерок был прохладным и свежим.

— Святители! Значит, астрономы ошиблись! — воскликнул Хоскинс. — Но все равно это невозможно. Как может такая маленькая планета, как Марс, сохранить свою атмосферу, и как она может быть такой теплой? По всем законам астрономии и физики Марс должен быть совершенно не таким...

Скользя ногами по песку, они поднялись на красный гребень и оцепенели от удивления. Четыре фигуры двигались по дюнам недалеко от них. Они на некотором расстоянии остановились, поколебались и направились к земным людям.

Это тоже были люди. Но они не походили на земных, у них была красная кожа, безволосые куполообразные черепа, выпуклые грудные клетки и ходулеобразные ноги. На них были сложные доспехи из ремней, а на груди у каждого висела блестящая металлическая трубка. Глаза у них были выпуклые и со множеством граней, как у насекомых.

— Я брежу! — взвизгнул Хоскинс. — Это, наверное, от толчка. Я вижу четырех красных жукоглазых людей, и они идут к нам!

— Я тоже их вижу, — задохнулся молодой Лестер. — Но они не могут быть правдой...

Четверо красных жукоглазых марсиан были уже всего в нескольких футах от них и стояли, молча глядя. Один из них заговорил.

— Алло, чужестранцы! — окликнул он их на чистом английском языке. — Возвращаетесь в город?

Хоскинс взглянул на Лестера. Лестер взглянул на Хоскинса. Потом старший инженер тихо засмеялся.

— Это показывает, насколько легко при ударе появляются различные иллюзии, — сказал он. — Ущипните меня, Бретт.

Лестер протянул руку и щипнул; у старшего вырвался крик боли. Но четверо красных жукоглазых марсиан были еще здесь и смотрели на них несколько удивленно.

— Что, собственно, с вами, ребята? — спросил тот, который говорил с ними. — С ума сошли или что-нибудь такое?

— Значит, он существует и говорит по-английски, — с трудом произнес Хоскинс. — Вы видите и слышите его, не правда ли?

— Да, — дрожащим голосом отозвался Лестер, — я вижу и слышу, но все еще не верю.

— Дайте я представлюсь вам, ребята, — сказал первый из марсиан. — Меня зовут Ард Варк. А вас?

Они назвали себя, и он прибавил:

— А это мой друзья Ок Вок, Зинг Зау и Му Ку.

— Как, чорт возьми, вы ухитряетесь выдерживать свои имена? — спросил Лестер, говоря первое, что пришло ему в голову.

Красивое лицо Ард Варка потемнело.

— Нам было нелегко с именами, я должен сознаться. Почему, чорт возьми, нас не назвали как-нибудь поудобнее?

Ни Лестер, ни Хоскинс не смогли на это ответить. Ард Варк любезно продолжал:

— Вы выглядите непохожими, ребята. Когда вы появились?

— Только... только что, — неуверенно ответил Лестер.

— Я так и думал, — заметил Ард Варк. — Таких, как вы, я еще не видел. Ну ладно, пойдемте в город.

Двое жителей Земли были так потрясены неожиданностью, что только через несколько минут сообразили, что идут с Ард Варком и другими красными марсианами к далекому городу.

Хоскинс шепнул на ухо Лестеру:

— Это слишком много для вас. Прежде всего — жукоглазые марсиане, как в этих сумасшедших рассказах. Потом город...

— Вы не думаете, что мы убились при посадке и что все это что-нибудь вроде загробной жизни? — спросил Лестер.

Хоскинс запыхтел:

— Не похоже на загробную жизнь. Кроме того, будь я мертвым, мой нарыв не болел бы сейчас.

Один из марсиан — это мог быть Ок Вок или Му Ку — взвизгнул и указал вдаль. Прямо к ним мчалось существо, какое можно увидеть только в кошмарном сне.

Это было чешуйчатое зеленое чудовище величиной со слона, похожее на помесь дракона с крокодилом. Оно бежало на десяти коротких ножках, а его разинутые огромные челюсти открывали ряд страшных зубов.

Ард Варк выхватил металлическую трубку, висевшую у него на поясе, и направил ее на чудовище. Из трубки вырвался белый луч, который ударил в животное. Чудовище умчалось.

— Что... это такое? — дрожащим голосом спросил Хоскинс.

— Вульп, — проворчал Ард Варк, пряча металлическую трубку. — Проклятые твари!

— А каким это лучом вы прогнали его? — жадно спросил Лестер.

— Ну, это считается разрушающим лучом, — ответил Ард Варк. — Но, собственно говоря, он ничего не разрушает.

Лестер удивленно взглянул на него.

— Но если это считается разрушающим лучом, почему он не действует?

Ард Варк фыркнул:

— Потому что парень, который его выдумал, ничего не понимал в науке. Как может парень, ничего не смыслящий в науке, придумать разрушающий луч?

Лестер опять переглянулся с Хоскинсом. К этому времени они уже подходили к городу.

— Вам куда теперь? — спросил Ард Варк.

— Нам... нам нужно осмотреться, — пробормотал Лестер.

Марсианская столица имела поистине поражающий вид. Она состояла из нескольких довольно больших городов, стоявших бок о бок, и все они были своего собственного архитектурного стиля. Та часть, в которую они вошли, состояла из черных каменных зданий очень древнего вида. За нею Лестер мог заметить секцию из прозрачных куполов, окруженных садами. Рядом была секция блестящих шестиугольных хромированных башен, дальше — секция высоких медных конусов, а еще дальше — секция построек, похожих на серебряные цилиндры.

Еще удивительнее этого фантастического многообразия незнакомых архитектур был разношерстный характер толпы на

улицах. Лишь часть ее состояла из красных жукоглазых людей вроде Ард Варка и его товарищей. Остальные принадлежали к различным расам, странно различавшимся между собою.

Ошеломленные глаза Лестера различали марсиан, похожих на маленьких розовых безруких комариков; больших шестируких зеленых марсиан, возвышающихся над толпой на 20 футов, марсиан четырехглазых и марсиан совсем безглазых, но со щупальцами, вырастающими из лица; синих, черных, желтых и фиолетовых марсиан, не говоря уже о марсианах разного оттенка анилиново-красного, вишневого и бурого цветов.

Эта удивительная толпа носила самые разнообразные наряды, от простого набора ремней до шелковых одеяний, блестящих, как драгоценные камни. У многих были мечи или кинжалы, но большинство было вооружено лучевыми трубками или ружьями.

Удивительнее всего было то, что женщины, все без исключения, были гораздо привлекательнее мужчин. Любая марсианка — бурая, синяя или красная—была образцом земной красоты.

Хоскинс смотрел кругом, разинув рот.

— Откуда все они явились?

Ард Варк поглядел на него.

— Что вы хотите сказать? Они появились так же, как и вы.

— Не понимаю, — пробормотал Хоскинс, — ничего не понимаю. Мне хочется вернуться на Землю. Идемте, Лестер.

Он схватил Лестера за руку. Но тут вмешался Ард Варк. Высокий красный жукоглазый человек смотрел на них с неожиданным подозрением.

— Объяснитесь, — продребезжал Ард Варк, — вы хотите сказать, что вы не созданы здесь так, как остальные, — что вы хотите вернуться на Землю?

— Ну да! — вскричал Лестер. Торопливо и гордо он объяснил: — Мы были слишком поражены, чтобы сказать вам сразу. Но мы первые люди с Земли, посетившие эту планету.

— Люди с Земли? — вскричал Ард Варк. Глаза его горели, а голос поднялся до крика. — Люди с Земли?!

Над пестрой фантастической толпой, наполнявшей улицы, поднялась внезапная буря. Зеленые, красные, синие и желтые марсиане столпились вокруг двоих путешественников в неожиданном яростном возбуждении.

— Вы уверены, вы совершенно уверены, что вы оба явились с Земли? — спросил Ард Варк со страстным отчаянием.

— Конечно, — гордо ответил Лестер. Он, наконец, нашел возможность произнести несколько исторических слов. — Друзья с Марса, — начал он, — при таком непредвиденном случае...

— Они с Земли, держи их, ребята! — завопил Ок Вок. И с оглушительным ревом толпа кинулась на Лестера и Хоскинса.

Сбитые с ног, отбиваясь от множества рук, протянувшихся схватить их, Лестер и его товарищ спаслись от неминуемой гибели только потому, что нападавших было слишком много. Они забарахтались, стараясь выбраться, и услышали громовой голос Арда Варка, унимавшего толпу.

— Погодите, ребята! — крикнул Ард Варк. — Не нужно убивать их сейчас же. Отведем их к Суперам. Пусть Суперы придумают, как лучше казнить их.

А.Стехов

Лестера и Хоскинса грубо подняли на ноги. Потом их потащили сквозь враждебную, бешеную толпу марсиан. Руки, когти, щупальца и кинжалы протягивались к ним со всех сторон. Ненависть к ним была, казалось, всеобщей.

— Теперь я знаю, — заявил убежденно Хоскинс, — мы лежим в ракете без сознания. Все это мне только снится...

Наконец они достигли части города, состоявшей из огромных золотых пирамид. Их втащили в самую большую пирамиду. Внутри были огромные машины, сияющие радуги, целый хаос научного оборудования. Между ними двигались, производя опыты, похожие на осьминогов твари с огромными неподвижными глазами и восемью парами щупальцев.

— Это и есть Суперы? — воскликнул Лестер отступая.

— Конечно, это суперученые марсиане, — ответил Ард Варк. — Ступайте, вот Аган, главный ученый.

Их подтолкнули к осьминогообразному существу, которое посмотрело на них, а потом проговорило свистящим голосом:

— Моя телепатическая сила сразу же показала мне, что это два жителя Земли, высадившиеся в нашем мире. Одного зовут Лестер, другого Хоскинс.

— Суперученые марсиане с телом, как у осьминогов, — пробормотал Лестер, — как раз, как в фантастическом рассказе.

Аган ответил кисло своим пискливым голосом:

— Да, этот-то рассказ и виноват в том, что мы здесь.

Челюсть у Хоскинса отвисла.

— Вы хотите сказать, что вы, люди-осьминоги, появились здесь потому, что там, на Земле, был написан рассказ о марсианах-осьминогах?

— Конечно, — огрызнулся осьминог, — вас это удивляет?

Хоскинс засмеялся несколько дико:

— О нет! Ничто в этом невероятном мире не удивляет нас.

— Заткнитесь, Хоскинс, — приказал Лестер. Он серьезно обратился к Агану: — Объяснимся. Как, во имя всего на свете, рассказ, написанный о марсианах-осьминогах, может создать марсианина-осьминога здесь, за сорок миллионов миль?

— Я вижу, вы мало знаете о силе воли, — заметил Аган, ловко почесывая свой луковицеобразный череп кончиком щупальца. — Это сделал не только написанный о нас рассказ. Это сделал тот факт, что сотни тысяч людей читали этот рассказ и, читая, воображали себе нас.

Когда тысячи людей представляют себе один и тот же предмет, их соединенные мысленные излучения настолько сильны, что могут сочетать атомы в постоянную форму. Вот почему когда тысячи земных читателей читают о людях-осьминогах и воображают их, то излучения их мыслей действуют на свободные атомы этой планеты и сочетают их в живые существа, такие, каких они себе представляли!

Лестер попытался возразить:

— Но почему влияние соединенных мысленных излучений сказалось не на Земле, где находятся все читатели, а именно на Марсе?

— Очень просто, — объяснил Аган, — мысленное излучение следует определенным силовым линиям, вроде магнитных. Линии мысленных сил идут от центра к периферии солнечной си-

стемы, от Земли к Марсу. Так что все странные марсиане, которых воображают на Земле, автоматически создались здесь из свободных атомов этой планеты.

— Значит, все эти различные марсианские расы...

— Все они описаны в рассказах земных авторов, — ответил Аган.–Они же выдумали наш климат.

— Это все ни к чему, Аган, — прервал Ард Варк. — Весь вопрос в том, как казнить этих двух людей с Земли?

Зинг Зау, второй из жукоглазых, выдвинул предложение:

— Почему бы не отдать их десятиногим пурпурным людям? Эти пурпурные парни — знатоки в пытках, у них все время уходит на страшные угрозы и злобные взгляды друг другу. Очевидно, их автор был не в себе, когда придумывал их.

Лестер задрожал. Было безумием думать, что его убьют марсиане, созданные мысленными силами. Но эти твари, несмотря на свое страшное происхождение, были такими же реальными, как и он сам, и вполне могли сделать это.

Кто-то из толпы взвизгнул:

— Пурпурные идут!

Лестер и Хоскинс отступили, увидев ужасную группу, ввалившуюся в зал с жадным фырканьем.

Это были похожие на сороконожек пурпурные люди с десятью конечностями вдоль туловища, служившими им и руками и ногами. На конических головах сверкало по единственному глазу, похожему на блюдце. Люди размахивали скальпелями и щипцами, имевшими зловещий вид.

— Давайте их! — прошипел их предводитель, устремляя на Лестера и Хоскинса голодный взгляд. — Ребята, и помучаем же мы их! Это первый случай показать, на что мы способны.

Пурпурные создания кинулись на Лестера и Хоскинса.

— Это неправда! — закричал Хоскинс. — Я вам говорю, это нам снится...

Пять пар схвативших его рук не были сном. Их уже тащили к шумевшей толпе...

— Погодите минутку, — раздался позади них пискливый голос Агана.

Осьминогий марсианский сверхученый поднимался со своего сиденья. Наступила жуткая минута ожидания, пока он распутывал три своих щупальца, спутавшихся в клубок.

— У меня есть идея относительно этих земных людей, — заявил он. — Мы можем использовать их, чтобы остановить земные излучения раз и навсегда.

Все марсианские лица в толпе повернулись к Агану.

— Что же это за идея? — спросил Ард Варк.

Пискливый голос Агана стал еще громче.

— Суть вот в чем: мы, Суперы, можем прочитать в мозгу человека все, что хотим. Эти люди, очевидно, ученые с большими познаниями. Мы можем получить из их мозга сведения о Земле.

— А на что это нам? — грубо спросил Ард Варк.

— Это и есть моя идея, — ответил Аган. — Если мы будем знать о Земле больше, чем сейчас, то сможем построить машину, которая остановит поток силовых линий мысли с Земли к Марсу.

Неохотно, но марсиане согласились, хотя пурпурные люди и отчаянно настаивали на пытках.

— Помогите нам, и мы позволим вам вернуться к вашей ракете, — обратился Аган к Лестеру и Хоскинсу. — Вам нужно только войти вот в эту машину и настроить свой мозг на подчинение.

— Пойдемте, Хоскинс, — прошептал Лестер, — это наш единственный шанс выбраться с этой сумасшедшей планеты.

Они осторожно вошли в машину. Из большой линзы на них полился голубой свет. Лестер почувствовал, что разум его туманится. Он потерял сознание.

Придя в себя, он увидел себя и Хоскинса все еще под машиной. Аган и другие осьминогие сверхученые потрясали пачкой тонких металлических листков, покрытых какими-то значками.

— Опыт блестяще удался! — возбужденно кричал Аган.

— Вы получили достаточно сведений о Земле, чтобы остановить поток силовых линий? — спросил Хоскинс.

Огромные глаза Агана торжествующе сверкнули.

— Я могу сделать даже больше этого!

— Тогда мы можем итти? — настойчиво спросил Лестер. — Вы обещали нам это.

— Да, вы можете итти к своей ракете и возвращаться на Землю, — подтвердил Аган.

Толпа расступилась, образуя проход; Ард Варк указал на него Лестеру и Хоскинсу.

...Ракета спускалась над Нью-Йорком. Пилоты решили сесть в Парк Централ, чтобы наэлектризовать столицу и весь мир своим драматическим возвращением.

Но когда снаряд, наконец, опустился на газон парка, их не встретила восторженная толпа. Они вышли на солнечный свет и изумленно уставились на соседнюю улицу — Пятую авеню.

По улице катился дикий, возбужденный гул. Толпа жителей в панике бежала по ней. Хоскинс и Лестер разинули рты, увидев, от кого бежала пораженная толпа.

Это была кучка людей. Они во многом походили на земных и были одеты, как и они. Но у них было не по две руки, а по четыре. И огромные выпуклые глаза, как у насекомых.

Лестер остановил одного из бегущих и указал на странные фигуры, от которых все бежали.

— Откуда, во имя неба, взялись вот эти? — спросил он в ужасе.

Беглец дико покачал головой.

— Никто не знает! Эти твари и другие такие же чудовища появились по всему свету за последнюю неделю. Мы не знаем, как, откуда, кто они...

Лестер побледнел и схватил Хоскинса за плечо.

— Так вот что значили слова Агана о близкой мести людям Земли! Те сведения, которые они получили от нас, позволили им не только остановить поток мысленных силовых лучей с Земли на Марс, но и обратить, заставить течь его с Марса на Землю!

Хоскинс окаменел от ужаса...

Сокращенный перевод
З. БОБЫРЬ

ДЖОНС ПЕРВЫЙ

(Научно-фантастический рассказ)

БОЛЬШАЯ, почти лишенная убранства комната на Форвелльской объединенной станции исследований по электронике напомнила Дику, Сьюзен и Генри гимнастический зал их школы. Они сидели в углу с теннисными ракетками, битой для крикета и мячами, которые дядя, профессор Гарри Стилвел, попросил их захватить с собой.

— Это крайне необходимая научная аппаратура, — сказал он, — не думайте, что я шучу! А здесь временные пропуска для вас.

И вот они сидят и смотрят на дядю, занятого разговором с какими-то людьми у стола в другом конце комнаты. Тут же и оператор с кинокамерой и второй человек с магнитофоном.

— Научная аппаратура... Что он этим хотел сказать? — ломает голову Сьюзен.

— Подождем — увидим! — безмятежно отвечает Дик.

Генри, младший из всех, поправил очки на переносице и взъерошил свои белесые волосы.

— У меня есть некоторые предположения, Сью...

— Ох, прямо Шерлок Холмс, — насмешливо перебивает Сьюзен. — Послушаем лучше, что там говорит дядя.

Профессор повернулся к библиотекарю, ожидавшему с магнитофоном, и спросил:

—Все готово, мистер Карсон?

Рыжеволосый человек утвердительно кивнул.

Тотчас, как по команде, вспыхнули яркие лампы. Включенные аппараты кино и звукозаписи мягко застрекотали. Дядя Гарри подошел к двери своего кабинета, всунул перфорированную карточку в щель фотоэлектрического замка, и дверь отворилась.

— Прошу войти, Джонс, — сказал профессор.

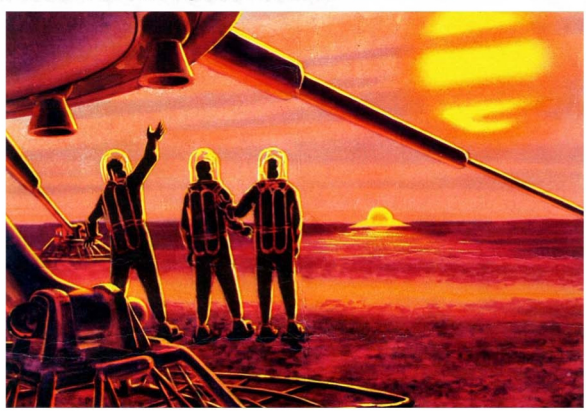
Шести футов ростом, пропорциональный и стройный, Джонс, поблескивая темным металлом, уверенно прошел к середине комнаты. Это был робот.

— Профессор, каким чудом вам удалось добиться таких небольших габаритов? — вырвалось у одного из ученых.

— Если у этой штуки действительно окажется подобие мозга, я готов снять свою шляпу, — недоверчивым тоном протянул второй, с американским акцентом.

— Расскажите им о себе, Джонс, — сказал профессор.

Отчетливым голосом робот начал:



— Я, Джонс Первый, повинуюсь закону, по которому нельзя причинять вред человеку и позволять, чтобы причиняли вред человеку.

Ребята были в восхищении.

— Я не являюсь машиной, управляемой с помощью вакуумных электронных ламп, — продолжал робот, — что делало моих предшественников такими громоздкими. Во мне нет вакуумных ламп... Вместо этого я снабжен позитронным «мозгом» из губчатой платины, который может запоминать данные и управлять моими действиями. Мой «мозг» размещен в грудной клетке. Мои широко вырезанные светящиеся глаза...

— Не надо подробностей, — прервал профессор, — сейчас мы продемонстрируем вашу координацию и подвижность.

— О господи, он направляется к нам, — шепнул Дик.

Кинокамера поворачивалась в сторону ребят по мере того, как профессор и робот приближались к ним. Ребятам было страшновато, но они не показывали этого.

Робот остановился футах в шести от них, совсем не такой уж страшный, когда немного освоишься.

— Ваша научная аппаратура наготове? — отрывисто спросил профессор. — Хорошо. Джонс, вот Сьюзен Холкомб, Дик и Генри Холкомб. Они сыграют с вами в одну-две игры.

Профессор снова обратился к ребятам.

— Мои коллеги считают, что беспристрастное испытание могут провести только те, кто совсем не знаком с автоматикой. Вот почему я и пригласил вас. Генри, для начала — простая перебросна мячом. Пожалуйста, проинструктируйте Джонса.

Генри, подбрасывая мяч на ладони, старался говорить непринужденно, словно инструктирование роботов было для него обычным, повседневным занятием.

— Я брошу мяч, а вы поймайте его и бросьте снова мне.

— Да, — сказал Джонс.

— Слушайтесь его, пока я не отменю этого распоряжения, — сказал профессор.

Джонс четко принимал и возвращал мячи, мгновенно и легко ориентируясь в их полете. Но когда Генри подал высоко и сильно, робот не попытался принять подачу. Профессор Стилвел поднял откатившийся мяч и бросил обратно.

— Почему вы пропустили в этот раз? — спросил он.

Джонс поймал мяч и ответил:

— Я потерял бы равновесие, сэр. Вы помните, что мои устройства для контроля равновесия еще не вполне отрегулированы.

Разговорные способности робота произвели впечатление. Ученые зааплодировали. Профессор Стилвел улыбнулся.

Настала очередь Дика и Сьюзен. Они продемонстрировали, как действовать ракеткой, и Джонс доказал, что в некоторых отношениях его способность к координации превышает человеческие стандарты.

Наконец устроили примерную игру в крикет, и тут обнаружилось, что совершенно невозможно провести мяч мимо Джонса.

Когда все было кончено, ученые столпились вокруг профессора, обсуждая результаты испытаний и задавая вопросы о роботе, который теперь стоял неподвижно, с выключенным током.

Библиотекарь и кинооператор приблизились к собеседникам.

— Это всё, сэр? — спросил Карсон.

— Да, благодарю вас, — ответил профессор, — мы просмотрим запись завтра.

Библиотекарь вышел, унося магнитофон.

— На этот раз мы закончили, джентльмены. Сейчас я включу его снова, и он останется на ночь в моем кабинете охранять запертые в сейфе чертежи и описание своего собственного устройства.

Стилвел нажал кнопку. Маленькая лампочка на груди у робота засветилась.

— Выйдите, Джонс! — внезапно сказал профессор повелительным тоном.

Машина дрогнула, словно собираясь начать движение, но потом замерла в ожидании законного приказа.

Ученые распрощались, а ребята задержались посмотреть, как будет робот уходить в кабинет.

— До свидания, Джонс, — хором крикнули они ему вслед, и Джонс ответил:

— Всегда к вашим услугам...

Дверь закрылась за ним, и фотоэлектрический замок вступил в действие.

По пути домой, в вагоне, Генри был молчалив. Потом озорная улыбка вдруг осветила его лицо.

— Ну и задали бы мы всем жару, если бы в школьную команду поставить на защите парочку таких, как Джонс...

* * *

В доме профессора Стилвела было два телефона. Один обыкновенный, а другой в звуконепроницаемой кабине.

...Генри внезапно проснулся и сел в кровати. Он услышал спускающиеся по лестнице шаги и глухой стук захлопнувшейся кабины. Часы показывали половину одиннадцатого.

Генри разбудил Дика.

— Дядя у секретного телефона. Что-то стряслось на станции!

Приоткрыв дверь, Генри высунул голову. Из дверей напротив выглядывала тетя Флоренс. Вскоре на лестнице показался профессор.

— Дядя Гарри, что случилось? — торопливо спросил Генри. — Наша помощь не нужна?

Профессор вздохнул.

— Чем вы тут поможете... Но, впрочем, раз вы там были днем, вас, вероятно, потребуют. Одевайтесь! Даю вам две минуты. Флоренс, дорогая, подними Сьюзен тоже.

Пятью минутами позднее они уже мчались в Форвелл.

— Чертежи и спецификации робота исчезли, — объяснял профессор, в то время как деревья и живые изгороди мелькали мимо в темноте. — Не могу себе представить, как удалось похитителям миновать Джонса. Я проверял эти контакты бесчисленное множество раз.

* * *

Ворота открыл человек в синей форме, с пистолетом у пояса. Автомобиль затормозил перед входом в главный экспериментальный корпус, и все четверо поспешили в комнату, где накануне проводились испытания. Здесь ожидали инспектор полиции, несколько полисменов и часть технического персонала станции.

Инспектор поздоровался с профессором и посторонился, чтобы пропустить его в кабинет. Там стоял Джонс, неподвижный, немой, бесполезный.

— Как это произошло?

Профессору объяснили. Все обнаружилось случайно. Один из сторожей внутренней охраны, не посвященный в тайну, увидел через окно неподвижного робота и, приняв его за злоумышленника, сообщил постовому у ворот. На место происшествия тотчас прибыла полиция. Сейф оказался открытым, все содержимое исчезло.

— Прошу прощения, сэр, — обратился к профессору инспектор, — робот испорчен, или его привели в бездействие?

— Сейчас увидим, — сказал Стилвел.

Подойдя к роботу, он включил его. Тишина. Затем засветилась лампочка, и голос Джонса сказал:

— Добрый вечер, сэр.

— Джонс, каким образом вы оказались выключенным? — спросил профессор.

— Я выключил себя сам по вашему приказанию.

— Джонс, — настаивал профессор, — это ведь невозможно! Меня здесь не было!

— Ваш голос раздался из микрофона.

Робот указал на маленький репродуктор внутренней радиосвязи.

— Да что же это такое? — задыхалась от гнева Сьюзен. Ребята с тревогой отметили, что инспектор пристально и сурово смотрит на дядю.

— Можете вы это опровергнуть, сэр?

— Разумеется. Свидетели — эти дети, моя жена, контрольный лист в проходной.

— У меня есть копия. Да, вы в нем значитесь вместе с детьми. Потом Карсон. Он ушел после вас, в пять сорок. Но дело в том, что нам ведь неизвестно, когда именно случилось похищение!

Тут Генри выступил вперед.

— Дядя Гарри, а Джонс не может точно воспроизвести голос, который отдал ему команду?

— Клянусь Юпитером, это мысль! Конечно, может! У него есть звукозаписывающее устройство в «памяти», так же как и воспроизводящее.

Инспектор кивнул. Профессор приказал Джонсу повторить в точности команду, прозвучавшую из репродуктора.

В роботе раздалось слабое жужжание, затем все услышали голос. Голос звучал как-то странно, прерывисто, но это, вне всяких сомнений, был голос профессора Гарри Стилвела.

— Джонс, Джонс, внимание! — приказы-

вал голос. — Откройте сейф комбинацией, которая у вас в памяти, потом откройте дверь кабинета, отойдите подальше, к окну, и выключите себя...

В напряжении, наступившем после этого, никто не заметил, как Генри выскользнул из комнаты.

Инспектор стал очень серьезен. «Можно ли считать свидетельское показание робота доказательством вины?» — думал он.

— Вы признаете, что это ваш голос, сэр?

— Да. — Профессор выглядел бесконечно усталым и встревоженным. — Не понимаю, как это получилось. Но, говорю вам, я могу доказать, что меня здесь не было.

Он повернулся к роботу, пытаясь установить истину другим путем.

— Джонс, эта команда прозвучала засветло или после того, как стемнело?

— После того, как стемнело, сэр.

— Ох, да что же это? — с досадой шептала Сьюзен. — Почему Джонс не скажет больше?

— Роботу все равно. Он ведь не думает, Сью, — урезонивал сестру Дик.

— Но они-то знают, что это не мог быть дядя... — Сьюзен умолкла, прислушиваясь к бесстрастным словам инспектора.

— Профессор Стилвел, я вынужден попросить вас следовать за мной для продолжения допроса.

— Нет, нет... — в волнении начала Сьюзен. Но она не успела договорить. Удивительное обстоятельство нарушило весь ход событий. Внутренний репродуктор внезапно ожил. Из него вырвались отчаянные крики и злобные проклятия.

* * *

Генри иногда бывал просто невыносим со своим упрямством и въедливостью, но на этот раз ему удалось заметить две вещи, ускользнувшие от внимания остальных. Решив, что здесь есть нечто, заслуживающее расследования, он улизнул из комнаты, осторожно пересек двор, держась в тени, потом прокрался вдоль кустов, окружавших здание, которое было его целью.

Дверь, если догадка верна, должна быть отперта. Если нет — ну что же, значит, он свалял дурака!

Небольшое открытое пространство он пробежал бегом и толкнул дверь. Она была не заперта! С отчаянно бьющимся сердцем Генри тихо прошел через вестибюль. Вот он и в библиотеке, где книги, жестяные банки с кинофильмами и магнитофонными записями громоздятся рядами на полках.

Здесь царила полная темнота, и тем заметнее был слабый свет, идущий из кабинета библиотекаря, повидимому от настольной лампочки. Генри услышал звяканье ножниц и еще какой-то царапающий звук. Боясь дохнуть, он переступил порог и увидел темный силуэт человека, склонившегося над столом. Но не это интересовало мальчика. Генри искал взглядом аппарат внутренней радиосвязи. Вот и он! Еще один шаг... Генри выпрямился и повернул включение. Человек в испуге обернулся, но Генри уже кричал в микрофон, отчаянно, изо всех своих сил:

— Библиотека! Дядя! Джонс! На помощь! Библиотека!

Он успел повернуть электрический выключатель. Лампы вспыхнули, и в ту же минуту удар по голове свалил его с ног. Пре-

долевая головокружение, мальчик пытался встать. Лампы снова были погашены, и в полутьме человек с искаженным злобой лицом наклонился над ним, бормоча ругательства. Что-то блеснуло у него в руке.

— Проклятый мальчишка. Но все равно.. Ни один человек не сможет поспеть сюда раньше чем через две минуты, а за это время...

Карсон был прав. Никто из людей не поспел бы. Но он не все принял в расчет. Свет вспыхнул снова в то самое мгновение, как дуло револьвера повернулось к Генри. Джонс, черный, блестящий, грозный, стоял в дверях. Он ринулся к окаменевшему от ужаса Карсону, схватил его за плечи, насильно усадил в кресло, встал над ним словно часовой и раздельно сказал:

— Робот не причиняет вреда человеку и не позволяет причинять вред человеку.

* * *

— Он все равно не мог бы уйти, потому что патрули уже обнаружили лазейку в стене. Очень хитро было задумано... А теперь выкладывай, — обратился инспектор к Генри.

— Я заметил, что микрофон включен, и мне пришло в голову, не подслушивает ли нас кто-нибудь... Потом, когда Джонс повторил команду, меня поразило, что она звучала прерывисто, будто составная. Имея подозрения на определенного человека, я подумал, что ему не так-то просто было сразу скрыться и он будет осуществлять бегство в несколько приемов, используя промежутки между обходами патрулей. И еще я предположил, что он попытается уничтожить улики; например, команду, смонтированную из отдельных слов, взятых из старых пленок с записями, где есть фразы, сказанные дядей Гарри. И еще—что, наверно, он будет делать это в месте, для себя привычном и знакомом.

Сьюзен потрепала брата за вихры.

— Молодчина!

— Я тебе очень благодарен, Генри, — сказал профессор Стилвел.

Дик улыбнулся и взглянул в сторону робота.

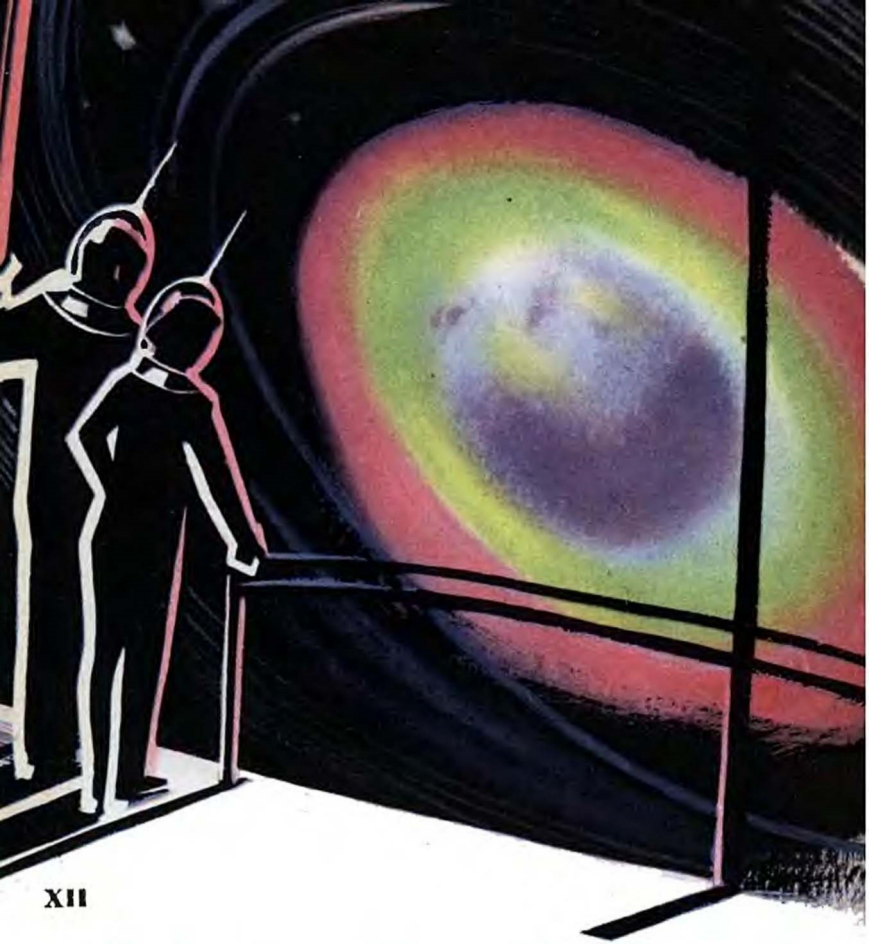
— И Джонсу, дядя?

— Да, — сказал Генри, — вы, дядя, построили просто великолепного парня! Но смотрите, считается, что роботы не думают. А по-моему, у этого есть свои идеи.

Профессор серьезно покачал головой.

— Будь спокоен, Генри! Это только машина. Никто не может думать так, как человек!

Сокращенный перевод с английского
Е. ВЛАДИМИРОВОЙ



XII

ОБЛАКО Магеллана

Ст. ЛЕМ *Рис. Р. АВОТИНА*

Я один из двухсот двадцати семи человек, покинувших Землю, чтобы устремиться за пределы солнечной системы. Намеченная нами цель достигнута, и теперь, на десятом году путешествия, мы начинаем обратный путь.

Наш корабль вскоре достигнет скорости, превышающей половинную скорость света, и все же пройдут годы, прежде чем Земля, не различимая сейчас даже в сильнейшие телескопы, выступит из мрака, как голубая пылинка среди звезд.

Мы привезем вам хроники путешествия, весь еще не пересмотренный и не приведенный в порядок огромный объем первых исследований, запечатленный в механической памяти наших автоматов.

Мы привезем вам научные труды колоссальной важности, родившиеся во время полета. В них открываются новые, дотоле неизвестные, безграничные горизонты космических исследований.

Я один. В каюте царит полумрак, в котором едва выделяются контуры мебели и маленького аппарата передо мной. В недрах аппарата вибрирует крошечный кристаллик, увековечивая мой голос. Прежде чем начать говорить, я закрыл глаза, стремясь приблизиться к вам. И тогда на несколько секунд я услышал великую черную беспредельную тишину. Постараюсь рассказать вам, как мы победили ее.

К кому из вас обращаюсь я, начиная повествование о наших судьбах, о том, как мы жили и умирали?

Круг моих друзей охватывает близких и далеких, неизвестных и забытых, тех, что родились после нашего отлета, и тех, кого я никогда не увижу. Все вы мне одинаково дороги, и со всеми вами я говорю сейчас. Понадобились именно такие расстояния, такие испытания и такие годы, чтобы я понял, как велико то, что соединяет нас, и как ничтожно то, что разделяет.

Каждую ночь за все эти годы со всех материков Земли, из селений и городов, из лабораторий и с горных вершин, с искусственных спутников, из лунных обсерваторий, из ракет, курсирующих в пределах солнечной системы, миллионы взглядов обращались к тому квадрату неба, где светится слабая звезда, которая была нашей целью.

Ваша мысль сопровождала нас все время, после того как, ежесекундно оставляя за собою десятки тысяч миль, мы исчезли в бездне, за последними пределами сферы тяготения Солнца.

Чем были бы мы в этой металлической скорлупке среди искрящегося звездами мрака, когда законы физики порвали нить сигнализации, связывавшей нас с Землей; чем были бы мы, если бы не вера миллиардов людей в то, что мы вернемся?

Для того чтобы вы могли понять меня, хоть не вполне, хоть приблизительно, я должен передать вам малую часть трудностей, угнетавших и сокрушавших нас; вы должны вместе со мною пройти сквозь поток событий, сквозь великие годы, залитые мраком пустоты, когда в глубине корабля мы слушали нескончаемую тишину вселенной, когда мы наблюдали вспыхивание и угасание солнц, видели небеса черные и красные, когда за стальными стенами мы слышали вой раздираемых планетных атмосфер, когда нам встречались миры населенные, миры мертвые и такие, на которых жизнь только зарождается.

БУНТ

...Я чувствовал, что спокойствие пилотов — только маска, скрывающая те же тревоги, какие мучают и меня. Напротив, Руделик, поглощенный работой, совсем не ощущал их. Как я завидовал его математическим заботам!

Пока я размышлял над этим, в глубине коридора появился какой-то человек, прошел мимо меня и исчез за поворотом. Я хотел вернуться мыслями к Руделику, но что-то мне мешало: казалось, что вокруг происходит нечто необычное. Я встал и вдруг вспомнил, что коридор за поворотом кончается тупиком у перегородки, отделяющей жилую часть корабля от атомного двигателя. Чего мог искать в этом тупике человек, прошедший мимо меня? Я прислушался: тишина. Тогда я пошел к повороту. Там у стальной стены, в полумраке, стоял кто-то, прижимаясь лбом к металлу. Подойдя почти вплотную, я узнал: это был Диоклес.

— Что ты тут делаешь?

Он не шевельнулся. Я положил ему руку на плечо. Он был как деревянный. Внезапно встревожившись, я схватил его за плечи, попытался оттащить от стены. Он упирался. Вдруг я увидел его лицо, совсем без выражения, такое безучастное, отчужденное. Руки у меня сами упали.

— Уйди.

Я вдруг догадался: этот отрезок коридора глубже всех входит в корму корабля, обращенную к Полярной звезде, то есть ближе

всякого другого места подходит к Земле. Ближе на несколько десятков метров — сравнительно со световыми годами, отделяющими нас от нее! Я рассмеялся бы, если бы мне не хотелось планать.

— Диоклес! — попытался я еще раз.

— Нет!

Как прозвучал этот возглас! Выразительнее самых длинных объяснений он говорил, что это «нет» не просто отказ от всякой помощи; оно относится не только ко мне, но и к каждому человеку, к кораблю, ко всему существующему. Меня охватило ощущение ночного кошмара; чувствуя, что падаю в какую-то бездну, я повернулся и пошел по длинному коридору все быстрее, почти бегом.

Я не посмел рассказать никому об этом случае. После полудня я снова поехал на уровень нулевого этажа уже нарочно. Подозрение мое оправдалось. Я застал там человек пять-шесть; стоя в конце коридора, они смотрели в глубь воронки, словно зачарованные матовым блеском стальной плиты. Услыхав мои шаги (я старался ступать погромче), группа дрогнула, и все стоявшие медленно разошлись в разные стороны. Это показалось мне очень странным. Я поехал к Тер Хаару и рассказал ему всю историю. Он надолго задумался и сначала ничего не хотел говорить, но когда я стал настаивать, он произнес:

— Трудно это определить: для такого явления у нас нет слов. В древности такую группу людей назвали бы «толпой».

— Толпой? — повторил я. — Это вроде так называемой «армии»?

— О нет, совсем напротив. Армия — это что-то организованное, а толпа — это скорей крупная неорганизованная группа.

— Прости, но там было всего несколько...

— Это неважно. В древности, доктор, люди не были такими разумными существами, как сейчас; под действием внезапного стимула они переставали руководиться разумом. В необычных, угрожающих для жизни обстоятельствах, например при стихийном бедствии, охваченная паникой толпа была способна даже на преступление.

— А что такое преступление? — спросил я.

Тогда Тер Хаар потер себе лоб, принужденно улыбнулся и ответил:

— Ах, все это, в сущности, только мои гипотезы. Быть может, и ошибочные. У нас слишком мало фактов, чтобы строить теорию. Впрочем, как ты знаешь, я «утонул в истории» и могу мыслить только ее категориями.

На том разговор наш и кончился. Вернувшись от Тер Хаара, я хотел обдумать услышанное и даже, соединившись с трионотекой, хотел прочесть какой-нибудь исторический труд о толпе; но я не сумел объяснить автоматам, что мне нужно, и мой замысел остался неосуществленным.

Прошел день, потом другой; ничего не случилось. Мы начали думать, что кризис, вызванный ускорением, миновал; но последующие события показали, насколько мы ошибались.

В середине следующего дня ко мне явился Нильс; он вихрем ворвался в комнату, крича еще с порога:

— Доктор! Неслыханное дело! Иди, иди за мной! В саду кто-то выключил видео, — ужасное зрелище! Там уже много народу, идем!

Я пошел за ним, вернее побежал, заразившись его волнением.

Мы спустились лифтом вниз. Я раздвинул завесу плюща и обомлел. Прямо передо мной сад выглядел, как всегда: за цветущими клумбами взносила свою черную вершину канадская ель, дальше виднелись каменные глыбы над ручьем и глинистый холм с беседкой, — но это было все. Вокруг этих десяти-пятнадцати метров камней, растительности и земли стояла голая металлическая стена, не закрытая больше миражем бесконечных далей. Трудно описать это потрясающее впечатление: неподвижные, словно неживые, деревья в мутном, сером свете аварийных ламп, замкнутая железная стена, плоский потолок. Ни следа лазури; воздух застыл, словно мертвый, и ни малейший ветерок не шевелил ветвями.

Посредине собралось человек пятнадцать, заглядевшихся, как и я, на эти красноречивые руины миража. Разрывая завесы плюща, вбежал разгневанный Ирьола, за ним несколько видеопластиков; они побежали наверх. Тотчас же стало совершенно темно: они выключили аварийное освещение, чтобы снова привести аппаратуру в действие, и тогда случилось худшее. Во мраке раздался крик:

— Долой этот обман! Пусть будет как есть! Будем смотреть на железные стены, хватит с нас этой вечной лжи!

Наступил момент мертвого молчания, и вдруг над головами засияло солнце, заблистала синева с белыми облаками, повеял душистый прохладный ветерок, а клочок земли, на котором мы стояли, разбежался во все стороны и зазеленел до самых отдаленных горизонтов. Люди пытливо переглядывались, словно ища того, кто кричал в темноте, но никто не решился выдать себя хотя бы звуком. Один за другим мы молча разошлись.

Прошло еще пять дней напряженного, тайного выжидания, но ничего не происходило. Двигатели увеличивали скорость корабля, все шло нормально, в филармонии состоялся концерт, и я начал говорить себе, что врачи, как и астрогаторы, подпадают вместе с прочими под вредное влияние полета, раздувают мелочи и гоняются за мнимыми опасностями.

На шестой день после происшествия с садом у нас в больнице был тяжелый случай с ребенком, который родился задохнувшимся; жизнь его висела на волоске, и я два часа не отходил от него, следя за пульсатором, подававшим кислород для дыхания. Это занятие поглотило меня настолько, что я совершенно забыл обо всем остальном. Только уже моя руки в углу палаты, я увидел в зеркале собственное лицо с блестящими, точно в лихорадке, глазами и тотчас же ощутил непонятную тревогу. Я попросил Анну остаться с матерью и ребенком и, сбросив халат, выбежал из палаты. Лифт спустил меня на нулевой этаж. Увидев пустой освещенный лампами коридор, я глубоко перевел дыхание.

«Глупец, — говорил я себе, — глупец, каких призраков ты испугался?» И все-таки шел дальше. Перед самым поворотом мне послышались голоса; их звук ударил меня как хлыстом. Несколькими прыжками я выбежал в расширяющееся здесь полукруглое пространство.

У начала воронки стояла плотная толпа. Люди, сжатые вместе, напирали на кого-то, преграждавшего им путь. Было совсем тихо; слышалось только тяжелое, как при борьбе, дыхание. В одном из ближайших я узнал Диоклеса.

— Что это? — спросил я.

Никто мне не ответил. Я уловил чей-то взгляд — глаза были совершенно белые — и услышал сдавленный, полный внутренней дрожи голос:

— Мы хотим выйти!

— Там пустота! — крикнул человек, задерживавший толпу. Я узнал его: это был Ирьола.

— Пусти нас! — крикнуло несколько голосов сразу.

— Сумасшедшие! — вскричал Ирьола. — Там смерть! Слышите? Смерть!

— Там свобода, — отозвался кто-то из толпы.

Ирьолу оттолкнули, он отступал в глубь воронки. Черный на ее светлом фоне, он кричал, и голос его гремел, искажаемый эхом замкнутого пространства:

— Опомнитесь! Что вы хотите сделать!

Ответом было прерывистое дыхание. Несколько рук протянулось к нише, где виднелся механизм замка. Тогда Ирьола кинулся

вперед, оттолкнул напиравших, пригнулся и, выхватив из-за пояса маленький черный аппаратик, пронзительно крикнул:
— Блокирую автоматы!

КОММУНИСТЫ

При проектировании первой звездной экспедиции перед учеными встала крайне трудная проблема. Возможно было, что огромная скорость корабля нарушит нормальную психическую деятельность некоторых людей, а это может привести к тому, что автоматам будут даваться ненужные или даже вредные приказания. Такую возможность нужно было исключить. С этой целью была создана специальная система приемников, могущая заблокировать все автоматы «Геи».

К этому средству руководители экспедиции могли прибегнуть только в случае самой крайней необходимости, когда ничто другое не помогало. Блокирование автоматов стало бы грозным прецедентом, так как никогда еще, за всю тысячелетнюю историю нашей цивилизации, они не отказывали человеку в повиновении. Поэтому толпа у воронки замерла, услышав страшные слова Ирьолы, и на некоторое время словно окаменела. Вдруг тишину прорезал свист резко заторможенного лифта. Все головы медленно повернулись в ту сторону. В раскрытых дверях лифта, только что спустившегося на уровень коридора, стоял Тер Хаар.

Ссутулившись, он быстро пошел прямо на неподвижно стоящих людей. Они расступились. В глубине воронки Тер Хаар поднялся на выступ стены. С этого возвышения он заговорил тихо, почти шепотом. Все взгляды обратились к его темному силуэту, окруженному сиянием желтой лампы за спиной. Голос у него постепенно нарастал и глухо отдавался в замкнутом пространстве.

— Вы, которые хотите погибнуть, уделите мне десять минут своей жизни. Потом мы уйдем, я и он, и вы сделаете, что хотите. Никто не посмеет вам помешать. Даю вам слово в этом.

Он помолчал.

— Тысячу двести лет назад в городе Берлине жил человек по имени Мартин. То было время, когда его правительство провозглашало, что слабые народы обречены на уничтожение или рабство, когда от своих подданных оно требовало, чтобы они мыслили не мозгом, а кровью. Мартин работал на стекольном заводе. Один из многих, он делал то, что сейчас делают машины: живыми легкими нагнетал воздух в раскаленное стекло. Но он был человеком, а не машиной, у него были родители, брат, любимая девушка, и он понимал, что ответствен за всех людей на Земле — за судьбы убийц и убитых так же, как и за своих близких. Такие люди назывались тогда коммунистами, и Мартин был одним из них. Правительство выслеживало и убивало коммунистов, и они должны были скрываться. Гестапо — так называлась тайная полиция — удалось схватить Мартина. Как члену оргбюро партии, ему были известны имена и адреса многих товарищей. От него потребовали выдать их. Он молчал. Его подвергли пыткам. Он молчал. Его допрашивали днем и ночью, будили сильным светом, задавали ему коварные вопросы. Напрасно. Тогда его выпустили на свободу, чтобы по его следам добраться до остальных коммунистов. Он понимал это и оставался дома, а когда ему стало нечего есть, хотел вернуться на завод, но его там не приняли. Он искал работы в других местах, но нигде не мог найти. Он умирал от голода, бродил, шатаясь, по улицам, но не пытался пойти к кому-нибудь из товарищей, ибо знал, что за ним следят.

Его арестовали снова и применили другой метод. Мартин получил отдельную чистую комнату, хорошую пищу, медицинский уход. Выезжая на аресты, гестаповцы брали его с собой: было похоже, что он служит им проводником. Ему приходилось присутствовать при пытках арестованных товарищей, а иногда он стоял перед камерой, и замученных проводили мимо него. Им говорили, чтобы они признавались, так как вот стоит их товарищ, который все рассказал. Когда он кричал им, что это неправда, то гестаповцы притворялись, будто он разыгрывает комедию. Коммунистические листовки стали предостерегать против Мартина. Гестаповцы показывали их ему. Потом, ни о чем не спрашивая, его выпустили. Через несколько месяцев Мартин осторожно попробовал связаться с товарищами, но никто не хотел

ему верить. Он пошел к брату, но тот не впустил его к себе. Мать дала ему краюху хлеба, и это было все. Снова старался он найти работу, но напрасно. В третий раз его арестовали, и офицер гестапо сказал ему: «Слушай, молчать тебе больше нет смысла. Товарищи давно считают тебя изменником и негодяем. При первом же случае любой убьет тебя как бешеную собаку. Пожалей себя и говори!»

Но Мартин молчал. Однажды в декабрьскую ночь, через два года после первого ареста, его повели из камеры в каменный погреб и там убили выстрелом в затылок.

Слыша шаги тех, что шли убить его, он встал и нацарапал на стене камеры слова: «Товарищи, я...» Больше он ничего не успел написать. Остались только эти два слова, а труп его сгнил в одной из обширных известковых ям.

Но сохранились документы и хроники гестапо, скрытые в глубине подземных темниц, и из раскопок эпохи позднего империализма мы, историки, узнали повесть о немецком коммунисте Мартине.

А теперь подумайте. Этот человек молчал в муках, под пытками. Молчал, когда от него отвернулись близкие, родные, брат и товарищи. Молчал, когда уже никто, кроме врагов, не разговаривал с ним. Порвались все узы, связывающие человека с миром, но он все молчал, — и вот цена этого молчания!

Тер Хаар поднял руку.

— Вот цена его молчания: вот чем мы, живущие, обязаны тысячам тех, кто погибал, как Мартин, чьи имена остались нам неизвестными. Вот единственная цель, ради которой он умирал, зная, что никакой лучший мир не вознаградит его за муки и что его жизнь навсегда окончится в известковой яме, что никогда не будет для него ни воскресения, ни отплаты. Но его смерть на какие-то минуты, а может быть, на дни или недели приблизила наступление коммунизма. И вот мы летим среди звезд, ибо ради этого он умирал, и вот коммунизм... А вы достойны звания коммуниста?

После этого вопля гнева и боли наступило короткое, страшное молчание. Потом историк заговорил снова:

— Вот и все, что я хотел вам сказать. Теперь уйдем, инженер, а они откроют дверь и, вытолкнутые давлением воздуха, выпадут в пустоту, лопаясь, как кровавые бомбы, и целую вечность будут там носиться останки тех, что струсили перед жизнью!

Он спрыгнул с выступа. Еще с минуту слышались его шаги, потом свистнул лифт. А люди стояли неподвижно, кто-то провел рукой по лицу, словно сдирая с него тяжелую, холодную маску, кто-то откашлялся, кто-то вскрикнул — или зарыдал, — потом все сразу двинулись и разошлись в разные стороны; наконец нас осталось только трое: Ирьола у самой двери, все еще с блокирующим аппаратом в руках, прислонившийся к стене и скрестивший руки на груди Зорин и я. Долго стояли мы так. Я уже хотел двинуться с места, когда над головами у нас раздался глухой протяжный свист: была уже ночь, зазвучали предостерегающие сигналы... «Гея» набирала скорость.

(Продолжение следует)

Сокращенный перевод с польского З. БОБЫРЬ

ОБЛАКО Магеллана

(НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ)

Станислав ЛЕМ — *Рис. Р. АВОТИНА*

СОЛНЦЕ ЦЕНТАВРА

Кончался уже седьмой год путешествия, и приближалась минута, когда все наши ожидания, планы и надежды должны были столкнуться с действительностью.

Проксима сияла все более ярким пурпуром. В телескопы уже можно было увидеть планеты Красного Карлика — более дальнюю, по величине превосходившую Юпитер, и ближнюю, размерами близкую к Марсу. Остальные компоненты системы, солнца A и B, были окружены большими семействами планет. Оба они сверкали ослепительной белизной, разделенные расстоянием в несколько дуговых минут. Другую пару, гораздо более слабую, составляли Сириус и Бетельгейзе, казавшиеся оптически двойной звездой, красной и синей.

Когда расстояние между нами и Карликом уменьшилось до шестисот миллиардов километров, раздался звук предостерегающих сигналов, повторявшийся с тех пор ежевечерне: «Гея» снижала скорость. Удивительно было вспоминать ощущение подавленности, когда-то вызывавшееся этим сигналом, который сейчас звучал, как победные фанфары. После четырехмесячного торможения наша скорость упала до четырех тысяч километров в секунду, и мы уже приближались к первой планете Красного Карлика. «Гея» двигалась под углом в 40 градусов к ее эклиптике, астрогаторы намеренно не вводили корабль в эту плоскость, так как следовало ожидать, что аналогично с областями вокруг нашего Солнца она наполнена затрудняющей маневрирование метеоритной пылью. Астрофизики и планетологи непрерывно

[1] Продолжение. Начало см. в № 5.

суточными сменами дежурили у своих наблюдательных инструментов. Первую планету мы миновали на расстоянии четырехсот миллионов километров. Мы не приближались к планете, так как это был скалистый, оледенелый шар, одетый толстым покровом замерзших газов.

На девятнадцатый день после пересечения ее орбиты поздно вечером, когда мы все уже собирались спать, рупоры подали сигнал, означавший, что через минуту обсерватория сообщит что-то очень важное. После минутного ожидания раздался голос Трегуба, заявившего, что четверть часа назад «Гея» прошла полосу газа с необычным химическим составом и сейчас маневрирует, чтобы снова найти ее.

Мы поспешно оделись и поехали на звездный ярус. Хотя было уже далеко за полночь, там собралось много людей. Далеко внизу, ниже левого борта, пылал Красный Карлик в неподвижном с виду венце огненных языков. Его светимость достигала едва одной двадцатитысячной светимости Солнца, но пространство было как будто наполнено туманом с кровавой окраской. Выше простиралась все та же черная тьма. И вдруг все сразу вскрикнули, словно одной грудью.

«Гея» вошла в полосу светившегося газа. На один момент она окуталась бледным трепещущим покровом, который вспыхивал, рвался в клочья и угасал далеко за кормой. Вскоре «Гея» опять вышла в пустое пространство, еще более уменьшила скорость, едва не повисая неподвижно, потом подняла нос кверху и снова вошла в поток невидимого газа. Он был крайне разрежен и при медленном ходе корабля не светился; только когда наша скорость возросла до девятисот километров в секунду, ионизированные атомы засверкали, ударяясь о панцирь, и у стен галереи затрепетали бледно светящиеся языки.

Среди нас находился астрофизик, только что окончивший дежурство. Он сказал, что, судя по анализам, мы движемся в полосе молекулярного кислорода. Это всех очень удивило, так как в мировом пространстве скоплений свободного кислорода не бывает.

— Астрогаторы предполагают, — сказал астрофизик, — что мы вошли в хвост какой-то необычайной кометы, и хотят потратить некоторое время на ее исследование.

Весь следующий день, ночь и еще один день мы гнались за убегающей от нас, все еще невидимой головой кометы. И только на третью ночь, снова очень поздно, во всех рупорах раздался голос Трегуба, сообщавшего, что главный телетактор обнаружил голову кометы на расстоянии девятнадцати миллионов километров от нас.

Начались паломничества в обсерваторию. Вечером диаметр кометы уже можно было измерить: он не превышал километра. Астрогаторы сочли, что мы уделяем проблеме кометы слишком много времени: она, несомненно, важна для астрофизиков, но противоречит главной цели полета, а потому мы должны вернуться на прежний курс. Однако астрофизики выпросили еще одну ночь погони за кометой. Приняв во внимание малую «населенность» пространства в этой области, мы увеличили скорость до девятисот пятидесяти километров в секунду, и корабль, окруженный ярким сверканием кислорода, помчался вслед за головой кометы. В пять часов утра в рупорах заговорил Трегуб, и с первыми же его словами все сердца сильно забились.

— Говорит центральная обсерватория «Геи». Предполагаемая голова кометы не космическое тело, а искусственное сооружение, похожее на наш звездолет.

Трудно описать возбуждение, воцарившееся на всех ярусах. В обеих обсерваториях началась такая давка, что астрофизикам пришлось попросить любопытных уйти, так как они мешали работать. Тогда все, вооружившись какими только могли наблюдательными инструментами, собрались в передней части галереи по левому борту, откуда уже простым глазом можно было увидеть неясное пятнышко, медленно ползущее по неподвижному звездному фону.

Когда разделявшее нас расстояние уменьшилось до тысячи километров, «Гея» направила антенны в сторону неизвестного корабля и во всю силу своих мощных передатчиков послала ему позывные. Предвидя, что неизвестные существа могут не

понять нас, мы беспрерывно посылали им соотношения пифагоровых треугольников и другие простые математические формулы, но ответа не было. Направленные на корабль приемники молчали. Тогда мы начали сигнализировать светом.

Наконец около полудня совет астрогаторов решил выслать легкую разведочную ракету, без людей, с одними автоматами. Еще через четыре часа двести человек, столпившись на верхней галерее ракетной площадки, смотрели с высоты, как краны передвигают округлую, четырнадцатитонную сигару на взлетные рельсы, а в ее недра входят матово поблескивающие панцирями автоматы.

Мы перешли на звездную галерею, чтобы оттуда следить за дальнейшими событиями. К сожалению, видно было немногое, так как наблюдениям мешали ослепительно пылающие парные солнца Центавра. Струя разреженного кислорода больше не светилась, так как все наши двигатели были выключены и мы превратились в спутник Красного Карлика. Поль Борель любезно предоставил мне подзорную трубку со стократным приближением. Установив ее в переднем углу галереи, щурясь от невыносимо яркого света, я увидел, как разведочная ракета, мигая бледными язычками атомного горючего, разрезает мрак. Наконец она подошла к кораблю так близко, что слилась с ним в одно пятнышко. Огонь ее выхлопов погас — очевидно, она затормозила. Передатчики ракеты были соединены непосредственно с сетью рупоров «Геи», так что каждое высланное автоматами донесение приходило к нам немедленно. Первое из них, высланное через одиннадцать минут после отлета ракеты, гласило:

«Неизвестный корабль поврежден».

«Пытаемся войти в корабль, не нарушая оболочки».

Потом наступило молчание. Астрогаторы посылали запросы, но ответа не было, сердца у нас начали тревожно сжиматься, но вдруг мы услышали только одно слово: «Возвращаемся» — и тотчас же увидели вспышки заработавшего двигателя.

Ракета выполнила обычный маневр, подошла под входной шлюз и, втянутая магнитным полем, очутилась на первом ярусе ракетной площадки.

Мы снова спустились на лифтах. Двойные клапаны шлюза открылись, ракета высунула нос, замерла и, притянутая стальной рукой крана, начала подниматься, показывая весь свой корпус. Механоавтоматы отвинтили болты выходного клапана со всех четырех сторон сразу, и настало мертвое молчание, в котором слышалась работа еще не выключенного радиопульсатора ракеты. Под нею остановилось несколько человек: астрогаторы, физики, обслуживающие площадку инженеры. В открытой дверке появились первые автоматы, съехали на платформу. Гротриан задал им какой-то вопрос; ответа мы не расслышали, но услышали возглас, вырвавшийся у стоявших. Несколько голосов, в свою очередь, крикнуло сверху:

— Что они говорят?

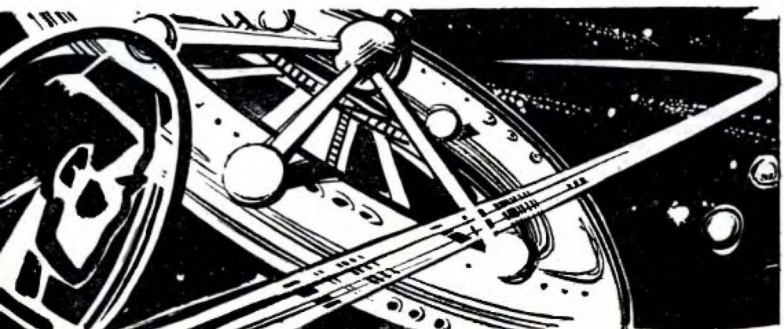
Гротриан поднял внезапно побледневшее лицо.

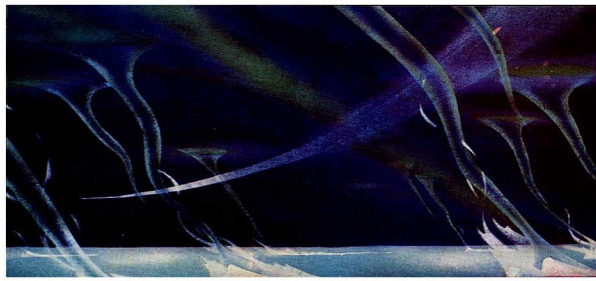
— Они говорят, что там есть люди.

НЕИЗВЕСТНЫЙ КОРАБЛЬ

Через полчаса экипаж «Геи», собравшись на ракетной площадке, смотрел, как Ланселот Гротриан, его помощник Петр с Ганимеда, Тембхара, инженеры Трелоар и Утеневт и историк Тер Хаар входят по трапу в поставленную на рельсы ракету.

Другую ракету, грузовую, с инструментами и автоматами, должен был вести один пилот Амета, но в последнюю минуту было решено, что в экспедиции может понадобиться врач, и выбор пал на меня.





Внутри ракеты было тесно. Едва я улегся рядом с пилотом и затянул ремни, как послышался сигнал, контрольные лампочки на управлении вспыхнули, и ракета, сдвинутая стальной лапой, спустилась в тоннель. То-то загремело. Я почувствовал, что мое тело стало тяжелее. В круглом окошке перед головой Аметы зачернело небо. Мы летели.

Через некоторое время я приподнялся на локтях, но увидел только изогнутые назад, трепещущие языки пламени, льющиеся с носа: мы тормозили.

Я взглянул выше, и вдруг перед моими глазами возник неизвестный корабль.

Он был веретенообразный, одинаково заостренный с обоих концов. На середине его корпуса вдруг заблестела далекая звезда. Я думал, что он прозрачен, но тотчас же понял ошибку. Это был вовсе не звездолет, а что-то вроде примитивного искусственного спутника. То, что я принял за заостренный корпус, было в действительности видимым в ракурсе кольцом.

Неизвестный корабль рос быстро, словно раздуваясь на глазах. Это обычная для космической пустоты иллюзия; именно так выглядит приближающаяся цель полета. Амета снова включил тормоза и сделал поворот. Корабль проплыл внизу, под нами. Похожий на плоское колесо со спицами и приплюснутой ступицей, он медленно вращался, и трубки его спиц лениво передвигались на черном фоне глубин, словно перемалывая звезды. В центре возвышалась летная площадка, поддерживаемая решетчатой башней. Мы кружились, а первая ракета уже спускалась туда. Она не остановилась на площадке, но спустилась ниже, ритмично мигая пламенем двигателей, подогнала свое движение к движению кольцевого края спутника, повисла над ним, а потом, выбросив из носовой дюзы короткое пламя, выдвинула магнитные причалы и прикрепилась ими к краю спутника там, где на его поверхности темнело неправильное пятно.

Амета слегка передвинул рычаги. Мы ринулись вниз. Плоский диск площадки рос на глазах, закрыл небо — казалось, мы пробьем ее насквозь, как пуля. Над самой площадкой ракета подняла нос кверху и взвилась вертикально в черную пустоту. Наша продолговатая тень мгновенно скользнула по рифленому металлу, тускло алеющему в свете Карлика.

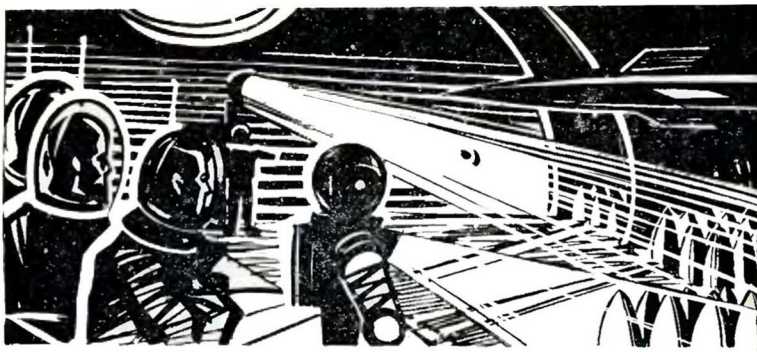
Амета описал петлю и направил ракету вокруг искусственного спутника. Мы очутились в плоскости его кольца и мчались по суживающейся спирали. Серебряное кольцо спутника увеличивалось, пока не заполнило всего окна, вытесняя черное, усеянное звездами небо, залитое попеременно то мраком, то светом Красного Карлика. По мере того как Амета переводил рычаги, эти смены света и тьмы становились все медленнее. Мы теряли скорость.

Ракета дрогнула. Мы остановились как раз рядом с первой ракетой. То, что казалось пятном, было большим отверстием, пробитым в оболочке кольца. Я не видел товарищей — должно быть, они вошли внутрь спутника. Амета открыл задний люк, вызвал механоавтоматы, отстегнул ремни и вышел наружу.

Я еще раз хотел поискать взглядом «Гею» — она должна была находиться где-то на фоне звездного роя Стрельца, — но Амета уже нырнул в отверстие. Я последовал за ним.

Сокращенный перевод с польского З. БОБЫРЬ

(Продолжение следует)



ОБЛАКО Магеллана

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ[1]

Станислав ЛЕМ *Рис. Р. АВОТИНА*

Мы очутились в коридоре, идущем внутри кольцеобразной трубы. Отверстие было сделано, несомненно, метеоритом, пробившим трубу насквозь. Стены вокруг пробоины были сильно разрушены. За распоротыми листами обшивки виднелся переплет каркаса, а пол собрался гармоникой и образовал высокие складки, через которые нужно было перелезать. Размеры деформации говорили о низком качестве материалов.

Мы дошли до первой двери в плоской вертикальной переборке. Ее поверхность была густо усеяна бегущими в шахматном порядке выпуклостями; позже инженеры сказали мне, что это были так называемые заклепки, которыми и на нашей планете в древности соединяли между собою листы металла.

Дверь была полуоткрыта; четыре надреза на ней показывали, что именно здесь вошли внутрь корабля высланные с «Геи» автоматы. Сквозь узкую щель мы проникли в тесное квадратное помещение; в стене виднелась еще одна дверь. Амета вошел туда первым. Из-за его плеча я увидел остальных.

Они стояли посреди длинного, довольно обширного помещения; нагрудные лампы скафандров были у всех зажжены, и потому здесь было достаточно светло. В стенах виднелись шкафчики, некоторые полуоткрытые; на столах — груды фарфоровых и стеклянных колб, перегонных аппаратов и стаканов; под столами среди груды керамических обломков валялись склянки каплеобразной формы. В одном углу стояло что-то вроде стеклянного вытяжного шкафа, в другом зияло квадратное отверстие. Кто-то из товарищей бросил в его глубину сноп света; свет отразился от выпуклостей огромных бутылей, наполненных застывшей коричневой массой. Я удивился, заметив, что потолок, стены и пол этого помещения покрыты свинцовой оболочкой.

— Что это такое? — спросил я. Утекевт манипулировал при механоавтомате.

— Это культуры бактерий, — ответил Гротриан. — При низкой температуре они могли уцелеть.

— Но ведь космическое излучение должно было давно уже убить их, — начал я, но умолк, поняв назначение свинцового экрана.

Гротриан осветил синеватую облицовку стен.

— Этот панцирь защищал их, но сейчас мы все стерилизуем, — сказал он. Механоавтомат поднял голову — источник убийственного для бактерий ультрафиолетового излучения. Астрогатор посвето-

[1] Продолжение. Начало см. в №№ 5, 6.

вал облучить также наши скафандры, и тогда мы двинулись дальше.

Так начался наш поход в недра искусственного спутника. С пола на каждом шагу поднималась легкими клубами невесомая пыль, обвевая нас по плечи ленивыми волнами, то серебристо искрящимися в луче нагрудных ламп, то кровавыми в свете Красного Карлика, падающем сквозь круглые потолочные иллюминаторы и озарявшем наши шлемы рубиновым блеском. Из полупрозрачных клубов пыли появлялись покрытые серым налетом стены и предметы, сдвинутые тесно, на расстояние протянутой руки; казалось, этот кольцеобразный коридор устроен для карликов, так теснились друг к другу перегородки и аппараты, так низко нужно было нагибаться в дверях. Мы пересекли какой-то склад, заваленный стальными баллонами; дальше снова шел коридор с вязнущими в облаках пыли кругами красного света. Он окончился большой дверью.

Гротриан толкнул дверь и замер на пороге, загораживая нам путь. Я заглянул ему через плечо. Два луча наших ламп осветили высокое помещение, с обеих сторон уставленное какими-то переплетами, которые я принял за клетки, но которые оказались многоярусными койками. У самых ног Гротриана лежало что-то скорченное, словно полуопорожненный мешок из зеленоватого брезента. С одного конца этот мешок раздваивался, на другом, ближе к астрогатору, было шаровидное утолщение.

Я содрогнулся. Это был... человек.

Он лежал навзничь, подогнув ноги, придавив туловищем руку. Лицо у него было закрыто кожаным шлемом. Он был мертв уже много веков.

— Что это значит? — спросил я, невольно понизив голос.

Никто мне не ответил.

Гротриан перешагнул через труп и вошел в помещение. Мы двинулись вслед за ним по узкому проходу между клеткообразными койками. Следующая дверь не открывалась. Механоавтомат коротким взмахом ударил ее посредине. Дверь распахнулась. Волны пыли, плывшие между мною и закованной в латы спиной идущего впереди, сгущались по мере того, как мы углублялись в помещения, где не было окон. Кровь стучала у меня в висках, словно тикали невидимые часы; в горле стоял комок.

В хаотической путанице мебели, аппаратов, утвари, закутавшись в скомканные одеяла и всяческие покрышки, лежали, сидели, валялись мумии по две, по три, судорожно охватывая друг друга руками, прижавшись лицом к полу или запрокинув головы.

Мы поднялись наверх и очутились в полумраке тесного прохода, ведущего в центральную камеру. Здесь нужно было продвигаться с помощью тонких металлических канатов, прикрепленных к стенам. Коридор заканчивался очень массивной стальной дверью. Мы прорезали ее лучистой горелкой автомата.

Гротриан вошел первым. Там было темно; лучи ламп бродили по каким-то закоулкам и нишам; отсутствие тяжести мешало ориентироваться, так как магнитные присоски позволяли ходить, но не могли полностью заменить тяготение. В пустом пространстве поднимались и лениво проплывали среди нас какие-то большие пузыри, вроде раздувшихся рыб; иногда свет отражался от полированной поверхности какого-нибудь из них. Только когда механоавтоматы собрали Юпитер, я увидел, что нахожусь в сводчатой камере. С потолка свисали клещи грейфера, охватившие ракету примерно четырехметровой длины, с неуклюжими стабилизаторами. Когда прожекторная головка автомата описала круг, я заметил, что в темных нишах стоят грушевидные баллоны числом свыше тридцати. Из каждой ниши выходил узкий рельсовый путь, заканчиваясь под краном у поворотного круга. Гротриан обратился к Тер Хаару:

— Бомбы, верно?

— Да, — ответил историк. — Урановые.

Гротриан вызвал механоавтомат и приказал ему просветить один из грушевидных баллонов лучами Рентгена. Мы перешли на другую сторону, чтобы увидеть результаты просвечивания на приставном флуоресцентном экране.

Механоавтомат включил ток. На зеленовато светящемся экране появилась тень внутреннего устройства баллона. Не догадываясь о его назначении, я видел, что в центре сходятся радиальные

трубки, штук четырнадцать или шестнадцать. Концы трубок соединялись вверху кабелями, сходившимися в одну точку. Утеневт нашел ее на поверхности баллона; там был маленький колпачок, поднимавшийся на пружине, а в нем контактный рычажок, вот и все.

Гротриан запретил нам трогать что бы то ни было. Мы вышли в отверстие, прорезанное в панцире автоматами, и вернулись в большое помещение с зеркалом. Оттуда путь шел по коридору в маленькую каюту. Под потолком перекрещивались пучки кабелей в толстых оболочках, по стенам виднелись распределительные панели с рядами контактов: это было что-то вроде очень старинной вакуумной счетной машины. Перед панелями сидели в трехногих креслах четверо скорченных людей с наушниками на головах.

Далее коридор был выстлан толстым, мягким ковром. Мы вошли в дверь, на которой были мелкие серебристые буквы: «Главнокомандующий Межзвездными силами атлаитидов».

Здесь стояли большие застекленные шкафы с древними книгами, широкие кресла.

За письменным столом сидел в большом кресле человек. Вероятно, когда-то он был очень рослым. Выставленные далеко вперед ноги торчали из-под стола. Голова была вздернута, и острый кадык торчал на шее, окруженной белым меховым воротником куртки. Когда я подошел ближе, мне показалось, что командир мертвого корабля улыбается. Я обошел стол и заглянул ему в лицо, темно-серое, покрытое инеем. Губы у него обтянулись, обнажив зубы, стиснутые на каких-то блестящих осколках. Я наклонился, невольно задержав дыхание, и увидел, что это полуразгрызенная стеклянная ампула.

Кто-то положил мне руку на плечо. Это был Тер Хаар.

— Идем, — сказал он, и только сейчас я заметил, что мы одни в каюте. С порога я еще раз оглянулся на комнату. Красный свет Карлина скользил по лицу мумии, словно тщетно пытаясь оживить ее. Высохшая, сморщенная, она была лишена возраста, словно всегда была мертвой, словно никогда не струилась в ней живая кровь.

Мы вошли в пустое помещение. Под потолком шли параллельные пучки трубок, у стен стояли рядами газовые баллоны в металлических стойках. Здесь собрались все товарищи.

— Этот спутник, — говорил Гротриан, — покинул свою планету не меньше чем одиннадцать веков назад. Его хозяева намеревались разбрасывать с него бактерии и метать атомные бомбы. Для лучшей наводки на цель они снабдили его ракетным устройством, позволявшим ему переходить с более близких к планете орбит на дальние. Возможно, что ошибка в расчетах заставила его сойти с намеченной орбиты. Так начался путь этого корабля в космической пустоте. Через много сот лет он попал в поле притяжения Проксимы и увеличил собою число вращающихся вокруг нее тел.

Пока Гротриан говорил, я невольно представил себе, как запертые в металлической оболочке люди уходили в ледяные глубины, как постепенно застывала в них кровь, как они боролись за тепло, за жизнь... Сотни лет прошли после смерти последнего из них, а стальной корабль неутомимо вращался вокруг остывающей звезды, неся свою окаменевшую команду.

— Их удел, — продолжал астрогатор, — стал подобен тому, какой они готовили другим. Я считаю, что мы не должны ни выяснять подробностей этой древней трагедии, ни бесчестить мертвецов, ибо они останки живых существ. Я полагаю, что мы должны уничтожить этот корабль. Нельзя, чтобы кто-нибудь другой смог увидеть то, что видели мы. Поэтому свое решение мы должны принять немедленно. Тер Хаар?

— Согласен с тобой.

— Утеневт?

— Присоединяюсь.

— Трелоар?

— Согласен.

— Амета?

— Я не уверен, прав ли ты, — произнес пилот, — но не буду возражать большинству. Не знаю, имеем ли мы право забыть обо всем этом.

— Мы не забудем, — возразил Тер Хаар, — тем более, что пре-

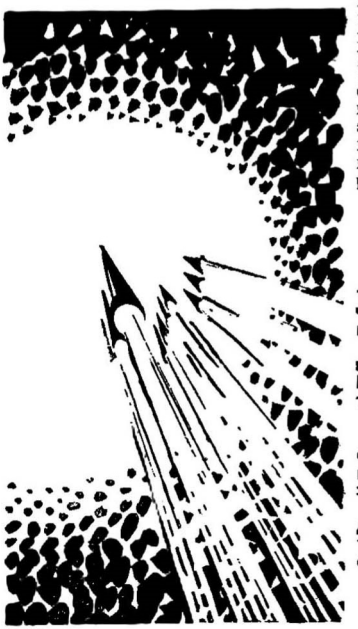
жде всего я запечатлю все важные для науки факты и заберу документы.

Казалось, Амета хочет сказать еще что-то. Гротриан смотрел на него выжидательно, но пилот отступил на шаг и отвернулся. Под конец астрогатор взглянул на меня; я молча кивнул головой. Тогда Тер Хаар, взяв в помощь инженеров, отправился в каюту командира. Гротриан вышел, чтобы связаться по радио с «Геей», а я двинулся по коридору без определенной цели, ощущая себя, как в кошмарном сне, не веря, что действительность может быть столь ужасной.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПОСЛЕДУЮЩИХ ГЛАВ

После уничтожения спутника атлантидов «Гея» отошла от Красного Карлика и исследовала его планеты, ища минералы, достаточно тяжелые, чтобы послужить атомным горючим (люди научились извлекать атомную энергию из любого вещества).

На одной из планет было сделано поразительное открытие: найдено что-то вроде подземного хода, а в нем — какие-то остатки, несомненно, органического (белкового) происхождения. Собственной жизни на этой планете никогда не было, люди с Земли очутились на ней впервые; следовательно, нужно было предположить, что здесь побывали существа более близкие — скорее всего, с планет других компонент системы, — стоящие, очевидно, на высоком уровне развития. Такое предположение подтверждалось и найденными на спутнике следами «астрона» — искусственного элемента, источника гамма-излучений, могущего заменить аппарат Рентгена. Поэтому «Гея» помчалась к системе солнц А и В. По пути туда ее аппаратами были приняты радарные сигналы, высланные, как оказалось, со второй планеты солнца А; «Гея» попыталась уйти от этих сигналов, но напрасно: они словно ловили ее. Тогда она направилась прямо к этой планете, где, несомненно, были высокоразумные существа. Планета была окутана густыми облаками и потому названа Белой Планетой. Оставаясь на расстоянии 200 километров от нее, звездолет выслал для разведки большой отряд ракет: сначала большую ракету, несущую только телевизоры, потом несколькими группами, 30 маленьких ракет с людьми. Но на определенном уровне над планетой первая группа ракет воспламенилась, хотя телевизорная ракета прошла беспрепятственно. Второй группе был подан сигнал немедленного возвращения, но почти все пилоты не успели сманеврировать и тоже погибли. Удалось вернуться только Амете, самому отважному и опытному из них; свою ракету он повернул кверху так резко, что этот толчок разорвал у него все кровеносные сосуды. Умирая в страшных муках, он все же успел сказать: «Большие ракеты... дойдут... на больших...»



ЦВЕТЫ ЗЕМЛИ

Всю ночь «Гея» удалялась от планеты. Утром, в 8 часов, рупоры объявили, что совет астрогаторов созывает команду на совещание.

В амфитеатре, наполнившемся за четверть часа, стоял низкий, глухой шум. Возвышение у стены было пусто; вдруг там появился Тер Акоконьяи и объявил:

— Слово имеет профессор Гообар.

Тогда все мы увидели, что Гообар уже стоит рядом с ним, слегка наклонившись, и смотрит в зал. Стало очень тихо, и он заговорил:

— Представляю вам гипотезу, которая должна объяснить происшедшие события и определить наши дальнейшие действия.

Вчерашние трагические происшествия показывают, что Белая Планета населена, по-видимому, какими-то кровожадными существами, руководящимися в своих действиях чем-то непонятным для людей. Из разговоров я знаю, что так думают многие из вас. Этот взгляд я считаю неверным. Об этих существах мы знаем очень мало, но одно лишь несомненно: они разумны. Но тогда их поведение становится бессмысленным. К планете приближается звездолет, он высылает ракеты, а их уничтожают. Почему?

Гообар подробно рассмотрел вчерашнюю трагедию. По его словам, телевизорная ракета, которую тоже удалось вернуть на звездолет, уцелела не случайно, а потому, что очень существенно отличалась от остальных; и это различие состояло не в том, что на ней не было людей, а в том, что она была крупнее ракет с людьми.

Далее Гообар доказал нам, что эта трагедия тесно связана с мертвым спутником. Уничтожив его, мы создали яркую вспышку, уловленную на Белой Планете, и тем выдали свое присутствие. Обитатели Белой Планеты знали о существовании спутника, о наличии урановых бомб на нем и даже об их назначении; это доказывается найденными на бомбах следами астроида. Догадавшись по вспышке о нашем присутствии, Планета стала следить за нами с помощью радаров и увидела, что мы направляемся к ней.

— И вот, — продолжал Гообар, — неизвестный звездолет достигает планеты и высылает из своих недр тридцать ракет. Маленьких ракет. Обитатели Белой Планеты — мы смело можем назвать их людьми — никогда не видели таких ракет, думаете вы? Неверно. Вспомните снимки, принесенные с мертвого спутника. Каким образом могли быть сброшены с него атомные бомбы? С помощью небольших, четырех-пятиметровых ракет. М а л е н ь к и х ракет. И вот в небе Белой Планеты появляется тридцать маленьких ракет под предводительством одной большой. Разве не ясно, что большая ракета несет команду, которая должна спуститься ниже облаков, высмотреть цель и обрушить на нее урановые бомбы? Как избежать этого несчастья? Уничтожить бомбы. Но как? К счастью, обитатели Планеты когда-то побывали на мертвом спутнике, просвечивали бомбы, знают их устройство. Чтобы обезвредить бомбу вовремя, нужно взорвать ее пороховые заряды, сильно повысив их температуру. Но — думают эти люди дальше — мы поступим так только с бомбами. Большой ракеты с экипажем мы не тронем. Пусть неизвестные пришельцы видят, что мы не хотим воевать с ними, не хотим уничтожать их.

И весь этот план приводится в исполнение.

Если бы на месте неизвестных обитателей Белой Планеты были земные люди, то они, вероятно, поступили бы точно так же. Значит, неизвестные должны быть в точности похожи на людей. И, значит, в первой же межзвездной экспедиции, выбрав среди звезд ближайшую, узнав одну из миллионов планетарных систем в Галактике, мы сразу же обнаруживаем существа, сходные с человеком. Разве это не случайное совпадение и разве такая случайность возможна? Я отвечу так: схема человеческого рассуждения проступает в поступках неизвестных существ не потому, что она лучшая, а потому, что она обязательна. Чтобы овладеть материальными силами вселенной, человек должен был в течение тысячелетий выработать именно такие методы индуктивного и дедуктивного мышления, выросшие из простых рефлексов живой материи. Недалеко можно уйти, поклоняясь звездам, вместо того чтобы исследовать процессы в их недрах. Если же обитатели Белой Планеты создали высокую цивилизацию, — а это несомненно, — то их разум должен действовать по законам логики, подобной нашей. Обязательно ли при этом внешнее сходство? Конечно, нет. Условные рефлексы по своей сути одинаковы у обезьяны, кузнечика и акулы, но никто не назовет эти существа сходными анатомически.

В заключение несколько слов об общественном устройстве Белой Планеты. Мы знаем немного, зато самое существенное. Радарный сигнал, следивший за нашими движениями, был непрерывным, несмотря на вращение планеты; следовательно, его высылали передатчики, образующие всепланетную систему, и по мере того как одни заходили за горизонт, другие перенимали их функцию. Радарная защита имеет всепланетный характер, следовательно, в техническом отношении ее обитатели так же объединены,

как и мы. Но для технического объединения необходимо объединение общественное. Мы должны попытаться наладить связь с обитателями Планеты. Удастся ли это сразу, неизвестно. От нас требуется многое — требуется нечто такое, чего никто на Земле от нас не требовал, — и мы должны выполнить это, ибо таковы законы истории. Человечество не может остановиться на своем пути. Мы должны сделать этот великий следующий шаг; а внутреннюю готовность на то, чтобы принять его последствия, мы найдем в сознании необходимости, которое уже для следующего поколения станет новой, высшей свободой.

Едва Гообар кончил, как снова появился Тер Аконьян с бумагой в руке. Он прочел:

— «Совет астрогаторов — команде корабля.

В ближайшие годы человечество начнет совершать трансгалактические перелеты. Для них потребуются промежуточные космические станции на небесных телах, движущихся поблизости от солнечной системы. Положение системы альфа Центавра делает ее естественной базой таких станций для полетов в направлении к южному полюсу Галактики и к Облакам Магеллана. Обсудив все это, совет астрогаторов решил:

1. Продолжать попытки связаться с населением Белой Планеты.

2. Эти попытки могут закончиться гибелью корабля. В таком случае последующие экспедиции возобновят их, но постройка космической станции будет отсрочена на четверть века. Во избежание этого, прежде чем «Гея» попытается связаться с Белой Планетой, из планет альфы Центавра будет выбрана одна, наиболее подходящая для постройки космической станции. Оставленные на ней механизмы начнут работу под управлением одного человека. Совет астрогаторов решил поручить эту работу механевристу — пилоту Зорину, так как он обладает всесторонним политехническим образованием и большим опытом в строительстве космодромических станций».

Астрогатор кончил чтение и оглядел зал, и тут я заметил, что сидевшая внизу Анна встала и вышла в боковую дверь. Из средней зоны протиснулся вперед Зорин, поднялся на возвышение. Легкий гул, послышавшийся в зале при последних словах Тер Аконьяна, утих. По законам межпланетной навигации человек не может оставаться на космодромической станции один и должен иметь хоть одного товарища. Зорин сейчас должен был его выбрать. Зал сосредоточенно утих, хотя все мы знали, что пилот сделал свой выбор заранее и сейчас только ищет того, кого выбрал себе в товарищи. Вдруг сердце у меня дрогнуло. Напрасно я говорил себе, что это бессмысленно, невозможно: кто я такой для Зорина? Только один из членов команды, едва знакомый человек... Вот будь на моем месте Амета...

Головы собравшихся чуть заметно приподнимались навстречу взгляду пилота и чуть заметно же опускались, когда он миновал их, и это напряженное ожидание проходило по залу, как волна. Потом его глаза остановились на мне так упорно, что, сам того не замечая, я встал.

— Ты согласен? — донесся до меня, словно издали, голос Первого астрогатора.

— Согласен, — ответил я, и зал глухо зашумел.

Зорин и Гообар беседовали с астрогаторами; потоки людей спускались сверху, окружали возвышение. Я вышел в пустой, тихий коридор. Во мне не было ни возбуждения, ни гордости, ни радости — ничего. Я шел долго и вдруг остановился: ноги сами принесли меня в фойе концертного зала. Сердце у меня сжалось. я подумал об Анне. Куда она могла пойти? Я приостановился, потом ускорил шаги.

Ближайший лифт поднял меня к саду. Я увидел Анну еще издали: она сидела на траве, густо усеянной незабудками. Раскрытыми ладонями она прикасалась к цветам, словно слепая. Я остановился позади нее.

— Это ты... — негромко произнесла она, но не тоном вопроса. Я присел в траве рядом с ней. Со стороны это должно было показаться смешным: двое взрослых людей сидят в траве, как дети.

— Ты был на собрании до конца? — спросила Анна.

— Да

— Зорин?

— Да.
— И ты?
— Да.
Она молчала.
— Ты слушала потом дома? — спросил я.
— Нет.
— А отиуда ты знаешь?
Оиа подняла голову.
— Я так думала. А ты?
— Нет, — удивленно ответил я.
Она усмехнулась.
— Ты всегда догадываешься последним.
С лицом у иее делалось что-то странное; я видел, кан она старается улыбнуться. Потом оиа отвериулась, а когда сиова взглянула иа меня, то была уже вполне спонойна. Вдруг она спросила меия:
— Ты вернешься?
Я быстро приподнялся.
— Дорогая... Я вернусь, коиечно, вериусь, ко, знаешь, ие только я ухожу от тебя... мы оба расходимся в разные стороны.. А ты вернешься? — Я пытался улыбиуться и говорить весело, но Аина осталась серьезной.
— Да, — ответила она. — Я, наверное, вернусь.
— Это хорошо.
Оиа взгляиула иа меня, ее темные глаза были совсем близко.

Поиски продолжались месяц; обсерватория работала днем и ночью; телетанторы и радарскопы неустанно вглядывались в пространство, и в результате выбор астрогаторов пал на безыменный астероид диаметром около 400 километров, обладавший полем притяжения ничтожным, но совершенно достаточным, чтобы человек мог передвигаться по его поверхности, не опасаясь улететь в пустоту.

«Гея» облетала его в течение двух недель. За это время тектоники убедились, что скала достаточно прочна и может просуществовать еще тысячелетия; вслед за тем на астероид стали перебрасывать машины, строительные материалы и запасы провианта.

Строительные автоматы быстро вгрызались в скалу и сделали в ией два круглых углубления; в одном поместилась сводчатая жилая камера с запасами воздуха, в другом — атомный котел, который должен был снабжать нас теплом и электричеством.

День за днем грузовые ракеты перевозили иа планетоид материалы и части для постройки будущего радарного передатчика. Наконец последние грузы легли на каменистый грунт среди скал.

Мы коротко и просто попрощались с товарищами, сказали близким такие слова, какие говорятся перед краткой разлукой. Когда мы с Зориным, уже в скафандрах, но еще с подиятыми забралами шлемов, сошлись у мостков взлетиого пути, на котором уже стояла готовая к старту ракета, из-за колонн выскочила вдруг девочка, обеими руками обнимавшая огромный букет белой сирени, и загородила нам дорогу.

Мы остаиовились, а девочка, четырехлетияя толстушка с мышиным хвостиком косички и густым румянцем на щечках, подияла букет и подала его Зорину.

— Вот тебе, — сказала она. — А когда вернешься, ты будешь опять рассказывать нам сказки?
— Конечно, — ответил Зорин. — Как тебя зовут?
— Магда.
— Кто тебе дал эти цветы?
— Никто, я сама.
Она облегченно вздохиула, видя, как

хорошо удалось ей исполнить свой замысел, а потом, заметив приближающихся астрогаторов, умчалась что было духу.

Тер Аконьян, Пендергаст и Ирьола молча пожали нам руки. Зорик первым втиснулся сквозь узкий люк в ракету и протянул руку за буиетом, который я ему осторожно подал. Потом я, в свою очередь, спустил ноги в люк.

Сокращенный перевод с польского З. БОБЫРЬ

(Окончание следует)

ОБЛАКО МАГЕЛЛАНА

(Окончание. Начало см. в № 5, 6, 7)

Станислав ЛЕМ Рис. Р. АВОТИНА

Букет сирени стоял в стеклянной банке у окна. Сидя за столом, я видел, как автоматы бурят шпуры в скале, десятки шпуров, складывающихся в концентрические круги. Потом они закладывали взрывчатку и исчезали. Взрыва не было слышно. Скала, охваченная огнем, вставала дыбом, метала в небо дым и камни. Почва дрожала, и с кистей сирени осыпались мелкие крестики цветов. В безвоздушном пространстве дым опадал, как железные опилки. Автоматы выползали из укрытий, спускались в воронку, укладывали слои металлических слитков. В поле зрения появлялся излучатель, вытягивал головку на длинной стреле и поворачивал ее во все стороны совершенно так, словно бы смешная железная жирафа оглядывалась в поисках воображаемых листьев.

Ослепительная сине-стальная молния. Металл, расплавленный излучением, распределенный по поверхности воронки, остывал. Автоматы ползали по шероховатой поверхности, обтачивали ее, выглаживали, полировали, пока она не начинала блестеть, как ртуть. Другие автоматы шли дальше, копали фундамент под антенную мачту. Грунт слегка дрожал. Все больше белых лепестков осыпалось с веток...

* * *

Для выполнения нужных строительных расчетов у нас был небольшой электронный мозг. Вечерами Зорин садился к столу и начинал с ним беседовать. Электромозг был маленький, узко-

специализированный, так что Зорину нередко приходилось подолгу ожидать результатов; он назвал аппарат «Дурачком», и это прозвище со временем приняло почти ласкательный оттенок. В течение нескольких вечеров Зорин, занятый проверкой хода строительства, откладывал анализ астрорадарных данных, осведомлявших нас обо всем, что творится в пространстве вокруг скалистого обломка, мчащего нас в пустоте. Взявшись, наконец, за них, он помрачнел, затем подошел к «Дурачку» и подал ему ряд цифр. Тот мешкал, как всегда; не дождавшись результатов, мы легли спать. Ночью Зорин встал и подошел к автомату, потом вернулся насвистывая: это означало, что он сильно не в духе. Я ни о чем не расспрашивал, зная, что каждая мысль должна в нем улечься.

— Знаешь, — сказал он мне наконец, — кажется, у нас скоро будет каша.

«Каша» на языке пилотов означает поток метеоритов. Известие не очень встревожило меня.

— Ну что ж, — сказал я, — ведь и наш дом, и атомный котел, и укрытие для автоматов рассчитаны с достаточным запасом прочности; часа два, не больше, нам придется потревожиться о них. Но странно, что астрогаторы ошиблись...

Зорин не ответил, но перед самым своим уходом (было уже светло) бросил мне:

— Это не простые метеориты, знаешь ли, а посторонние...

Я остался один. Зорин ушел к самой дальней работающей группе, так что у меня было около часа времени, чтобы обдумать его слова. Как известно, планеты посещаются двумя видами метеоритов. Внутренние метеориты, принадлежащие к самой системе, движутся по замкнутым орбитам, и их скорость относительно нашей планетки не могла превышать нескольких километров в секунду. Зато «посторонние» метеориты, стаи каменных и железных глыб, движущиеся по параболам, могут достигать огромных, сравнительно с телами системы, скоростей — до ста километров в секунду. Радар наш, по-видимому, уловил тень именно такого потока.

Мы приняли некоторые меры предосторожности: с помощью автоматов укрепили добавочными пластинами нашу камеру и крышу атомного котла, большого цилиндра, на три четверти погруженного в скалу в полукилометре от «дома».

Предположение Зорина превращалось в уверенность. Фотоснимки показали в одном из секторов неба маленькое пятнышко — это мчался рой тел таких маленьких, что они давали изображение только в совокупности, а сквозь этот рой просвечивали звезды.

— Может быть, это просто пылевое облако, — сказал Зорин, когда мы обсуждали вопрос, не уведомить ли «Гею» о своих опасениях, и решили не делать этого, так как товарищи не смогут нам помочь и будут только бесполезно тревожиться. Весь последующий день работы шли, как обычно: заканчивалась выемка котлована под второй фундамент будущего атомного котла, укры-

тие для автоматов было укреплено добавочными щитами, и мы не смогли обезопасить только временную радиомачту, возвышавшуюся над равниной на 45 метров и укрепленную системой натянутых якорями стальных канатов.

Ночью меня вырвал из сна гром такой силы, словно над головой у меня лопнул железный колокол. Койка шевельнулась, словно от толчка. Я сел, спустил ноги и ощутил босыми ступнями мелкую дрожь пола.

— Ты слышишь? — спросил я в темноту.

Ответа не было, но я знал, что Зорин не спит.

Через четверть часа взошло солнце, и ландшафт за окном ослепительно осветился. Насколько хватает глаз каменистая равнина взрывалась в десятках мест одновременно. Каменные глыбы дымились, песчаные фонтаны взвивались и падали, иногда тонко звякали осколки, ударившиеся о стену, и снова воцарялась тишина, внезапно разрываемая металлическим грохотом, словно потолок рушился и падал нам на головы: это какой-то обломок разбивался о верхний панцирь камеры.

Через три часа солнце зашло. Метеориты продолжали падать — правда, слабее и реже; планетка заслоняла нас теперь от главного их потока, и те, что падали на ее ночное полушарие, имели только скорость свободного падения, ничтожную сравнительно с космической скоростью потока.

Мы не знали еще, какую кривую описывает поток в пространстве и как далеко простирается. Приходилось ждать. Настал день, и почва снова задрожала. Снова на нас обрушивались мощные удары.

День за днем, ночь за ночью в призрачном блеске раскаленных камней и ледяном звездном мраке падал каменный дождь. Почва содрогалась, как живое существо под ударами, стены вибрировали, по всем предметам расползалась лихорадочная дрожь, охватывая и наши тела, — часы протекали в мертвой тишине, то и дело прерываемой звенящим грохотом. Мы были отрезаны. Небо извергало из своей черной глубины целые реки каменных обломков, осыпая ими астероид. Связь с атомным котлом и укрытием автоматов не была нарушена. Когда на третью ночь бомбардировка ослабела, мы вызвали автоматы для продолжения работ. Они вышли, но через какой-нибудь час один из них рухнул, сраженный прямым попаданием, от которого панцирь у него разлетелся, как стекло. Остальные заколебались, прервали работу и вернулись в укрытие: это сработали механизмы самосохранения.

Мы все еще надеялись, что астероид вот-вот выйдет из потока и что адский обстрел прекратится; поэтому мы ни о чем не сообщали товарищам.

Радиостанция находилась на верхнем этаже камеры, и в ее чечевицеобразное потолочное окно раньше было видно черное небо, но теперь автоматическое устройство закрыло его стальным щитком. Тут, наверху, мы разговаривали с товарищами. Так как мы связывались с ними ночью, когда метеоритов бывало меньше и риск прямого попадания снижался, то нам удалось скрыть от «Ген» все происшедшее. Мы молчали главным образом потому, что корабль находился уже лишь в пяти днях пути от Белой Планеты и все внимание наших товарищей сосредоточивалось на проблеме связи с ее обитателями.

На следующий вечер радиоприем значительно ухудшился. Окончив разговор с «Геей», мы убедились, что главный рефлектор антенны помят, а во многих местах и продырявлен.

— Работы стоят уже три дня, — заметил я, — а теперь мы еще можем потерять связь.

— Автоматы исправят антенну.

— Ты уверен, что они пойдут?

— Да.

Зорин подошел к панели управления и вызвал по радио автоматы. Была уже ночь, метеориты падали реже. Он вслушался и выключил микрофон.

— Идут? — спросил я.

Он остановился посреди каюты, расставив ноги, прищурясь, как борец, приглядывающийся к противнику, и молчал.

— Что делать? — спросил я наконец.

— Подумаем. Пока что попоем.

Мы пели примерно с час. То один, то другой из нас припоми-

нал новые песни. В перерыве между одной и другой Зорин вскользь спросил меня:

— Предохранитель самозащиты можно выключить, верно?

— Только не на расстоянии, — возразил я.

Мы снова пели. Иногда Зорин прислушивался. Потом он встал и оглянулся в поисках скафандра.

— Ты хочешь идти туда? — спросил я.

Он молча кивнул, всовывая ноги в шейное отверстие скафандра. Потом схватил серебристый материал у ворота и, подтягивая его кверху, пробормотал:

— Хорошо еще, что у нас-то предохранителей нет...

— Подождем еще... — начал я, бессильный перед его решимостью.

— Нет. Работа может подождать, а вот антенну исправить нужно. — Он проверил затяжки на плечах, поднял с пола шлем, взял его под мышку и направился к двери.

«Как будто меня тут нет», — мелькнуло у меня в голове. Ощущение нерешительности и беспомощности исчезло, меня охватила какая-то холодная ярость. «Я и сам не хуже», — подумал я, поспешно надевая второй скафандр. Когда я вышел в шлюз, кончая подтягивать ремни, он стоял уже у рычагов выходной двери. Услышав мои шаги, он обернулся и застыл с рукой на рукоятке. Я плотно закрыл внутреннюю дверь, задвинул засовы и встал с ним рядом.

Потолочная лампочка слабо освещала нас обоих — две серебряные фигуры посреди темных металлических стен.

— Что это значит? — спросил он наконец.

— Иду с тобой.

— Это бессмысленно!

— Не думаю.

Он секунду стоял не двигаясь, потом засмеялся по-своему — почти беззвучно — и взял меня за руку. Я противился, чувствуя, что он хочет переубедить меня.

— Слушай. — Он понизил голос. — Ты помнишь, для чего нас послали сюда?

— Помню.

— «Гея» может не вернуться.

— Знаю.

— Кто-то должен остаться, чтобы достроить станцию.

— Хорошо, но почему идешь ты, а не я?

— Потому, что я лучший механеврист, чем ты.

На это мне было нечего ответить. Он взялся за рычаг, но еще раз обернулся ко мне.

— Ты пойдешь, — сказал он, — если мне не удастся. Ладно?

— Ладно. — ответил я, удивленный прямотой этого разговора. — Я буду поддерживать связь с тобой по радио, — добавил я.

Он молча перевел рычаги. Раздался свист воздуха, всасываемого внутрь камеры. Шлюз опорожнялся, стрелка манометра медленно падала к красному нулю, поколебалась над ним и легла на упор шкалы. Зорин нажал на большие рычаги выходного клапана. Тот не открылся. Он проворчал что-то и надавил сильнее. Дверь дрогнула, но еще противилась. Я нажал плечом; она медленно приоткрылась, и к нашим ногам хлынула струя сыпучего песка.

Наконец дверь открылась. Зорин приподнял правую руку, сказал: «Пока!» — и исчез из виду так быстро, что я даже не заметил, в какую сторону он пошел. Я высунулся в полуоткрытую дверь и только тогда увидел его: он шел уже метрах в пятнадцати от меня, погружаясь почти до половины бедер в сыпучий песок, переливавшийся вокруг его ног при каждом шаге. Я огляделся, ища вдалеке купол атомного котла, так как там же находилось и укрытие автоматов. И вдруг я вздрогнул: в темноте сверкнула короткая молния, за нею еще три-четыре послабее. Метеориты!

— Как дела? — спросил я в микрофон, чтобы сказать что-нибудь.

— Как сироп, — ответил он немедленно.

Я умолк. Молнии вспыхивали то там, то сям — можно было подумать, что какие-то невидимые существа ведут световую сигнализацию. Вдруг я вспомнил, что стою снаружи. В этом не было смысла: уж если подвергать себя опасности, то нужно было идти

с ним. Я вернулся в шлюз и потерял Зорина из виду. Подняв руку, я оперся ею о стальную притолоку двери. Теперь я мог свободно смотреть на циферблат часов на руке и в то же время оглядывать горизонт в открытую дверь. Он сверкал непрерывно. Вглядываясь во вкрадчивое движение секундной стрелки, я ждал.

«Еще три минуты», — подумал я, а вслух спросил:

— Идешь?

— Иду.

Эти вопросы и ответы повторялись еще несколько раз. Потом я одновременно увидел две далекие вспышки и услышал подавленный вскрик.

— Зорин! — окликнул я.

— Ничего, ничего, — сдавленно ответил он.

Я глубоко перевел дыхание. Нет, конечно, метеорит не попал в него — будь это так, он бы погиб на месте.

«Идешь?» — хотел я спросить, но голос замер у меня в горле. В наушниках слышался резкий шум.

— Ну, пусти... — невнятно бормотал Зорин. — Зачем держишь? Ну же!..

— С кем ты говоришь? — спросил я, чувствуя, что волосы у меня становятся дыбом.

Он не ответил. Я слышал его затрудненное дыхание, словно он боролся с кем-то. Одним прыжком я очутился снаружи.

— Зорин! — крикнул я так, что в ушах у меня зазвенело.

— Сейчас, сейчас, — ответил он тем же сдавленным голосом.

Вдруг песок задрожал, зашевелился в одном месте: там вынырнула серебряная искра скафандра, выпрямилась и медленно двинулась вперед.

«Он упал, — подумал я. — Но с кем же он говорил?»

Оставив этот вопрос на более позднее время, я вернулся в шлюз. Вскоре Зорин проговорил:

— Готово. — И забормотал что-то, видимо раскапывая дверь укрытия, занесенную песком.

— Начинаю операцию, — произнес он через минуту.

Это тянулось дольше, чем я предполагал: полчаса по моим часам, но если измерять время напряжением моих нервов, то целые века. Наконец он сказал:

— Ну вот, теперь они будут как кролики. Возвращаюсь.

Не знаю, было ли это иллюзией, но мне показалось, что молнии участились. Раз и другой почва задрожала. От этой дрожи, на которую в камере мы не обращали внимания, сердце у меня забилось ускоренно. Зорин возвращался удивительно медленно. В наушниках раздавалось его дыхание, такое тяжелое, словно он бежал, а ведь он двигался медленнее, чем когда шел туда. Полный нетерпения и тревоги, я раза два выходил из шлюза. Белый кружок солнца А прикасался к скалистому горизонту. Ночь подходила к концу. Нужно было ожидать, что метеоритный дождь скоро усилится.

— Ну что ты медлишь? — закричал я в конце концов.

Он ничего не ответил, только тяжело дышал. Я не мог этого понять: прогулка не была такой изнурительной, особенно для него.

Вдруг он заслонил собою вход. Вошел в шлюз поспешно и както неуверенно, закрыл дверь и сказал:

— Войди внутрь.

— Я подожду... — начал я, но он резко прервал меня:

— Войди внутрь! Я сейчас приду.

Я повиновался. Через минуту он вошел, уже без скафандра — оставил его в шлюзе. Медленно подошел к столу, под лампу, приблизил руку к глазам, растопырив пальцы, и что-то пробормотал.

В сутуловатости его широкой спины было что-то страшное.

— Что с тобой? — шепнул я.

Он оперся руками о спинку кресла.

— Я плохо вижу, — глухо произнес он.

— Почему? Метеорит?..

— Нет. Я упал.

— Ну и что же?

— Споткнулся о тот разбитый автомат...

— Говори же!

— Кажется, у него был разбит котел... Знаешь, атомное сердце...

— И ты упал ТУДА?! — вскричал я в ужасе.

Он кивнул головой.

— Присоски, знаешь... магнитные присоски на башмаках зацепились за железо, и я никак не мог освободиться...

Спокойствие возвращалось. Я знал: нужно действовать немедленно. Метеорит разбил наш автомат так метко, что обнажил его атомное сердце — контейнер с радиоактивным веществом, — и Зорин, падая, всем телом прильнул к мощно излучающим обломкам.

— Что ты чувствуешь? — спросил я, подходя к нему.

— Не приближайся, — сказал он и отступил на шаг.

— Зорин!

— Я могу убить тебя. Надень защитный скафандр.

Я кинулся в другую кабину, надел тяжелый металлический панцирь. Я не мог застегнуть его на груди — так дрожали у меня руки. Когда я вернулся, Зорин полулежал в кресле.

— Что ты чувствуешь? — повторил я.

— Собственно говоря, ничего. — Он говорил с паузами, как безмерно усталый человек. — Когда я упал, то сразу увидел фиолетовое облако... пульсирующее облако... В глазах у меня потемнело... Там, у автоматов, я действовал почти вслепую.

— Ты меня видишь? — спросил я, подойдя.

— В тумане...

Я знал, что это значит. Жидкость внутри глазного яблока начала флуоресцировать под действием излучения. Индикатор на столе, на расстоянии двух метров, предостерегающе тикал: все тело Зорина стало радиоактивным. Должно быть, он получил огромную дозу.

— Болит у тебя что-нибудь?

— Нет, только слабость... и все уплывает...

Я взял его за плечи.

— Пойдем, ляжешь.

Он тяжело оперся на меня и двинулся к койке. Когда он уже лежал, укрытый одеялом, а я возился, перебирая запасы лекарств, мне было слышно, как он пробормотал:

— Глупо...

Когда я позже подошел к нему, он заговорил о каких-то сигналах, об автоматах, о «Гее». Я пощупал у него пульс: была сильная горячка. Я решил, что он бредит, и не обратил на его слова внимания. Вскоре он вовсе потерял сознание. За несколько часов я провел тщательные исследования; они показали, что пораженный костный мозг не вырабатывает кровяных телец. У меня было шесть ампул консервированной крови, и я сделал ему переливание, но это было каплей в море.

Поглощенный мыслями о способах спасти его, я совсем забыл о разговоре с «Геей».

Я рылся в справочниках, искал описания лучевых болезней. Чем больше я читал, тем яснее становилось, что Зорин обречен.

Перед самым рассветом меня, склонившегося над трионовыми экранами, вдруг свалил глубочайший сон. Очнулся я от железного грохота. Метеориты разбивались о крышу, давно уже был день. До вечера я не отходил от бесчувственного товарища, а вечером пошел наверх; но прием был таким плохим, что я улавливал только искаженные обрывки голосов.

«Это ничего, — подумал я. — Вызову автоматы, теперь они уже придут и исправят антенну».

Когда я подошел к панели управления, у меня мелькнула мысль, что автоматы не придут. Вызвать их можно только по радио, которое не действует. Нужно было вызвать их вчера, как только Зорин вернулся: тогда передатчик еще кое-как действовал. Но в смятении я забыл тогда обо всем. В первый момент у меня ноги подкосились от этого открытия, но я овладел собою и кинулся в шлюз. Когда я проходил через каюту, Зорин окликнул меня: он был уже в сознании.

— Ты уже разговаривал? — спросил он. — Какие вести?

Я не мог сказать ему правду. Впрочем, завтра радио уже будет работать. Поэтому, догадываясь о содержании передачи по услышанным обрывкам, я реконструировал ее всю. Тотчас после того Зорин уснул, и я потихоньку выбрался в шлюз. Я надел скафандр, замкнул шлем и уже собрался положить руку на рычаги, как вдруг меня поразила одна мысль: «А что, если я погибну и Зорин останется один, неспособный двигаться, слепой, беспомощный?»

С минуту я стоял, словно окаменев, а потом так же тихо снял скафандр и вернулся в кабину.

Так было и на второй день. А на третий радио вовсе замолчало, и я выдумал всю передачу; с тех пор это повторялось каждый вечер. Мне приходилось делать это, так как он засыпал, только услышав известия.

Когда я спросил у него, почему он не вернулся после падения, он ответил:

— А ты бы вернулся? — И посмотрел на меня так, что мне все стало ясно.

С первого же мгновения он понял, что надежды нет, и сказал себе: «Двум смертям не бывать». Поэтому почти вслепую выключил предохранители автоматов. Поэтому не хотел брать у меня кровь, так что я выцеживал ее у себя тайком, а ему говорил, что у нас есть добавочный запас. После четырех дней таких усилий я едва держался на ногах, боялся упасть в обморок и принимал без разбора всякие стимулирующие лекарства, какие попадались под руку; и бывали минуты, когда я ловил себя на том, что, одурев от недосыпания и усталости, шепотом говорю сам с собою: умоляю костный мозг поскорее вырабатывать кровяные тельца.

Каждый раз, идя наверх, я думал: «Не могу обманывать умирающего, это невыносимо! Да, сегодня я скажу ему, что антенна уничтожена». А спустившись, я видел, как он поворачивает ко мне свое незрячее лицо, как в величайшем напряжении ожидания трепещет его когда-то такое сильное, гибкое тело... И у меня не хватало сил, и к старой лжи я добавлял новую.

Целую неделю вечер за вечером я рассказывал ему, как «Гея» приблизилась к Белой Планете, как навстречу ей вылетели огромные, странной формы корабли, как неведомые существа разговаривали с людьми с помощью автоматов-переводчиков; а пока я рассказывал все это, плотность метеоритного потока нарастала, словно в нас летели все скрытые в космосе мертвые реки железа и камня. Трепетали стены, предметы, наши тела — все дрожало, и в этой лихорадочной дрожи я рассказывал Зорину о высокой цивилизации существ и о том, как велико было их потрясение, когда, исследовав остатки погибших ракет «Геи», они увидели свою ошибку.

У Зорина теперь не было горячки — так ослабел его организм. Я видел, что не спасу его, что это невозможно. По всем данным медицинской науки, он должен был умереть еще на второй день, а он еще жил, и я до сих пор не знаю, что его поддерживало: моя кровь или моя ложь. Вероятно, последнее, так он изменился, когда я рассказывал о «Гее», держа его за руку. Тогда я чувствовал, как наполняется и плотнеет его пульс, как вздрагивают мышцы его крупного тела и как с моим последним словом он снова впадает в оцепенение.

На восьмой вечер почва стала вздрагивать реже: мы выходили из метеоритного потока. Через час после захода солнца стало совсем тихо. Несмотря на это, я не мог выйти из камеры — таким тяжелым было состояние Зорина. Он уже ни о чем не спрашивал; глаза у него были закрыты, лицо как каменное. Время от времени я осторожно брал его за руку. Могучее сердце еще боролось. Поздно ночью он вдруг заговорил:

— Сказки... помнишь?

— Помню.

— Дети не хотели... печальных... так что я придумывал веселые окончания...

Меня охватила дрожь. Я замер. Что он хотел этим сказать?

Вспомнился слышанный от него самого рассказ о том, как автоматическая ракета, возвращавшаяся со школьной экскурсией с Марса, испортилась, не могла приземлиться и перешла на круговую орбиту, как пилот — испытатель нового типа двигателя услышал в своем радио плач испуганных детей, лег на параллельный с ними курс и развлекал их сказками целые сутки, пока не подошла спасательная группа. Для детей время прошло незаметно, но пилот совершенно изнемог и от усталости и от голода, так как испытательные полеты всегда коротки и в них не берут никаких запасов. Но Зорин говорил тогда, что этим пилотом был Амета...

Я взглянул. Широкая, могучая грудь его неровно поднималась от порывистого дыхания.

Вдруг он шепнул:

— Лодки... Такие лодки...

— Что ты говоришь? — наклонился я к нему.

— Из коры... Я вырезал в детстве... дай...

— Тут... тут нет коры...

— Да... а ветки... сирень... дай...

Я кинулся к столу. Там в пустой банке стоял пучок сухих веток. Когда я вернулся к нему с ними, он был уже мертв.

Тогда я закрыл ему лицо, вышел в шлюз, надел скафандр, взял инструменты и пошел к укрытию автоматов. Вместе с ними я за три часа установил новые сегменты в рефлекторе антенны, выпрямил мачту, отремонтировал ее, натянул тросы... Все это я делал как в странном сне, — очень деятельном, поразительно реальном, но все-таки во сне, а в глубине души я был убежден, что стоит мне по-настоящему, сильно захотеть, и я проснусь.

Вернувшись, я пошел наверх, к радиостанции, и включил ток. Рупоры глухо загудели. И вдруг маленькое помещение наполнилось сильным, чистым, четким голосом:

— ...и четырежды — координаты. Завтра в шесть утра по местному времени «Гея» ложится на ваш курс и прибудет на астероид через двенадцать дней. Мы чрезвычайно встревожены вашим молчанием. Будем вызывать вас круглые сутки. Говорит Ирьола с корабля «Гея» на шестой день после установления связи с Белой Планетой. Теперь будет говорить Анна Руис.

Рупор щелкнул и на мгновение умолк. Но я слышал только предыдущие слова, от которых кровь у меня зашумела; я вскочил, кинулся к двери и сбежал вниз, крича во весь голос:

— Я не лгал, Зорин! Я не лгал! Все это правда! Правда!..

Я схватил его и тряс так, что тяжелая голова мела подушку светлыми волосами.

Я опустил ее. Она бессильно легла. Я упал ничком, рыдая. Что-то билось в моем сознании, что-то меня звало, молило, просило... Я очнулся. Это была Анна. Голос Анны. Я хотел бежать наверх, но не смел оставить Зорина одного. Я двинулся к лестнице медленно, спиной вперед, не сводя взгляда с его застывшего лица. Тут Анна позвала меня по имени, и я отвернулся от умершего. Ее голос был все ближе. Поднимаясь по лестнице, я взглянул вверх и в открытом чечевицеобразном окне увидел Южный Крест, а пониже — бледное пятно: холодным, спокойным светом сияло там облако Магеллана.

КОНЕЦ

Сокращенный перевод с польского З. БОБЫРЬ

В этом номере мы закончили печатание отрывков из книги польского писателя-коммуниста Станислава Лема «Облако Магеллана». Вы можете прочитать эту книгу и полностью: она недавно вышла в Государственном издательстве детской литературы. Надеемся, что вы с интересом прочтете обо всех событиях, которые предшествовали первому полету людей за пределы солнечной системы на первом межзвездном корабле «Гее» в XXXII веке. Ст. Лем рассказывает о людях коммунистического общества, о могучем расцвете науки и техники на Земле, о полном завоевании человеком природы и освоении им планет солнечной системы.

Научно-фантастический рассказ

Космический патруль

Два человека, подобно кенгуру, продвигались вперед громадными прыжками.

Патруль был заброшен на эту микропланету, затерянную среди мириад белых астероидов, составляющих гигантское кольцо Сатурна, чтобы исправить радиомаяк «Т-32». Маяк указывал путь большим космическим кораблям, бороздящим небо в этой части солнечной системы.

Среди нагроможденных скал возвышалась двойная антенна радиомаяка. Подпрыгнув повыше, комендант Эрик увидел метрах в пятидесяти от себя металлический серебристый корпус передающих устройств и солнечных батарей, установленных вплотную к скалистой стене.

— Радиомаяк как будто не поврежден, — заметил радиотехник. — Пойдем дальше.

Впереди была маленькая каменистая площадка, по которой, сменяя друг друга, перемещались (из-за медленного вращения астероидов вокруг Солнца) тени окружающих скал.

— Ладно! — крикнул комендант. — Милько, подайте телесигнал на открытие «Т-32». Чем раньше закончим работу, тем раньше вернемся на борт нашей «Меропы».

Из письма девочки Анны Баккилега

«...Прочитав о подвиге Гагарина, я начала фантазировать.

Мне хочется отправиться на Сатурн, потому что, читая и изучая астрономию, я узнала, что он имеет три концентрических кольца, но даже самые крупные ученые не знают, из какого материала они сделаны и как и почему они существуют.

Мне хочется стать первой женщиной-космонавтом, чтобы увидеть Землю так, как ее увидел Гагарин. Мне хочется стать такой же известной, как Юрий Гагарин, отвага и смелость которого сейчас известны всему миру...»

Радиотехник вытащил из своего свертка сигнальное устройство и включил его. Заслонка с металлического корпуса радиомаяка начала тихо опускаться, открывая темное прямоугольное отверстие.

— Можно идти, — передал радиотехник, но в то же мгновение до наушников его скафандра дошел сдавленный крик коменданта:

— Смотрите, Милько, туда, в ту сторону!

— Живые существа, — пробормотал Милько, инстинктивно пятясь назад.

На площадке перед радиомаяком происходило какое-то волнообразное движение. Напоминая огромные квадратные листья сероватого цвета, двигались какие-то живые формы, стремясь подняться почти до самой двойной антенны.

— Очевидно, они — даже не знаю, как их назвать, — возбуждаются от наших радиосигналов! — воскликнул испуганный Милько.

— Не они ли являются причиной плохой работы маяка: видите, как они скапливаются вокруг антенны?

В самом деле, трепещущие массы, напоминающие большие тонкие паруса, волнообразно перемещались вокруг двух металлических стержней. Несколько странных существ появились из расщелины и в лучах света медленно поднялись к другим.

— Наверное, они используют какой-то таинственный антигравитационный механизм, который позволяет им подниматься к среде, лишенной воздуха, — сказал Эрик.

— Может, это и так, — откликнулся Милько, — но как же нам удалить их? Они могут оказаться опасными...

Комендант посмотрел на черное небо, где медленно проносились белые астероиды, затем взглянул в сторону «Т-32» и сжал товарищу руку.

— Эти существа притягиваются, вероятно, энергией радиоволн, излучаемых антенной, как ночные бабочки светом. Быть может, они питаются энергией радиомаяка. Вот почему их здесь раньше никогда не замечали.

— Вы думаете, они обладают каким-то интеллектом? — спросил Милько.

— Это, безусловно, не человекоподобные существа, — ответил Эрик. — Наша задача — восстановить и привести в действие «Т-32», и мы вынуждены заставить их удалиться.

— Если это так, комендант, я попытаюсь выключить радиомаяк.

— Это единственное решение. Давайте попытаемся.

Комендант и его помощник находились на краю маленькой площадки, сейчас полностью освещенной Солнцем. Впереди был еще ряд острых скал, которые оба преодолели сильным прыжком. Милько потерял при этом равновесие и начал вращаться в пустоте, неловко двигая руками и ногами, а затем упал на спину. Комендант, опустившись напротив открытого входа в маяк, взял в руки проектор инфракрасных лучей — оружие грозное и точное, способное испепелить дерево на расстоянии ста шагов, и стал наблюдать за поведением огромных живых листьев. Сейчас их было уже пятнадцать или двадцать. Казалось, они совершенно не замечали людей.

— Заходите внутрь, Милько, быстро! — крикнул, тяжело дыша, Эрик. — Я буду охранять вас.

Радиотехник побежал к входу в маяк. Когда он переступал порог, страшный электрический разряд на мгновение парализовал его. Милько понял, что летающие существа заметили его и стали наступать. Оправившись, он направился в сторону пульта управления. Следовало выключить источник питания, но прежде надо было снять напряжение солнечного генератора, чтобы избежать опасных разрядов в цепях.

— Быстрей, Милько! Они окружают меня... Проектор беспомощен против них... Действуйте быстро!

Но у Милько от нового неожиданного разряда потемнело в глазах. И все же, схватив выключатель генератора, он нажал на него. Загорелось несколько красных лампочек. Милько упал на колени: еще новый разряд. Схватившись за рукоятку источника питания, он нажал на нее костенеющими пальцами.

Вдруг Эрик, безуспешно пытавшийся своим проектором отогнать летающих чудовищ, увидел, как из антенны вырвалось высокое пламя, ярко освещая соседние скалы.

— Что же там думает Милько? — удивился Эрик. — Ведь он перевел источник питания в максимальное положение!

На дальнейшие раздумья у него не хватило времени: ослепительные вспышки одна за другой стали освещать черное небо астероида: тела летающих существ, не способные впитать всю эту огромную энергию, идущую от антенны маяка, тихо взрываясь, распадались на дождь искр.

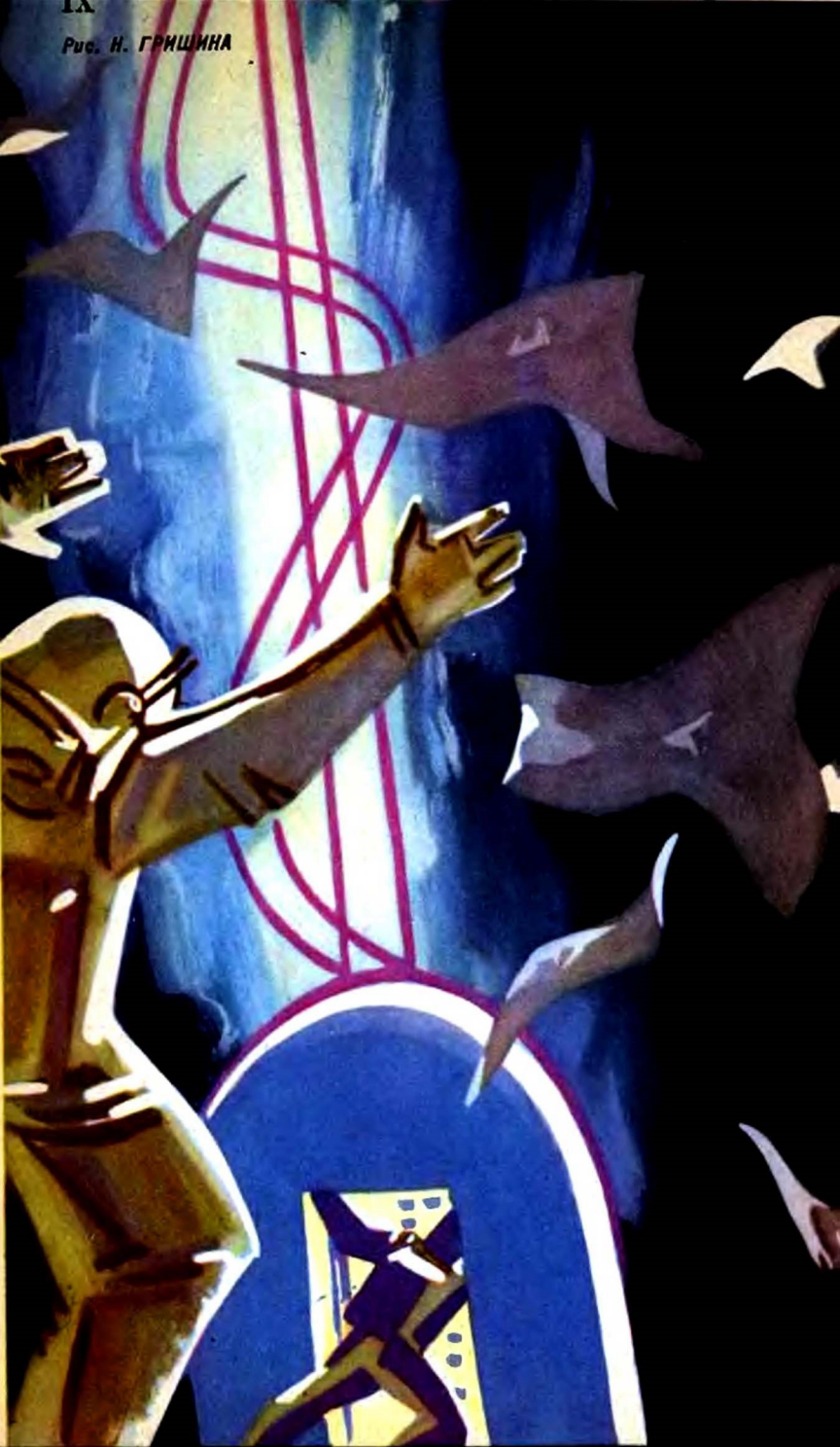
Придя в себя от неожиданности, Эрик стал вызывать в микрофон Милько. Никто не отвечал. Он вбежал внутрь маяка и увидел лежащего радиотехника: неподвижная рука товарища все еще лежала на рубильнике. Приводя товарища в чувство, Эрик сообразил, что тот потерял сознание в то время, как дотронулся до рубильника.

— Жив! — с облегчением вздохнул комендант и повернул рубильник в нужное положение: радиомаяк начал работать. Космические корабли снова могли спокойно следовать своими маршрутами.

Перевел с итальянского
Д. ИОРДАНСКИЙ

IX

Рис. Н. ГРИШИНА



ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

(На русском языке публикуется впервые)

Карел ЧАПЕК *Рис. Ю. ПАВЛОВА*

Уверяю вас, господа, — чтобы изобретать, необходим определенный метод. Нельзя надеяться на счастливую случайность или вдохновение. Это бы вас ни к чему не привело. Прежде всего вы должны точно знать, что, собственно, хотите изобрести. Большинство изобретателей что-то изобретает, потом только раздумывает, чему бы то могло служить, и, наконец, дает ему какое-нибудь имя. Я эту последовательность обратил, господа. Что касается меня, то я вначале изобрету имя и лишь потом конструирую соответствующую этому имени вещь. Таким образом, я нашел совершенно новый источник технического вдохновения. От слов — к делу: таков мой порядок.

Постойте, как бы это вам вразумительнее пояснить. Люди, например, давно уже изобрели кузницы, типографии, залы ожидания, ночлежки, коптильни и тому подобную чепуху. Залы ожидания имеем, но современному человеку некогда ждать; девиз его — быстрота, спешность, темп. Вот я и говорю: почему бы ему в таком случае не открыть спешильни? Подобная хорошо оборудованная спешильня должна быть снабжена целым рядом торопителей, спешителей, толкателей, самовсёустроителей и громыхателей; у меня уже заявлены патенты на разные скрежетатели, верещатели, тревожители и спотыкатели: совершенно новые устройства и орудия, господа, до которых никто до сих пор не додумался. Короче, изобретать должно новые слова, чтобы дойти до новых вещей и новых решений.

Или полюбуйтесь: есть у нас парашюты — большие зонтики для замедления падения с большой высоты людей и даже машин; но никому в голову не пришло построить падалку — вещь, которая бы всегда и при всех обстоятельствах падала. Ну, почему у вас должны падать только вазы, статуэтки и другие домашние предметы? Приобретите себе падалку! Падает с гарантией! Попробуйте и останетесь довольны! Снабжу вас также катилками и валилками в разных исполнениях, затем

бим-бом-бамбалками всех размеров и роскошной отделки. Закатится у вас иногда пуговка от воротничка. Купите у нас патентную закатывалку! Будет, ручаюсь вам, закатываться по всей комнате!

Родители, приобретайте для своих детей угрязнители! Сжальтесь над их трудом по замарыванию своих штанишек! Угрязнитель с коробкой пачкалок — всего лишь тридцать крон. Каждой кухне надлежит иметь нашу модерн-пригорачку. А в гардеробе у вас есть ли уже наш изминатель и наш морщитель? Высокочтимым учреждениям и канцеляриям рекомендуем наш самодействующий отсрочиватель. Ни одно современное домашнее хозяйство не может обойтись без нашей высокопроизводительной разбивалки и надежного аккуратно на ходу работающего проспателя! Добьетесь просыпания при каждой возможности!

Ошибаетесь иногда? Конечно, да, ибо ошибается каждый человек. Но зачем утруждать этим самого себя? Наша засвидетельствованная патентом ошибалка сделает все за вас! Наша новая ошибалка — модель FV 1303 — развивает до 699 ошибок в день! Собираетесь в дорогу? Не забудьте уложить в свой рюкзак наш заплутач! Дешевое, надежное, практичное средство. Ничего не делаете? Тогда станьте обладателем нашей ничегонеделачки! Тихий ход, малые эксплуатационные расходы. Запатентовано во всех государствах. Подарите своим близким к рождеству новую популярную игрушку — скучалку. Сказочный источник скуки! Устройте дома свою собственную скучальню! У вас уже есть наша оскорбичка? Незаменима для школ, учреждений, больших предприятий и для домашнего обихода Сенсационнейшее изобретение нашего века — стойколесо! Колесо, которое не вертится! Новинка! Рекомендуем всем заводам, охваченным кризисом! Никаких убытков впредь! Ваши меньшие убытки теперь будут приносить вместо вас дешевый исчезач или никелированный пропадач. Для большего производства убытков предлагаем наш механический убывач или высокопроизводительный автоматический самоубывач, надежно справляющийся с самыми большими потерями. Достаньте себе наш универсальный помеховач! Будет вам, гарантируем, мешать дома и в пути, в работе и в досуге. Заикаетесь? Купите себе наш заикатель в порошке или в таблетках. Будете заикаться без усилий. Рекомендовано врачами. Сто тысяч благодарностей. Вы нервны. Ваши нервы утомлены непрерывным шумом, этим проклятьем нашего века. Закажите себе нашу новую молчанку! Молчанка представляет собою машину, которая совершенно не издает ни звука. Слушайте нашу молчанку, и ваши нервы отдохнут. Новейший тип молчанки в красивой шкатулке красного дерева, с подключением к электропитанию всего лишь 1 795 крон. Последнее слово радиотехники!

Да, господа, вот так надо поступать. Найдите какое-нибудь слово, а потом уж совсем нетрудно построить к нему соответствующую вещь. Это я называю научной последовательностью. Ну, мое почтение, нет времени: как раз работаю над универсальным испорчивателем. С ним можно будет заработать сказочный куш, не правда ли?

(1937 г.)

С чешского перевел Л. ГОЛОВАНОВ

Сказка о цифровой вычислительной машине, победившей дракона

В западной печати ие раз уже мелькали пожелания передать управление обществом кибернетической машине, своего рода синтетическому мозгу. Буржуазных «новаторов» можно понять: когда собственная голова плохо варит, не может разобраться в ситуации быстро изменяющегося общества и делает одну за другой политические и хозяйственные ошибки, выбирать не приходится. Кое-кто полагает, что, передав власть машинам, можно будет избежать коренной перестройкн капиталистической системы, избавить ее от постоянных кризисов и потрясений.

Особенную привязанность к механическим мозгам испытывают западные милитаристы.

Об этой «любви» и о том, чем она может обернуться для тех, кто хочет войны любой ценой, и написал свой рассказ талантливый польский писатель Станислав Лем.

СТАНИСЛАВ ЛЕМ ***Рис. Р. АВОТИНА***

Король Полеандр Партобон, властитель Киберы, был великим воином. Преклоняясь перед методами современной стратегии, более всего он ценил кибернетику как военное искусство. Королевство его прямо-таки кишело мыслящими машинами.

В королевстве изготовлялись кибержаки и жужжащие кибермухи. Когда последних разводилось слишком много, то их вылавливали механические пауки. Шумели на планете киберзаросли киберрощ, играли кибершкафы и пели кибергусли. А в дворцовых подземельях стояла стратегическая цифровая машина просто-таки необычайной отваги. Были у короля, помимо этого, дивизии киберпулеметов, огромные киберпушки и всякое другое оружие.

Одна только забота доставляла ему страдания: полное отсутствие противников. Ввиду отсутствия настоящих врагов и агрессоров король повелел инженерам строить искусственных и с ними вел бои, всегда победные.

Поскольку это были истинно страшные походы и битвы, то немало ущерба приносили они населению. И подданные роптали, когда слишком уж много кибервраговуничтожали их поселения и города, когда синтетический неприятель поливал их жидким огнем. Они осмеливались выражать свое неудовольствие даже тогда, когда сам король — их спа-

ситель, наступая и уничтожая искусственного неприятеля, превращал в пух и прах все, что по пути попадалось.

Но надоели королю военные игры на планете, и решил он хватить подальше. Космические войны и походы мерещились ему. Обложил король подданных великими податями. И подданные с охотой платили, рассчитывая, что перестанут их освобождать киберпушками.

А имела его планета большую Луну, совсем пустынную и дикую. Вот и построили королевские инженеры отличную цифровую вычислительную машину на Луне, которая должна была, в свою очередь, наделать там всяких войск.

Король сразу стал так и сяк смелость машины испытывать и однажды телеграфно наказал ей сделать электроскок. Интересно было узнать, правду ли говорили инженеры, что машина эта все умеет. «Если все умеет, — подумал он, — так пусть прыгнет». Но вот — бывает же — содержание телеграммы подверглось небольшому искажению, и машина получила приказ выполнить не электроскок, а электросмок, что по-польски — дракон.

А король вел тогда еще одну кампанию, освобождая провинции королевства, завоеванные киберкнехтами. И уже забыл совсем об этом приказе, как вдруг огромные скалы начали валиться на планету. Изумился король, ибо и на крыльцо дворца одна глыба упала. Разгневался король и немедленно дал телеграмму лунной машине — как это она смеет так поступать! Но молчала машина: проглотил ее дракон и переделал на собственный хвост.

Послал король на Луну целую вооруженную экспедицию, а во главе ее — другую цифровую машину, тоже очень отважную. Слал король на Луну генералов-киберналов, полковников-киберовников и, наконец, даже одного кибериссимуса, но... все впустую.

А Луна становилась все меньше: чудовище пожирало ее и перерабатывало в собственное тело. Волновался король ужасно, но выхода не видел. Машины посылать — плохо, погибнут, а самому отправляться тоже нехорошо — страшно.

Вдруг услышал король, как телеграфный аппарат в тронной спальной постукивает. Это был королевский аппарат, весь золотой и с бриллиантовой клавиатурой. Сорвался король и бежит, а аппарат раз за разом — «стук-стук», «стук-стук» и такую настучал телеграмму: «Электродракон телеграфирует, что прочь должен убраться Полеандр Партобон, ибо он, дракон, на трон его воссесть намеревается!»

Испугался король, затрясся весь и как стоял в ночном горностаевом платье и в ночных туфлях, так и пустился бегом в дворцовое подземелье, где находилась стратегическая машина, старая и очень умная. Давно уж не спрашивал у нее совета король, ибо еще до появления электродракона поссорился с нею в связи с одной военной операцией. Теперь, однако, не до ссор ему было: трон и самое жизнь спасать приходилось.

Включил король машину и, как только она прогрелась, закричал:

— Машина! Хорошая моя! Дела обстоят так и так, электродракон хочет лишить меня трона, из королевства вышвырнуть, спасай и говори, что делать, чтобы победить его!

Зажужжала машина, защумела, откашлялась и сказала:

— Надо изготовить антилуну с антидраконом, вывести ее на орбиту Луны, — и тут в машине что-то хрустнуло, — присесть и запеть: «Я робот молодой, не спугнуть меня водой, а где вода, так я туда прыг-скок, прыг-скок, вот чего, не боюсь я ничего и от ночи до утра тра-та-та, тра-та-та...»

— Странно ты что-то говоришь, — сказал король, — что общего между Луной и этими песнями?

— Какими песнями? — спросила машина. — Ах, нет, я ошиблась, у меня такое впечатление, что в середине что-то перегорело.

Начал король искать место, где перегорело, и нашел вышедшую из строя лампу, вставил новую и спросил машину, что делать с антилуной.

— С какой антилуной? — возразила машина, которая тем временем забыла, что говорила раньше. — Я ничего ие знаю об антилуне... Подожди, я должна задуматься.

Зашумела, зажужжала и сказала:

— Надо создать общую теорию борьбы с электродраконами, частным случаем которой будет лунный дракон, случаем, очень легким для решения.

— Так создай же такую теорию! — сказал король.

— Для этого я должна сначала создать разных опытных электродраконов.

— Нет и еще раз нет! — крикнул король. — Дракон хочет лишить меня трона, а что будет, если ты наделаешь их целое множество!

— Тогда по-другому. Примем стратегический вариант метода очередных приближений. Иди и телеграфируй дракону, что отдашь ему трон при условии, что он выполнит три математические операции, совершенно простые...

Король пошел и отправил телеграмму, дракон согласился. Король вернулся к машине.

— Теперь, — сказала она, — скажи ему первое действие: пусть поделится сам на себя.

Поделил электродракон себя на себя, но поскольку в одном электродраконе помещается только один электродракон, то он остался на Луне и ничего не изменилось.

— Ничего, это я сделала умышленно, это операция, отвлекающая внимание, — сказала машина. — Теперь скажи ему, пусть извлечет из себя корень!

Дракон начал извлекать, извлекать, извлекать, весь затрещал, запыхался, забился, но вдруг — отпустило! — извлек из себя корень.

Возвратился король к машине.

— Дракон трещал, бился, даже скрежетал, но извлек из себя корень и продолжает мне угрожать! — закричал он с порога. — Что теперь делать, старая ма..., то есть Ваша Ферромагнитность?

— Не теряй присутствия духа, — сказала машина, — теперь передай ему, чтобы он отнял себя сам от себя.

Помчался король в спальню, дал телеграмму, и дракон начал отнимать себя от себя. Сначала отнял себе хвост, потом ноги, потом туловище и, наконец, когда увидел, что что-то не так, заколебался, но по инерции продолжал: отнял себе голову, не стало электродракона!

— Нет уже электродракона! — радостно воскликнул король, вбегая в подземелье. — Спасибо тебе, старая машина, спасибо... Ты наработалась, заслужила отдых, вот я сейчас и выключу тебя.

— Нет, мой дорогой, — ответила машина, — я свое уже сделала, и ты хочешь меня выключить и не называешь уже меня Вашей Ферромагнитностью?! Очень некрасиво! Теперь я сама превращусь в электродракона, любимый мой, и выгоню тебя из королевства, и буду править, наверное, лучше, чем ты, и так как ты советовался со мной по всем наиболее важным вопросам, значит, по существу, правила я, а не ты.

И, жужжа и гремя, она начала превращаться в электродракона: огненные электрокогти поползли у нее из боков. Король, у которого от испуга дыхание сперло, сорвал с ног туфли, подскочил к машине и начал бить ими по лампам. Зажужжала, подавилась машина, и попуталось что-то в ее программе, и на глазах короля машина превратилась в огромную глыбу черной, как уголь, электросмолы. Перед остолбеневшим Полеандром дымилась только большая смоляная лужа...

Вздохнул король спокойно, надел туфли и вернулся в тронную спальню. С этого времени, говорят, он очень изменился: пережитые злоключения сделали его менее воинственным, и до конца своих дней он занимался исключительно мирной кибернетикой, а военной более не касался.

Сокращенный перевод ***Д. ИОРДАНСКОГО***

Три электрыцаря

Станислав ЛЕМ *Рис. Р. АВОТИНА*

Жил-был когда-то великий конструктор-изобретатель, не переставая выдумывавший необыкновенные приборы и создававший удивительнейшие механизмы. Свои изделия он метил знаком сердца, и каждый атом, выходивший из-под его рук, нес на себе этот знак, так что ученые потом поражались, находя в атомных спектрах мерцающие сердечки. Построил он массу полезных машин, больших и малых, когда вдруг пришла ему в голову странная мысль объединить в одно жизнь со смертью и таким образом достигнуть невозможного. Он решил создать разумные существа из воды, но не тем ужасным методом, о котором вы сейчас подумали. Нет, мысль о мягких и скользких телах была ему чужда, она была ему противна, как каждому из нас. Он решил создать из воды существа действительно прекрасные и мудрые, а следовательно, кристаллические. Тогда он выбрал планету, наиболее удаленную от всех солнц, из ее замерзшего океана вырубил ледяные горы и из них, как из хрусталя, вытесал Крионидов. Так их назвали, потому что они могли существовать только при ужасающем морозе и в бессолнечной пустоте. В скором времени они построили ледяные города и дворцы, а так как всякое тепло угрожало им гибелью, ловили они полярные сияния в большие прозрачные сосуды и ими освещали свои жилища. Чем богаче был кто-нибудь из них, тех больше у него было полярных сияний, лимонных и серебристых, и жили они счастливо, а поскольку они любили не только свет, но и драгоценные камни, славились они своими бриллиантами, которые были нарезаны из замерзших газов и отшлифованы. Украшали они Крионидам их вечную ночь, в которой, как плененные духи, полыхали стройные полярные сияния, похожие на заколдованные туманности в хрустальных глыбах. Не один космический завоеватель хотел обладать этими богатствами, потому что вся Криония была видна из самых отдаленных мест, сверкая, как бриллиант, медленно вращаемый на черном бархате. Авантюристы прибывали на Крионию испытать военное счастье.

Прилетел на нее и электрыцарь Бронзовый, который ступал, как будто колокол звонил, но едва он поставил на льды ногу, как они растаяли от жара, и он рухнул в бездну ледяного океана, а воды сомкнулись над ним, и, как насекомое в янтаре, покоится он в ледяной горе на дне крионских морей и по сей день.

Не испугала судьба Бронзового других смельчаков. Прилетел после него электрыцарь Железный, напившись жидкого гелия так, что у него аж булькало в стальном нутре, а иней, оседающий на панцире, делал его похожим на снежную бабу. Однако, планируя при спуске к поверхности планеты, раскалился он от атмосферного трения, жидкий гелий испарился из него со свистом, а он сам, раскаленный докрасна, упал на ледяные скалы, которые тотчас разверзлись. Выбрался он, пышущий паром, похожий на кипящий гейзер, но все, к чему он прикасался, становилось белым облаком, из которого падал снег. Ну тогда он уселся и стал ждать, пока остынет, а когда уже снежные звездочки перестали таять на наплечниках его панциря, хотел он встать и двинуться в бой, но смазка затвердела у него в суставах, и он не мог даже выпрямить хребет. До сих пор он так сидит, а выпадающий снег превратил его в белую гору, из которой торчит лишь острие шлема. Эту гору называют Железной, а в ее глазных впадинах блестит замерзший взгляд.

Услыхал о судьбе предшественников третий электрыцарь, Кварцевый, которого днем нельзя было видеть иначе, как полированной линзой, а ночью — как отражение звезд. Он не опасался, что у него затвердеет масло в суставах, так как у него его не было, не боялся, что льды растрескаются у него под ногами, так как он мог становиться таким холодным, каким ему хотелось. Ему нужно было избегать только одного — настойчивых раздумий, так как от них разогревался его кварцевый мозг, и это могло его погубить. Но он решил бездумьем спасти себе жизнь и достичь победы над Крионидами. Прилетев на планету, был он такой замерзший от долгого путешествия через вечную галактическую ночь, что железные метеоры, ударяющиеся в полете в его грудь, разлетались на куски, звеня как стекло. Уселся он на белых снегах Крионии под ее черным, как горшок, полный звезд, небом и, похожий на прозрачное зеркало, только хотел поразмыслить, что ему следует делать дальше, но уже снег вокруг него почернел и начал испаряться.

«Ого, — сказал сам себе Кварцевый, — нехорошо! Ну ничего, только бы не думать, и будет порядок!»

И решил, что бы ни случилось, повторять эту одну фразу, потому что она не требовала умственных усилий и благодаря этому совсем его не разогревала. Отправился Кварцевый по снежной пустыне бездумно и как-нибудь, лишь бы сохранить холод. Шел он так, пока не дошел до ледяных стен Фригиды, столицы Крионидов. Разбежался он, ударил головой в крепостную стену так, что искры полетели, но ничего не достиг.

«Попробуем иначе», — сказал он себе и задумался, сколько же это будет: дважды два? И когда он об этом раздумывал, голова у него несколько разогрелась. Попытался он теперь снова протаранить искрящиеся стены, но сделал только небольшую ямку.

«Этого мало! — сказал он себе. — Попробуем чего-нибудь посложнее. Сколько же это будет: трижды пять?»

Теперь-то уж его голову окружила шипящая туча, потому что снег при соприкосновении с такой бурной мыслительной деятельностью сразу закипал. Кварцевый поэтому отошел, разогнался, ударил и насквозь проскочил крепостную стену, а с ней еще два дворца и три дома захудалых графов Морозных, вылетел на большую лестницу, схватился за поручни из сталактитов, но ступени были как каток. Спохватился он быстро, потому что вокруг него все уже таяло, и он мог, таким образом, провалиться сквозь весь город вглубь, в ледяную пропасть, где бы он навеки замерз.

«Ничего! Только бы не думать! Будет порядок!» — сказал он себе и действительно сразу же остыл.

Вот вышел он из вытопленного им ледяного тоннеля и оказался на большой площади, освещенной со всех сторон полярными сияниями, моргавшими изумрудом и серебром.

И вышел ему навстречу звездно искрящийся огромный рыцарь Бореаль, вождь Крионидов. Собрался с силами электрыцарь Кварцевый и бросился в атаку, а тот ринулся на него, и был такой грохот, как когда сталкиваются две ледяные горы посреди Северного океана. Отлетела обрубленная в плече блестящая десница Бореаля, но не растерялся он, дельный, а повернулся, чтобы встретить врага грудью широкой, как ледник, которым он, собственно, и был. А Кварцевый вновь набрал скорость и снова таранил его со страшной силой. Тверже и плотнее был кварц, чем лед, и Бореаль лопнул с гулом, будто лавина пронеслась по скалистым склонам, и лежал разбитый вдребезги при свете полярных сияний, глядевших на его поражение.

«Порядок! И дальше бы так!» — сказал Кварцевый и сорвал с побежденного драгоценности изумительной красоты: перстни, украшенные водородом, искрящиеся вышивки и пуговицы, похожие на бриллиантовые, но нарезанные из тройки благородных газов — аргона, криптона и ксенона. Но, восхищаясь ими, он потеплел от волнения, и эти бриллианты и сапфиры, шипя, испарились от прикосновения, так что в руках у него осталось только несколько капель росы, тоже сразу улетучившейся.

«Ого! Значит, и восхищаться не следует! Ну ничего! Только бы не думать!» — сказал он себе и отправился дальше, в глубь атакованного города. Увидел он вдали приближающуюся огромную фигуру. Это был Белый Альбуцид, Генерал-минерал, широченную грудь которого пересекали ряды орденских сосулек с большой звездой Инея на глациальной ленте; этот страж королевских сокровищниц преградил путь Кварцевому, который ринулся на него, как буря, и раздробил с ледяным грохотом. На помощь Альбуциду прибежал князь Астроух, властитель черных льдов; с ним электрыцарь не справился, так как на князе были дорогие азотные латы, закаленные в гелии. Холод от них шел такой, что у Кварцевого сразу пропал наступательный порыв и движения его ослабли, а полярные сияния даже побледнели, такое веяние Абсолютного Нуля разнеслось вокруг. Вскочил Кварцевый, подумав:

«Караул! Что же это снова?» — и от столь сильного удивления мозг у него разогрелся. Абсолютный Нуль сразу потеплел, и на глазах Кварцевого Астроух сам стал разваливаться на куски с грохотом, вторившим его агонии, пока не осталась на побоище только куча черного льда, с которой, как слезы, текла вода, собираясь в лужу.

«Порядок! — сказал себе Кварцевый. — Только не думать, а если нужно, то думать! Так ли, сяк ли — я должен победить!»

И он помчался дальше, и шаги его раздавались гулко, будто кто-то разбивал молотом кристаллы, и топал он, несясь по улицам Фригиды, а ее жители смотрели на него с отчаянием в сердцах из-под белых карнизов. Мчался он, как разъяренный метеор по Млечному Пути, как вдруг заметил вдали одинокую небольшую фигуру. Это был сам Барион, прозванный Ледоустым, величайший мудрец Крионидов. Разогнался Кварцевый, чтобы уничтожить его одним ударом, однако тот уступил ему дорогу и показал два выставленных пальца; не знал Кварцевый, что это могло означать, но все же повернул и айда вновь на противника, но Барион снова только на шаг отошел в сторону и быстро показал один палец. Удивился немного Кварцевый, хотя уже повернул и как раз собирался начать разбег. Задумался он, и вода начала течь из ближайших домов, но он этого не видел, потому что Барион показал ему кольцо, составленное из пальцев, и быстро двигал в нем взад и вперед большим пальцем другой руки. Кварцевый думал и думал, что же могли означать эти молчаливые жесты, и разверзлась у него пустота под ногами, плеснула из нее черная вода, а он сам полетел, как камень, вглубь, и прежде чем он успел подумать: «Ничего, только бы не думать!» — уже его и на свете не было. Спасенные Криониды, благодарные Бариону за спасение, спрашивали его потом, что он подразумевал под своими знаками, которые показывал страшному электрыцарю-приблуде.

— Это же совсем просто, — ответил мудрец. — Два пальца означали, что нас с ним двое. Один — что сейчас только я останусь. Потом я показал ему кольцо, чтобы пояснить, что сейчас лед под ним расступится и черная

бездна океана поглотит его навеки. Он не понял ни того, ни другого, ни третьего.

— О великий мудрец! — воскликнули изумленные Криониды. — Как же ты мог подавать такие сигналы ужасному врагу? Подумай только, что бы случилось, если бы он тебя понял и не стал удивляться! Ведь тогда не разогрелся бы его разум и не рухнул бы он в бездонную пропасть...

— Ах, этого я совсем не опасался, — сказал с холодной усмешкой Барион Ледоустый, — ибо я заранее знал, что он ничего не поймет. Ведь если бы у него была хоть капля ума, он бы к нам не пришел. Какой прок существу, живущему под солнцем, от газовых драгоценностей и серебряных звезд льда?

И они подивились, в свою очередь, мудрости мудреца и, успокоенные, разошлись по домам, где их ожидал милый мороз. С тех пор никто уже не пытался напасть на Крионию, потому что во всем космосе не осталось таких глупцов, хотя, правда, некоторые говорят, что глупцов-то хватает, только они не знают дороги.

Перевел с польского **З. РАЧИНСКИЙ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

РАССКАЗ

Властислав **ТОМАН** *(Прага)* *Рис.* **Р. АВОТИНА**

Над землей подул сырой ветер. Внезапно желто-серые тучи закрыли ослепительный диск Светила. На долину под островерхой скалой спустились сумерки. А жизнь племени грои-ц-хов текла все так же спокойно и размеренно. Охотники приводили в порядок оружие, женщины варили у горячих источников простую пищу или плели из травы гу мягкие и теплые рогожки. Как всегда, старики молча сидели перед пещерами, и только молодежь шумела и шалила среди камней.

Издавна так было в долине, где жили грои-ц-хи.

— О-а-а-а-а!

Резкий крик стража, стоявшего на скале, пронесся по долине. Грои-ц-хи оцепенели, и только головы их повернулись в ту сторону, куда указывала протянутая рука стража. Они увидели нечто ужасное.

Из желто-серых туч летел на землю огненный шар. Он падал с такой скоростью, что вырастал буквально на глазах.

— Светило падает с неба! — дико закричала какая-то старуха, и все племя испуганно завыло.

По долине загрохотали все усиливающиеся раскаты грома. Грои-ц-хи упали на колени и зарылись лицом в землю. Они не видели, как светящийся шар вырос в огненную стрелу, которая со свистом пронеслась над долиной и, грохоча, упала где-то за холмом. По земле пронесся стремительный, удивительно горячий вихрь. Грои-ц-хи долго лежали, прижавшись к земле, оцепеневшие, потерявшие способность двигаться. В головах у них медленно прояснялась мысль: «Сверкающий шар спустился с неба. Никогда больше он не порадует нас своим теплом и светом. Над нашей долиной вечно будут серо-желтые сумерки!»

Но вдруг пелена туч разорвалась, и над ними появился ослепительно сверкающий диск Светила!

Грои-ц-хи недоуменно взглянули на небо. Прошло несколько долгих минут, а потом все племя вскочило с радостными криками: «Светило на небе! Оно не упало на землю!» Грои-ц-хи плясали и кричали, они были охвачены радостью. Только один из племени стоял в стороне, по выраже-

ию его лица было понятно, что он о чем-то усиленно размышляет.

— Разве это возможно?.. Все видели, как ослепительный диск падал на землю! Все слышали грохот! А сейчас Светило опять над нами...

Ру, вождь племени, не мог объяснить это, хотя от размышлений у него разболелась голова.

Через несколько дней Ру повел группу людей на охоту. У племени осталось мало мяса, нужно было позаботиться о свежей пище. Ру, не сознавая, направлялся к холмам, где исчез упавший с неба шар.

Вождь был впереди охотников. Он вбежал на холм, и охотники увидели, с какой молниеносной быстротой он свалился наземь. В тот же миг, без команды, охотники упали и начали ползти вперед. А Ру лежал без движения за камнем и смотрел куда-то перед собой.

Почти в самой середине долины лежало, точнее, стояло на тонких ногах странное, ослепительно сверкавшее яйцо. Но оно было таким огромным, что его вершина возвышалась бы даже над стройным стволом Пауры. И вдруг вождь вспомнил об огненном шаре. «Да, это так. Светило на небе снесло это огромное яйцо. Может быть, из него родится новый светящийся диск... Может быть...»

В долине была тишина, ничто и нигде не двигалось, поэтому вождь решил собрать охотников. Конечно, они лежат где-нибудь совсем близко, спрятавшись в траве, и ждут его приказаний. Ру приподнялся, чтобы получше осмотреться.

— О-а-а-а-а!

Страшный крик, вырвавшийся из горла вождя, внезапно сжатого спазмами от сильного страха, всполошил охотников. Это очутилось в нескольких шагах от них. Это было около вождя. Вождь как раз замахнулся своей огромной дубиной...

Но вдруг странное, страшное, незнакомое и невиданное Это с молниеносной быстротой подняло какое-то щупальце, из него вылетела молния, и храбрый Ру закричал от боли, которая скрутила ему руки и бросила его на землю. Его товарищи видели, как Это приблизилось к Ру и посмотрело на него своими зелеными глазами. Да, у Это был целый ряд зеленых глаз на низкой плоской голове. Если бы Ру в тот момент смотрел, то увидел бы, что блестящие глаза есть еще и в клешнеобразных щупальцах, которые были подняты над съеженным телом вождя.

Так, с поднятыми вверх щупальцами, Это стояло неподвижно и долго над вождем. В это время зоркие глаза окаменевших охотников рассматривали, как выглядит Это. Оно напоминало краба Тсу-тсу из Большой реки, куда племя иногда ходило на охоту. Однако Это было гораздо, гораздо больше, чем Тсу-тсу, оно было по пояс охотникам, а в длину не меньше копья. Из овального корпуса с каждого бока росли по три длинные членистые ноги, а из остроконечного хвоста торчали две тонкие иглы, поднятые вверх. На хребте у Это были желобки, похожие на сложенные надкрылья жука Фру. Все это было какое-то серо-серебристое, белое.

Наконец Это сбросило оцепенение, медленно отошло от лежащего вождя и опять стало неподвижным.

Ру осторожно поднял голову. Ничего. Медленно, почти незаметно поднимался. И все-таки снова окаменел. Он увидел Это! Но оно было довольно далеко от него и спокойно стояло. Может быть, ему удастся убежать. Он должен попытаться! Вождь вылетел, как стрела из лука, и стремительно бросился с холма. Он успел еще увидеть, что немного дальше бегут и его охотники...

Они остановились только тогда, когда от усталости уже подламывались колени. Как скошенные, они свалились на землю, от быстрого бега у них страшно болели легкие. Потом они доползли к потоку и долго жадно пили. На берегу сразу же сомкнули глаза и впали в освежающий сон.

Первым проснулся вождь. У него было неприятное ощущение, как будто кто-то смотрит на него. Он совсем немного приоткрыл веки... и сразу же вскочил на ноги. Это стояло недалеко и смотрело на них своими зелеными глазами. Ру вдруг почувствовал, что не нужно бояться. Это не хочет обидеть их. Оно не убило их и даже не напало, когда они спали. В голове вождя пронеслась мысль: «Это находилось недалеко от Яйца. А что, если Это послано на землю Светилом — великим богом, который прогоняет ночь с неба, который согревает нас! Да, это так».

Он осторожно разбудил охотников и сказал им, что Это около них. Оно пришло по их следам с такой же уверенностью, как сумели бы сделать это только лучшие следопыты племени.

Охотники столпились вокруг вождя, и он сказал им, что Это было послано к ним Светилом. Сейчас они отправятся к своим, и Это тоже пойдет с ними.

Испуганное племя окружило охотников, как только они пришли в долину и за ними появилось Это. Вождь Ру обратился к грон-ц-хам:

— Однажды над нами летел огненный шар. Мы думали, что упало Светило. Но это было огромное Яйцо, и мы нашли его. В Яйце было Это, которое пришло с нами. Это маленький бог, дитя Светила. Мы должны Это почитать и приносить ему жертвы, защищать его. И грон-ц-хам будет хорошо. Это у нас. Поздоровайтесь с ним!

Грон-ц-хи упали на колени и легли лицом на землю. Тогда Ру осмелел и прошел мимо лежащих грон-ц-хов прямо к Это. Он опустился на колени прямо перед его плоской головой с зелеными глазами, подавил в себе снова возникающий страх и положил правую руку себе на лоб. Потом он медленно, гортанными звуками языка грон-ц-хов сказал:

— Я — Ру, вождь. — Он поклонился и левой рукой показал на племя, стоящее на коленях. — Это грон-ц-хи.

Потом его рука показала на плоскую голову с зелеными глазами.

— Это бог грон-ц-хов.

Племя с головами, склоненными к земле, не дыша, следило за действиями вождя. Что будет делать Это? В долине воцарилась глубокая тишина. И вот все ясно услышали: из глубины Это раздавалось довольное, успокаивающее жужжание.

Так Это пришло к грон-ц-хам.

Почти каждый день Это удивляло грон-ц-хов чем-нибудь новым, невиданным. Каждую минуту где-нибудь раздавался взволнованный гул, каждую минуту племя собиралось, чтобы посмотреть, чем же удивило Это.

По приказанию вождя грон-ц-хи доставили Это свои жертвоприношения: мелкие куски вареного мяса, фрукты, лепешки, ожерелья.

— Отойдите! — приказал вождь и удалился сам, но на такое расстояние, чтобы мог наблюдать за Это: что оно будет делать с подарками? Это долго неподвижно стояло. Потом подняло свои щупальца и медленно задвигало ими над жертвенными дарами. Наконец вождь увидел, как одно щупальце схватило круглый сладкий плод Пауру. Однако пасть на плоской голове маленького бога не открылась, щупальце поднялось над овальным хребтом, где плод Пауру исчез.

— У него рот на спине! — пробурчал удивленный вождь и внимательно наблюдал за Это. Вблизи от него к земле прижимались несколько грон-ц-хов. С открытыми от удивления ртами они смотрели, как странно Это питается тем, что они ему принесли. Но каково было их удивление, когда щупальце снова поднялось над спиной и в клешне появился целехонький плод Пауру. Раз — и плод отлетел в сторону! Потом они увидели, что такая же судьба постигла все их жертвоприношения. Только с той разницей, что Это некоторые из них не заметило, другие сразу же отложило или забросило...

Когда над долиной ясно засверкал диск Светила, к вождю прибежали взумленные дети.

— У него есть крылья! Оно улетит! Беги!..

Ру побежал вслед за детьми. На поляне лежало Это, а над его хребтом действительно простерлись два больших крыла. Они были составлены из маленьких темных квадратиков. Однако не было похоже, что Это хочет улететь на своих крыльях. Оно не двигалось.

Поэтому Ру остановился и остановил всех. Они тихо стояли и смотрели. Тогда вождь догадался:

— Это питается лучами Светила, потому что оно — его дитя! Поэтому оно не приняло наши жертвоприношения, которые мы давали ему. Поэтому никто не смеет мешать Это тогда, когда оно будет есть лучи Светила. Так сказал я. Передайте это всем!

На ночь грон-ц-хи укрывались в пещере в склоне долины. Перед входом зажигались огни для защиты от хищных зверей. В самую большую пещеру, в которой жил вождь, приходило на ночь и Это. «Маленький бог» в ча-

сы ночного отдыха издавал тихое, успокаивающее жужжание.

Но однажды глубокой ночью грон-ц-хи проснулись от страшного рева и сердцераздирающего крика стража, охранявшего ночной огонь. Потом во тьме заблестели желто-зеленые глаза зверя Моа — одного из самых грозных хищников, который погубил многих из племени. Кто-то, не потеряв присутствия духа, подбросил в ослабевающий огонь пучок травы. Вспыхнувшее пламя осветило длинное сине-черное тело Моа и раскрытую пасть со множеством острых зубов. Моа напрягся. Еще мгновение, и он бросится...

И вот тут Это, отдыхавшее в углу пещеры, рванулось навстречу хищнику. Оно подняло свое щупальце, и грон-ц-хи в полутьме пещеры увидели, как из щупальца с треском вылетела тонкая огненная стрела. Она вонзилась зверю в грудь, открытую во время прыжка, и Моа как подкошенный упал.

В тот момент вождь вспомнил о своей первой встрече с Это. Точно так же был повержен и он! Но он не умер! Поэтому Ру еще крепче сжал копье и прыгнул к лежащему хищнику. Однако Это было более быстрым и направило на Моа свои светящиеся лучи. Все увидели, как Моа затрясся. Грон-ц-хи сомкнули свои ряды. Моа жив! Но и Это заметно дрожь зверя. Оно молниеносно опустило одно из своих щупалец на затылок зверя, и Моа еще раз дернулся всем телом, уже в последний раз. Это убило Моа!

Вождь задрожал. Как мало нужно было тогда для того, чтобы его постигла такая же участь!..

Рано утром грон-ц-хи вытащили мертвого хищника из пещеры. При свете охотники увидели, что в нескольких местах на теле Моа разорвана кожа, а у маленьких дырочек засохла кровь.

— Это пило кровь Моа! — вскричали охотники, и все племя обрадовалось. Точно так же поступают и они, когда убивают опасного зверя, чтобы выпить его силу.

Ру позвал к себе лучших охотников племени и сказал так:

— С этой минуты вы должны постоянно стеречь Это. Днем и ночью. Если Это уйдет из долины, вы пойдете за ним. Вы будете защищать Это и узнаете, куда оно идет. Таково мое приказание.

Так оно и случилось. В один из дней «маленький бог» покинул доли-

ну, чтобы пойти к Яйцу. Охотники знали: Это всегда ходит туда, когда настает его час.

Дозорные видели, что Это приблизилось к Яйцу и присосалось к нему длинным хоботом. В то же мгновение вершина Яйца лопнула, и из нее выросли длинные прутья с круглыми листьями, как у Куру. Вскоре вся долина наполнилась сильным жужжанием, по телам охотников прошла дрожь, и разлилось приятное щекотанье, отчего они впали в блаженное состояние оцепенения. Но как только они касались друг друга, из их рук выскакивали бледные огоньки, и они ощущали болезненные уколы...

Наступила дождливая осень. То и дело происходились ливни, текли реки воды. Вот в такой день вслед за Это отправился в долину Яйца сам Ру с тремя стражами. Время от времени все проваливались в топкие ямы, шли оврагами, наполненными водой. Охотники уже сильно устали и мечтали об отдыхе. Но Это упорно шло дальше, и охотники должны были следовать за ним.

То и дело над их головами раздавался могучий грохот, и пучок извилистых молний вонзался в близлежащие холмы. Испуганные грои-ц-хи падали на землю, а потом опять брели за упрямым Это в сплошных потоках воды...

Когда снова засверкало, Ру увидел в синеватом свете молний ужасное зрелище. Сверху, с холма, на ущелье рушилась высокая волна воды. Скорее взмахи его рук, чем крики, дали знать остальным об опасности. Они подбежали к нему и все поняли. Вода набрасывалась на Это, которое все еще пробиралось по ущелью.

Первым бросился бежать вождь, он срывал с себя оружие и одежды из травы. Трое бесстрашных охотников следовали за ним.

Они подбежали к Это в тот момент, когда вода находилась от них на расстоянии копья. Но тщетно кричали и махали руками грои-ц-хи. Это уже не понимало их слов.

— Унести! — приказал вождь.

Они схватили Это за ноги, но усилия их были напрасны. Это было тяжелым, не под силу им.

«Нет, спасения нет... — промелькнуло в мозгу вождя. — Вода разобьет его. И все-таки!..»

В нескольких шагах впереди был камень. Большой, глубоко врытый в дно ущелья.

— Туда! — закричал вождь.

Охотники поняли, навалились на Это. Оно зашаталось, споткнулось.

— Еще! — кричал вождь...

Они были за камнем в тот момент, когда лавина докатилась до них. Камень разрезал волну, которая могла бы разбить Это и убить их. Вода быстро поднималась. Она была уже им по пояс, по плечи... Это почти исчезло под водой, но вдруг вынырнуло, как рыба.

— Оно плывет! — вскричали удивленные охотники. Но у них не было времени подумать над тем, почему Это плавает лучше, чем они. Вот оно закружилось около них и одним щупальцем схватило вождя. Второе протянуло к одному из охотников, голова которого уже исчезла под водой. Другие двое поняли все и сами схватились за ноги Это.

...Только спустя долгое время охотники пришли в себя настолько, что могли медленно идти за Это. Когда в конце концов они достигли долины, Это уже присосалось к Яйцу. Потом, как всегда, по их уставшим телам разлилось приятное щекотанье, долина наполнилась жужжанием, и охотники с блаженными улыбками на лицах заснули...

* * *

А в эту минуту на расстоянии миллионов километров отсюда, на планете Земля, над светящимся экраном телевизора на станции космической связи склонились двое в белых халатах:

— Ты видишь, грои-ц-хи! Сегодня мы впервые видим их по прямой трансляции с помощью камер, размещенных на ракете. Они опять пришли с нашим роботом.

— Они сделали из него божество, — улыбнулся другой. — Интересно, когда через несколько лет мы приземлимся там, как они будут нас называть?

— Эх, друг, не иначе как ты станешь богом грои-ц-хов...

Сокращенный перевод с чешского

М. ПАЛИЛОВОЙ

НА КОНКУРС ИЗ РАССКАЗОВ, ПРИСЛАННЫХ

Продолжаем публиковать произведения, поступившие на наш международный конкурс. Автор этого научно-фантастического рассказа — 15-летний ученик лицея в городе Забже (Польская Народная Республика) Кшиштоф Новицки. Тема рассказа почерпнута им из статьи, опубликованной в прошлом году в «Рабочей трибуне». В статье сообщалось о том, что ученым удалось вне организма животного сохранить его мозг, реагирующий на звуковые и световые возбудители...

Резкий телефонный звонок ворвался в ночную тишину. Уже третий раз за эту ночь телефон будил профессора Вернера. Он раздраженно поднял трубку.

— Имею ли удовольствие говорить с профессором Вернером? — услышал он голос, по которому узнал хирурга Галицкого, и ответил:

— Да. Что случилось, что будишь меня среди ночи?

ДОРОГ
К

— Представилась великолепная возможность... Мы сможем продолжить наши эксперименты... Я уже выслал за вами машину... Прошу вас, приезжайте. Жду...

Но Вернер уже не слушал. Он бросил трубку на рычаг и, поспешно одевшись, через минуту выбежал на улицу. К дому подъезжал автомобиль. Вернер опустился на сиденье и задумался...

У подъезда клиники доктор Галицкий уже дожидался своего коллегу. Идя по коридору больницы, Галицкий рассказывал:

— Привезли смертельно раненного. Автомобильная катастрофа. Молодой мужчина, его зовут Войчех Стераньчак. Жаль парня... Но голова цела, мозг не поврежден. Идеальный кандидат для нашего эксперимента, — шутливо добавил он.

Профессор Вернер не обратил внимания на шутливый тон хирурга. Мыслями он уже присутствовал при осуществлении того, что явилось окончательным итогом его многолетней работы. Только бы кто-нибудь не помешал...

* * *

Чувство возвращающегося сознания было пока ничтожно мало. Но постепенно оно возвращалось. Мысли скакали, путались... Да... Какой яркий свет! Авария! Какие темные клубы... Что это — дым или туча? Взрыв! Так... Мчится автомобиль... и второй... Столкновение неотвратимо... Спасите! Все яснее картина пережитых мгновений кошмара. Несется машина... Перед ней другая, ее внезапно заносит. Резкий поворот и — удар. Кажется, что он еще слышит треск ломающихся конструкций и взрыв бензина. Его начинает охватывать изумление: «Я еще живу? Это же невозможно! Жив после такой катастрофы?..»

А потом удивило состояние, в котором он находился. Не чувствуется никакой боли. Телом овладело удивительное бессилие, будто он придавлен громадным весом, парализовавшим движения. И вместе с тем он чувствовал себя так свободно, словно находился в космическом пространстве, где тяжесть тела не ощущается.

Он обратил теперь внимание еще на одно явление, и это усилило его подавленность. Заинтересовавшись вначале обстановкой, в которой он очутился, он не заметил этого. Но сейчас явственно почувствовал, что вокруг, да и в нем самом царит идеальная тишина. Ни малейшего признака жизни. Он не слышал даже биения собственного сердца, шороха дыхания, ритма пульсирующей крови. Ничего, абсолютно ничего...

«Не понимаю, — думал он, — возможно ли?.. Но ведь я мыслю, значит — существую. А может, это другой мир? Как бы не так! — он даже обиделся на себя. — После смерти сознание не возвращается!..»

Но вот течение мысли было прервано жужжанием, напоминающим гудение телевизора.

«Это что еще такое!» — подумал он с возмущением, но сразу же успоко-

ился, удивленный. Он видел... Раньше, несмотря на усилия, он не мог этого сделать. Теперь же видит. Большая комната — скорее всего лаборатория. В ней фигуры двух человек. Один с серьезным, почти старым лицом, как будто где-то виденным. Другой, помоложе — незнакомый и тоже серьезный и сосредоточенный.

— Здравствуйте! Здравствуйте, пан Стераньчак! — Войчех сохранял молчание, сосредоточив внимание. — Вам, вероятно, интересно знать, как вы здесь оказались, где находитесь и что с вами случилось? — продолжал незнакомец. — Я могу удовлетворить ваше любопытство, но сначала представлю вам профессора Вернера. Вы, наверное, знаете его из газет, которые за последнее время помещали ряд статей, посвященных опытам профессора по трансплантации мозгов животных. Меня же зовут Станислав Галицкий. Я хирург и

Если вы позволите — впрочем, как здесь можно не позволить, — мы вас не будем задерживать в этом «ящике». Пребывание в нем вряд ли можно назвать приятным. Мы перенесем мозг в новый человеческий организм. Сейчас умирает мужчина — злокачественная опухоль мозга. Спасти его уже нельзя. Сегодня же мы проведем операцию. Вы снова будете человеком. Согласны ли вы?

Стераньчак не отвечал. Под гнетом необыкновенных событий последних часов он уже не был в состоянии мыслить. Сознание опять заволокла темнота...

* * *

Войчех Стераньчак быстрым шагом подошел к дверям и нажал кнопку у косяка. В глубине дома отозвался громкий звонок. Через минуту он услыхал тяжелые медленные

сотрудник профессора Вернера, под его руководством провожу операции. Вы, а точнее, ваш мозг поможет нам продолжать наши исследовательские работы. То, что я вам сейчас расскажу, вам может показаться невероятным — и все-таки это правда. Вы погибли при катастрофе! Не поймите меня неправильно... Вот заметка в сегодняшнем номере, — он потянулся за лежавшей поблизости газетой, нашел в ней нужное место: — «Вчера на шоссе между Катовицами и Хожувом, около парка культуры и отдыха произошла трагическая катастрофа — погиб известный спортсмен Войчех Стераньчак. Усилия «Скорой помощи» оказались напрасными...» И все-таки по какому-то странному стечению обстоятельств ваш мозг не был поврежден, — Галицкий отложил газету. — И мы решились сохранить его живым с помощью специального аппарата, сконструированного Вернером. Наш эксперимент удался. Что вы думаете обо всем этом? — закончил он вопросом.

— Что вы собираетесь сделать со мной... с моим мозгом после... — начал Войчех и замолчал. Это был не его голос... Он услышал монотонный металлический звук, воспроизводящий его слова.

— После эксперимента? — закончил за Войчеха профессор Вернер. —

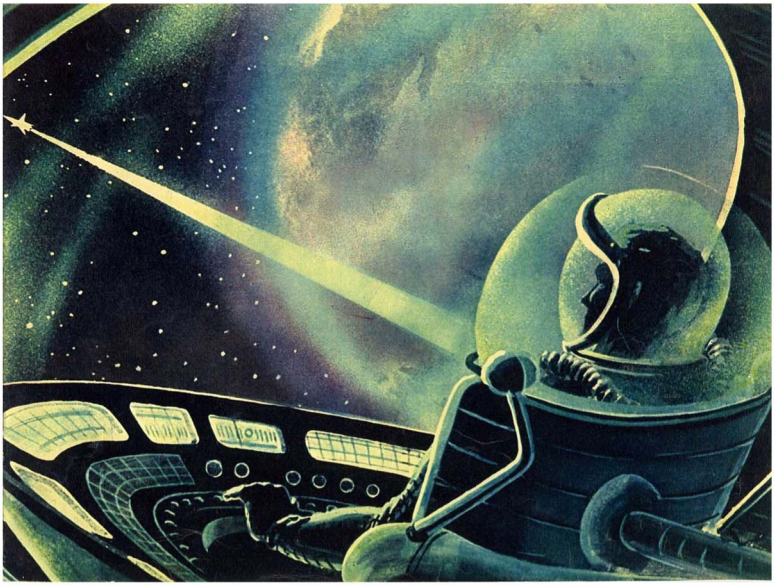
шаги. Двери отворились, и Войчех неожиданно увидел доктора Галицкого. Еще больше его удивило лицо доктора. Сравнительно молодой и энергичный человек, он в это мгновение выглядел почти стариком. Мешки под глазами говорили о бессонных ночах.

— Здравствуйте, пан Войчех. — Вздох облегчения вырвался из груди доктора. — Как хорошо, что вы пришли! Мы ждем вас с нетерпением. Мне уже казалось, что вам могли не доставить телеграмму... И вот вы здесь... Это хорошо. Очень хорошо.

К доктору Галицкому вернулась его прежняя энергичная походка. Увлекая Войчеха по длинному коридору, он поспешно, даже с каким-то замешательством, затворил одну из неприкрытых дверей. И все же Войчех успел заметить часть лаборатории и услышать шум, сопровождающий работу установки — такой же, в какой в свое время находился его мозг. «Кто там сейчас?» — холодея, с неясным предчувствием подумал он.

За ним закрылись следующие двери, и хотя он увидел перед собой накрытый стол и на нем готовящийся кофе, им властно овладело беспокойство.

— Садитесь, — пригласил доктор Галиций. — Меня интересует, как устраивается ваша жизнь. Как скла-



дываются отношения с родными, со знакомыми?

Войчех почувствовал, что это только вежливые вопросы, что настоящая цель столь неожиданного приглашения, а скорее вызова, станет ясной позднее. В чем же дело? Почему нет профессора?

— Отношения складывались действительно довольно трудно, — ответил Войчех, — ну и оригинально: ведь мое возвращение в другом облике было поистине фантастическим. Обязательство сохранять эксперимент в тайне отнюдь не облегчало мне задачи. В мои переживания вначале поверил лишь один приятель, который среди знакомых слывет за фантазера, и даже, как говорится, небезопасного. Но благодаря ему я не потерял родителей... Но извините за мой вопрос: где профессор Вернер? Может быть, новый интересный опыт?..

Доктор, который слушал рассеянно, поглядывая на часы чуть ли не каждую минуту, вздрогнул, как будто ждал этого вопроса и вместе с тем опасался, что его услышит.

— Профессор Вернер, — последовал ответ, — не придет, не может прийти... У профессора разрыв сердца. Мне удалось спасти только мозг. Мозг, который знал все тайны, касающиеся процесса сохранения мозга и его прививки. Только он может докончить начатое им великое дело. Смерть его мозга — это конец начала, и потому я вызвал вас, пан Стераньчак...

Войчех начинал понимать, но нашел в себе силы спросить:

— Почему меня?

— Только вы можете помочь ему, продолжал доктор, — снова явиться в человеческом образе. Вы единственный человек, которому профессор Вернер даровал сознание и тело. И это тело вам сегодня нужно отдать, ибо завтра будет уже поздно.

Войчех сорвался с места.

— Вы не имеете права! Я хочу жить! Я не согласен... — И вдруг почувствовал, что странно слабеет.

— Пан Стераньчак, — успел услышать он голос Галицкого, — уже начинает действовать снотворное средство, которое вы выпили с кофе.

Войчех еще раз прошептал: «Я не хочу умирать...» — и потерял сознание. Он уже не слышал дальнейших слов доктора Галицкого, который говорил горячо и убежденно:

— Вы будете жить, дорогой друг, вы обязательно будете жить! Ваш мозг не погибнет — его спасет профессор Вернер... Вы снова пробудитесь от сна и в новом облике вернетесь к людям. Я клянусь вам своей собственной жизнью, клянусь всеми силами великой Науки...

Перевел с польского **А. ДУВАЛКИН**

7 страшных дней

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Р. А. ЛЭФФЕРТИ

Рис. О. ДОБРОЛЮБОВОЙ

— Хочешь, чтобы у тебя что-нибудь исчезло? — спросил у своей матери Кларенс Уиллоуби.

— Да разве вот грязная посуда в раковине. А как ты это сделаешь?

— А я построил исчезновитель. Надо только вырезать донышки из консервной банки, а потом взять две красные картонки с дырочками посредине и вставить. Ну и надо посмотреть через эти дырочки и мигнуть. На что ни посмотришь, то и исчезнет.

— Вот как?

— Да. Только я не знаю, смогу ли я потом вернуть их обратно. А тарелки стоят денег. Так что лучше бы на чем-нибудь другом попробовать.

Майра Уиллоуби, как всегда, должна была преклониться перед умом своего девятилетнего сына. Сама она не отличалась предусмотрительностью, не то что он.

— Тогда попробуй на котенке, которого подарили Бланш Мэннерс. Вон он во дворе. Если он исчезнет, никто и не заметит, кроме Бланш.

— Ладно.

Он приложил к глазу исчезновитель и мигнул. Котенок с дорожки исчез.

Мать слегка удивилась.

— Интересно, как это получается? Ты знаешь, как это делается?

— Ну да. Берешь консервную банку без донышка, вставляешь две картонки. А потом мигаешь.

— Хорошо, хорошо. Иди поиграй с этим на улице. А дома пусть пока ничего не исчезает, я должна сначала подумать.

Но когда он ушел, мать почувствовала какое-то непонятное беспокойство.

— Неужели у меня растет вундеркинд? Право же, не всякий взрослый сумел бы построить настоящий действующий исчезновитель. Надеюсь, Бланш Мэннерс не очень огорчится пропажей котенка.

А Кларенс зашел в пивную «Грошовая затычка».

— Хотите, чтобы у вас что-нибудь исчезло, Нокомис?

— Только мое брюхо.

— Если я сделаю, чтобы оно исчезло, у вас на его месте будет дырка и вы истечете кровью.

— Что верно, то верно. Попытайка лучше удачи вон с тем вентилем от пожарного крана, на углу.

То был по-своему счастливейший день в околотке. Ребятишки из отдаленных кварталов толпами устремились сюда играть на затопленных улицах и в бурлящих канавах, и если кое-кто из них утонул (чего мы вовсе не утверждаем), то ведь без этого нельзя. Пожарные машины (слыханное ли дело — звать пожарников, когда происходит потоп?) стояли по самые насосы в воде. Полисмены и сотрудники «Скорой помощи» бродили мокрые и обескураженные.

— А вот оживитель! Кому оживитель? — тянула Кларисса Уиллоуби.

— Да замолчи ты! — прикрикнули на нее сотрудники «Скорой помощи».

Нокомис, бармен из «Грошовой затычки», отозвал Кларенса в сторону и сказал:

— Я бы на твоем месте ни в коем случае не рассказывал о том, что случилось с вентилем.

— Я-то не скажу, если только вы не скажете, — ответил Кларенс.

У полицейского старшины Комстока были кое-какие догадки.

— Тут возможны только семь объяснений: это дело рук одного из семи малолетних Уиллоуби. Как они это сделали, не знаю. Без бульдозера вентиль вырвать невозможно. Да и то следы какие-нибудь остались бы. Однако так или эдак, но это сделал один из них.

У старшины Комстока был талант подбираться к самой сути разных таинственных явлений. Поэтому-то он всю жизнь и стаптывал сапоги здесь, в порту, вместо того чтобы сидеть в инспекторском кресле где-нибудь в центре города.

— Кларисса! — суровым голосом пронзнес полицейский старшина Комсток.

— А вот оживитель! Кому оживитель? — завела Кларисса.

— Тебе известно, что произошло с пожарным вентилем? — спросил полицейский старшина Комсток.

— У меня есть кое-какие ужасные подозрения. И больше пока что ничего. Когда я буду располагать более точными сведениями, я поставлю вас в известность.

Клариссе было восемь лет, и она всегда питала слабость к ужасным подозрениям.

— Клементина, Хэролд, Коринна, Джимми, Сирилл! — обратился он к пяти младшим Уиллоуби. — Известно вам, что произошло с пожарным вентилем?

— Вчера тут проходил какой-то тип. Бьюсь об заклад, он его и свистнул, — сказала Клементина.

— Что-то я не помню даже никакого вентиля. Подымаете шум, сами не знаете из чего, — сказал Хэролд.

— Муниципальный совет еще об этом услышит, — сказала Коринна.

— Уж я-то знаю, провалиться мне, — сказал Джимми. — Но все равно не скажу.

— Сирилл! — произнес Комсток громовым голосом. (В душе у него собрались тучи.)

— Вот черт! — сказал Сирилл. — Мне ведь только три года. И насколько я понимаю, я лицо неответственное.

— Кларенс! — проговорил Комсток.

— Нет, сэр. Я не знаю, куда он девался.

Явилась гвардия умельцев из водопроводного управления, отключила воду в нескольких кварталах и вбила на месте пожарного вентиля глухую пробку.

— Веселенький отчет придется нам написать, — сказал один из них.

Полицейский старшина Комсток уходил повергнутый в глубокое недоумение.

— Сделайте милость, оставьте меня в покое, мисс Мэннерс, — сказал он. — Я не знаю, где искать вашего котенка. Я даже не знаю, где искать этот пожарный вентиль.

— У меня есть предположение, — сказала Кларисса, — что, если вы найдете котенка, то там же найдется и вентиль. Впрочем, покамест это не больше как предположение.

Оззи Мэрфи вышел погулять в новой шляпе на самой макушке. Кларенс навел свое оружие и мигнул. Шляпы больше не было, а на лоб Оззи сбежала струйка крови.

— Я бы не стал этим больше играть, — сказал Нокомис.

— А кто играет-то? — ответил Кларенс. — Это по-взаправдашнему.

Так начались эти семь страшных дней в прежде ничем не примечательном квартале. С улиц исчезали деревья; бесследно пропадали фонарные столбы. Уолли Уолдорф приехал домой, вылез из машины, хлопнул дверцей, и машины как не бывало. Джордж Малендорф подходил к своему дому, его старый пес Питер стремглав ринулся навстречу, с разбегу прыгнув ему на руки, но произошло что-то странное: собака исчезла, только отзвук приветственного лая еще секунду непонятным образом держался в воздухе.

Но хуже всего было с пожарными вентилями. К утру на следующий день после исчезновения первого вентиля был установлен второй. Но через восемь минут его не стало, и хляби разбушевались снова. К двенадцати дня на его месте был третий вентиль. Он исчез через три минуты. К утру третьего дня был установлен вентиль номер четыре.

На месте происшествия собрались представитель водопроводной компании, инженер из муниципалитета, начальник полиции с ударным батальоном, председатель родительско-учительского комитета, ректор университета, мэр города, три господина из ФБР, фоторепортер из газеты, несколько ученых с мировым именем и толпа честных граждан.

— Ну-с, посмотрим, как он исчезнет теперь, — сказал инженер из муниципалитета.

— Да, посмотрим, как он теперь исчезнет, — сказал начальник полиции.

— Да, да, посмотрим, как он ис... уже исчез? — сказал один из ученых с мировым именем.

Вентиля уже не было, и все сильно промокли.

— Ну, по крайней мере у меня есть серия снимков, которая составит сенсацию года, — сказал фотокорреспондент. Но его фотоаппарат со всеми причиндалами исчез у всех на глазах.

— Перекройте воду и вгоните глухую пробку, — сказал представитель водопроводной компании. — Новых вентилей пока устанавливать не будем, их больше нет на складе.

— Джентльмены, если вы все зайдете в «Грошовую затычку», — сказал Нокомис, — и отведаете нашего водно-огненного коктейля, у вас будет много веселее на душе. Наши коктейли изготавливаются из первосортной кукурузной водки, жженого сахара и чистой водопроводной воды прямо вот из этой канавы. Спешите первыми отведать наши новые коктейли.

Дела в «Грошовой затычке» получили просто сказочный размах. Ведь пожарные вентили исчезали в струях потока не где-нибудь, а прямо напротив ее дверей.

— Я знаю способ, как нам разбогатеть, — сказала дня через три Кларисса своему отцу, Тому Уиллоуби. — Все говорят, что готовы продать свои дома за гроши, только бы перебраться отсюда куда-нибудь подальше. Надо раздобыть бешеные деньги и скупить все эти дома. Потом продадим их и разбогатеем.

— Я не стал бы покупать их даже по доллару за штуку. Три дома уже исчезли, и все семьи, кроме нашей, повытаскивали пожитки и мебель во дворы. Может, к завтрашнему утру ни дома не останется, одни только пустые участки.

— Ну и прекрасно, тогда скупим пустые участки. И подождем, пока дома вернутся на место.

— Вернутся на место? А они разве должны вернуться? Что тебе обо всем этом известно, мисс Кларисса?

— У меня есть подозрение, переходящее в уверенность. Больше я пока сказать не могу.

Три ученых с мировым именем заседали в опустевшей захламленной квартире, которая до этого служила, вероятно, резиденцией пьяного султана.

— Это выходит за пределы метафизического и вторгается в область квантового континуума. В каком-то смысле это перечеркивает все работы Боффа, — сказал профессор Великоф Вонк.

— Самым загадочным аспектом здесь являются интрансцендентные связи, — сказал Арпад Аркабаранан.

— Да, — сказал Вилли Мак-Гилли. — Кто бы подумал, что это можно проделать с помощью консервной банки и двух картонных кружочков? Когда я был маленьким, то пользовался коробкой из-под овсянки и лоскутком кумача.

— Я не всегда в состоянии следовать за вашей мыслью, — сказал профессор Вонк. — Вы не могли бы выразить ее попроще?

До сих пор ни один человек не исчез и не пострадал, если не считать струйки крови на лбу Оззи Мэрфи или двух капелек на мочках ушей у Канчиты, когда у нее вдруг пропали вдетые в уши здоровенные сережки, да одного-двух пальцев, оторванных при исчезновении домов, если в это мгновение кто-то успел прикоснуться к ручке двери, или пальца на ноге у соседского мальчишки, который хотел было пнуть носком консервную банку, а ее не оказалось, что в общей сложности составляло, пожалуй, не больше пинты крови и трех-четырех унций мяса.

Но тут вдруг исчез продавец из продуктового магазина мистер Бакл — исчез на глазах у всех покупателей. Это уже было серьезно. И в дом Уиллоуби явилась целая расследовательская бригада зловещих представителей власти. Из них самый зловещий с виду был мэр. В прежние счастливые времена он не казался зловещим, но ужас царил в городе вот уже семь дней.

— Ходят мрачные слухи, — сказал один из зловещих расследователей, — согласно которым некоторые события имеют отношение к этому дому. Знает ли кто-нибудь из вас об этих слухах?

— Я их почти все сама распустила, — сказала Кларисса. — Но, по-моему, они вовсе не мрачные. Загадочные — это я не спорю. Но если вы хотите добраться до сути дела, можете задать мне один вопрос.

— Это ты устроила исчезновения? — спросил расследователь.

— Вы задали не тот вопрос, — ответила Кларисса.

— Куда подевались все эти предметы? — спросил расследователь.

— Опять не тот, — сказала Кларисса.

— Ты можешь сделать так, чтобы все возвратилось на место?

— Ну, конечно. Это всякий может. А вы разве не можете?

— Нет. Если ты можешь, то, пожалуйста, верни все немедленно.

— Мне нужны золотые часы и молоток. И еще сходите в магазин и принесите мне школьный набор химикалиев. И потом еще мне нужен метр черного бархата и фунт леденцов.

— А стоит ли? — спросил один из расследователей.

— Да, — сказал мэр. — Ведь это наша последняя надежда. Достаньте ей все, что она просит.

И ей принесли все, что она велела.

— Почему, интересно, ей такое внимание? — сказал Кларенс. — Ведь это я устроил исчезновения. Откуда она знает, как теперь вернуть все назад?

— Ага, я так и знала! — с ненавистью воскликнула Кларисса. — Я так и знала, что это он все натворил. Он прочел в моем дневнике, как сделать исчезновитель. Будь я его матерью, ему бы очень не поздоровилось за то, что он читает дневник своей младшей сестренки. Сами видите, что получается, когда такие вещи попадают в руки безответственных людей.

И она занесла молоток над лежащими на полу золотыми часами мэра.

— Придется подождать несколько секунд. Тут не может быть никакой спешки. Но ждать совсем недолго.

Секундная стрелка описала круг и достигла деления, предопределенного ей еще до начала мироздания. И Кларисса со всей силой обрушила молоток на красивый золотой циферблат.

— Вот и все, — сказала она. — Ваши неприятности позади. Погляди-

те, вон котенок Бланш Мэннерс на дорожке, как раз там, где он был семь дней назад.

И действительно, котенок появился снова.

— А теперь пойдем в «Грошовую затычку» и посмотрим, как будет возвращаться пожарный вентиль.

Им пришлось ждать всего несколько минут. Вентиль возник из ниоткуда, звякнув по мостовой, как знамение и свидетельство.

— Я предсказываю, — сказала Кларисса, — что все исчезнувшие предметы будут возвращаться назад ровно через семь дней с момента их исчезновения.

Семь дней ужаса пришли к концу. Предметы стали возникать на прежних местах.

— Но как же, — спросил мэр, — ты узнала, что они снова появятся через семь дней?

— Потому что тот исчезновитель, который сделал Кларенс, был семидневный. А еще я знаю, как сделать девятидневный, тринадцатидневный, двадцатисемидневный и одиннадцатилетний исчезновитель. Я хотела сделать тринадцатидневный, но для этого обе картонки нужно окрасить кровью из сердца маленького мальчика, а Сирилл все время принимался реветь, когда я пробовала провести глубокий разрез.

— И ты в самом деле знаешь, как все это сделать?

— Да. Но я содрогаюсь при мысли о том, что будет, если это знание попадет в недостойные руки.

— Я тоже содрогаюсь, Кларисса. Но скажи мне, для чего тебе понадобились химикалии?

— Для моего набора «Юный химик».

— А черный бархат?

— На платья куклам.

— А фунт леденцов?

— Как вы смогли сделаться мэром города, если задаете такие вопросы? Ну, как вы сами думаете, для чего мне нужны леденцы?

— Последний вопрос, — сказал мэр. — Зачем ты расколотила молотком мои золотые часы?

— Ах, это, — ответила Кларисса. — Для драматического эффекта.

Перевод с английского **И. БЕРНШТЕЙН**

Место, где много воды

А. АЗИМОВ *Рис. А. ЧЕРНОМОРДИКА*

Мы никогда не побываем в далеком космосе. Мало того, на нашей планете никогда не побывают обитатели иных миров — то есть больше никогда.

Собственно говоря, космические полеты вполне возможны, а обитатели иных миров уже побывали на Земле. Я это знаю точно. Космические корабли, возможно, бороздят пространство между миллионами миров, но наших среди них никогда не будет. Это я тоже знаю точно. И все из-за одного нелепого недоразумения.

Сейчас я объясню подробнее.

В этом недоразумении виноват Барт Камерон, и, следовательно, вам надо узнать, что за человек Барт Камерон. Он шериф Твин Галча, штат Айдахо, а я его помощник. Барт Камерон человек раздражительный, и особенно легко он раздражается, когда ему приходится подсчитывать свой подоходный налог. Видите ли, кроме того, что он шериф, он еще держит лавку, является совладельцем овцеводческого ранчо, получает пенсию как инвалид войны (у него повреждено колено) и имеет еще кое-какие доходы. Ну и, конечно, ему нелегко подсчитать, сколько с него причитается налога.

Все бы ничего, если бы он только позволил налоговому инспектору помочь ему в этих подсчетах. Но Барт желает делать все сам, а в результате становится совсем невменяемым. Когда подходит 14 апреля, лучше держаться от него подальше.

И надо же было этому летающему блюдцу приземлиться здесь именно 14 апреля 1956 года!

Я видел, как оно приземлилось. Я сидел в кабинете шерифа, откинувшись со стулом к стене и глядя на звезды за окном: читать журнал мне было лень, и я взвешивал, что делать дальше: завалиться ли спать или остаться тут и слушать, как Камерон непрестанно ругается, в сто двадцать седьмой раз проверяя длинные столбики цифр.

Сначала блюдце показалось мне падающей звездой. Но тут светящаяся полоска расширилась, раздвоилась и превратилась в нечто вроде вспышек ракетного двигателя. Блюдце приземлилось уверенно и совсем бесшумно. Даже сухой лист, падая, зашуршал бы громче.

Из блюдца вышли двое.

Я лишился дара речи и окаменел. Я был не в силах произнести ни слова, даже пальцем пошевелить не мог. Не мог даже моргнуть. Я просто продолжал сидеть, как сидел.

А Камерон? Он и глаз не поднял.

Айзек Азимов — американский писатель-фантаст, блестящий популяризатор науки — хорошо известен советскому читателю. В нашей стране опубликованы его книга и несколько отдельных рассказов. Сегодня читатели «Юного техника» могут познакомиться с рассказом «Место, где много воды».

Впервые А. Азимов прославился как ученый. Его работы в области обмена веществ принесли ему известность в научном мире. Это прежде всего относится к капитальному труду «Биохимия человека».

И в своей писательской работе А. Азимов основывается на строгих логических предположениях. Около двадцати его фантастических романов, повестей, рассказов построены на данных современной науки. Конечно, писатель выдумывает, строит гипотезы, но это почти всегда обоснованные догадки, вытекающие из большого научного опыта автора.

В последние годы Айзек Азимов все больше занимается популяризацией науки. Он блестяще рассказал о достижениях биологии и химии, построил удивительные гипотезы, используя самые последние открытия.

Познакомившись с помещенным здесь рассказом, наши читатели наверняка заинтересуются творчеством большого американского писателя. Этот рассказ войдет в книгу А. Азимова, которую вскоре выпустит издательство «Мир». Предисловие к ней написали советские писатели А. и Б. Стругацкие.

Раздался стук в незапертую дверь. Она отворилась, и вошли двое с летающего блюдца. Если бы я не видел, как оно приземлилось среди кустов, я принял бы их за приезжих из большого города: темно-серые костюмы, белые рубашки и палевые галстуки, а ботинки и шляпы черные. Сами они были смуглые, с черными кудрявыми волосами и карими глазами. Вид у них был очень серьезный.

Черт, как я перепугался!

А Камерон только покосился на дверь, когда она отворилась, и нахмурился. В другое время он, наверное, хохотал бы до упаду, увидев такие костюмы в Твин Галче, но теперь он был так поглощен своим подоходным налогом, что даже не улыбнулся.

— Чем могу быть вам полезен, ребята? — спросил он, похлопывая рукой по бумагам, чтобы показать, как он занят.

Один из двоих выступил вперед и сказал:

— В течение долгого времени мы наблюдали за вашими сородичами.

Он старательно отчеканивал каждое слово.

— Моими сородичами? — спросил Камерон. — Нас же только двое — я и жена. Что она такое натворила?

Тот продолжал:

— Мы выбрали для первого контакта это место потому, что оно достаточно уединенное и спокойное. Мы знаем, что вы — здешний руководитель.

— Я шериф, если вы это имеете в виду, так что валяйте. В чем дело?

— Мы тщательно скопировали то, как вы одеваетесь, и даже вашу внешность.

— Значит, по-вашему, я одеваюсь вот так? — Камерон только сейчас заметил, какие на них костюмы.

— Мы хотим сказать, что так одевается ваш господствующий общественный класс. Кроме того, мы изучили ваш язык.

Было видно, что Камерона, наконец, осенило.

— Так вы, значит, иностранцы? — сказал он.

Камерон недолюбливал иностранцев, так как встречался с ними преимущественно, пока служил в армии, но он всегда старался быть беспристрастным.

Человек с летающего блюдца сказал:

— Иностранцы? О да. Мы из того места, где много воды, — по-вашему, мы венерианцы.

Я едва собрался с духом, чтобы моргнуть, но тут снова оцепенел. Я же видел летающее блюдце. Я видел, как оно приземлилось. Я не мог этому не поверить! Эти люди — или эти существа — прилетели с Венеры!

Но Камерон и бровью не повел. Он сказал:

— Ладно. Вы — в Соединенных Штатах Америки. Здесь у всех нас равные права независимо от расы, вероисповедания, цвета кожи, а также национальности. Я к вашим услугам. Чем могу вам помочь?

— Мы хотели бы, чтобы вы немедленно связались с ведущими деятелями ваших Соединенных Штатов Америки, как вы их называете, чтобы они прибыли сюда для совещания, имеющего целью присоединение вашего народа к нашей великой организации.

Камерон медленно побагровел.

— Значит, присоединение нашего народа к вашей организации! А мы и так уже члены ООН и бог весть чего еще. И я, значит, должен вытребовать сюда президента? Сию минуту? В Твин Галч? Сказать ему, чтобы поторапливался?

Он поглядел на меня, как будто ожидая увидеть на моем лице улыбку. Но я был в таком состоянии, что, вышиби из-под меня стул, я бы даже упасть не смог.

Человек с летающего блюдца ответил:

— Да, промедление нежелательно.

— А конгресс вам тоже нужен? А верховный суд?

— В том случае, если они могут помочь, шериф.

И тут Камерон взорвался. Он стукнул кулаком по своим бумагам и заорал:

— Так вот, вы мне помочь не можете, и мне некогда возиться со всякими остряками, которым взбредет в голову явиться сюда, да еще к тому же иностранцами. И если вы сейчас же не уберетесь отсюда, то я засажу вас за нарушение общественного порядка и никогда не выпущу!

— Вы хотите, чтобы мы уехали? — спросил человек с Венеры.

— И сейчас же! Проваливайте туда, откуда приехали, и не возвращайтесь! Я не желаю вас здесь видеть, и никто вас здесь видеть не желает.

Те двое переглянулись — их лица как-то странно подергивались. Потом тот, кто говорил до этого, произнес:

— Я вижу в вашем мозгу, что вы в самом деле желаете, и очень сильно, чтобы вас оставили в покое. Мы не навязываем себя и свою организацию тем, кто не хочет иметь дела с нами или с ней. Мы не хотим вторгаться к вам насильно, и мы улетим. Мы больше не вернемся. Мы окружим ваш мир предостерегающими сигналами. Здесь больше никто не побывает, а вы никогда не сможете покинуть свою планету.

Камерон сказал:

— Послушайте, мистер, мне эта болтовня надоела. Считаю до трех...

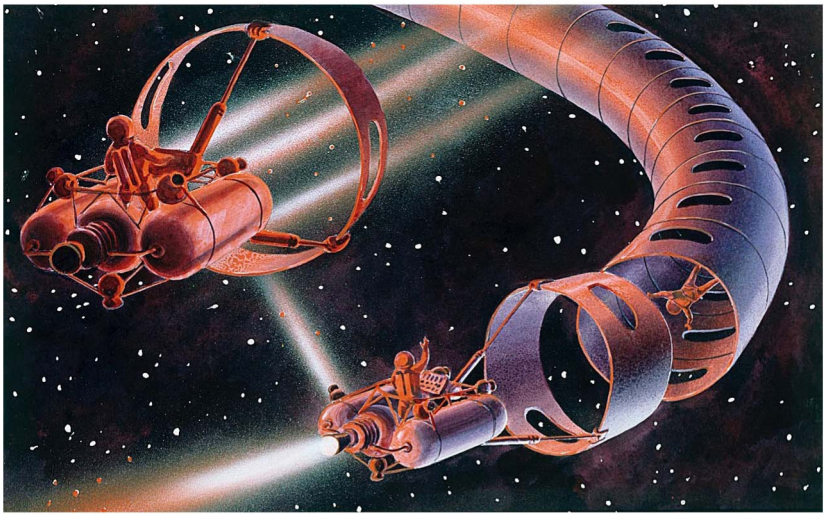
Они повернулись и вышли, а я-то знал, что все их слова — чистая правда. Понимаете, я-то слушал их, а Камерон нет, потому что он все время думал о своем подоходном налоге, а я как будто слышал, о чем они думали. Понимаете, что я хочу сказать? Я знал, что вокруг Земли будет устроено что-то вроде загородки, и мы будем заперты внутри и не сможем выйти, и никто не сможет войти. Я знал, что так и будет.

И как только они вышли, ко мне вернулся голос — слишком поздно! Я завопил:

— Камерон, ради бога, они же из космоса! Зачем ты их выгнал?

— Из космоса? — он уставился на меня.

— Смотри! — заорал я. Не знаю, как мне это удалось — он на двадцать пять фунтов тяжелее меня, — но я схватил его за шиворот и подта-



щил к окну, так что у него на рубашке отлетели все пуговицы до единой. От удивления он даже не сопротивлялся, а когда опомнился и хотел было сбить меня с ног, то заметил, что происходит за окном, и тут уж захватило дух у него.

Эти двое садились в летающее блюдце. Блюдце стояло там же, большое, круглое, сверкающее и мощное. Потом оно взлетело. Оно поднялось легко, как перышко. Одна его сторона засветилась красновато-оранжевым сиянием, которое становилось все ярче, а сам корабль — все меньше, пока снова не превратился в падающую звезду, медленно погасшую вдали.

И тут я сказал:

— Шериф, зачем ты их прогнал? Им действительно надо было встретиться с президентом. Теперь они уже больше не вернутся.

Камерон ответил:

— Я думал, они иностранцы. Сказали же они, что выучили наш язык. И говорили они как-то чудно.

— Ах вот как! Иностранцы!

— Они же так и сказали, что иностранцы, а сами похожи на итальянцев. Ну, я и подумал, что они итальянцы.

— Почему итальянцы? Они же сказали, что они венериане. Я слышал — они так и сказали.

— Венериане? — он выпучил глаза.

— Да, они это сказали. Они сказали, что прибыли из такого места, где много воды. А на Венере воды очень много.

Понимаете, это было просто недоразумение, дурацкая ошибка, какую может сделать каждый. Только теперь люди Земли никогда не полетят в космос, мы никогда не доберемся даже до Луны, у нас больше не побывает ни одного венерианца. А все из-за этого осла Камерона с его подоходным налогом!

Он прошептал:

— Венериане! А когда они заговорили про это место, где много воды, я решил, что они венецианцы!

Перевод И. ИОРДАНСКОГО

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОЛЕТЯТ К ЗВЕЗДАМ

РАССКАЗ

К. ФИАЛКОВСКИЙ

Рис. А. ЧЕРНОМОРДИКА

Институт стоял в стороне, окруженный большими старыми соснами. Белая дорога, по которой я пришел с аэродрома, упиралась в ворота, обыкновенные железные ворота. Я поискал глазами калитку, но ее не было. Только у самых ворот в стене виднелся маленький серый экран, а под ним белый клавиш видеофона. Я нажал его. Мне ответил автомат:

— Институт Подпредельных Сетей. С кем соединить?

— С профессором Кедроком... Я его ассистент...

Надо было сказать это тверже, гораздо тверже. Ведь я действительно уже ассистент.

— Твоя фамилия?

— Варт. Кер Варт.

— Войди. Профессор встретится с тобой позже.

Я отвел глаза от экрана. Ворот не было. Так. Значит, это только силовое поле, стилизованное под старинные ворота... Я прошел несколько десятков шагов по направлению к зданию, когда ветер на мгновенье стих, сосны перестали шуметь и мне показалось, что я слышу приглушенные призывы человеческих голосов. Я взглянул туда, где вдали от основного здания, на отшибе, стоял небольшой круглый павильон. Но вот снова подул ветер, ударил по кронам сосен, и опять я слышал только их шум. И все же я был уверен: там что-то происходило. С минуту я колебался, потом по узкой тропинке, вытоптанной в траве, пошел к павильону. Да, теперь я слышал ясно.

— Двадцать шесть градусов четырнадцать минут, двадцать восемь градусов пять минут, — гудел бас, указывающий величину углов.

— Стой! — неожиданно произнес кто-то рядом.

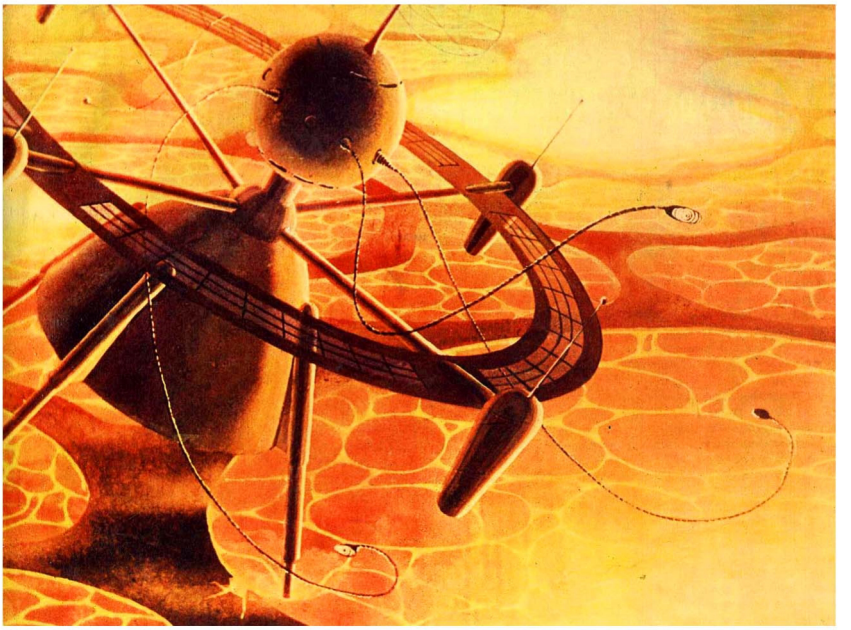
Я повернулся. Это был андроидный автомат. Он стоял за стволом сосны, поэтому я его не заметил. Я хотел молча пройти мимо.

— Стой! — повторил он. — Профессор Кедрок запретил входить туда.

— Но я... я его ассистент.

Я посмотрел на павильон и пошел напрямик к институту по траве, между стволами сосен. Высокая трава была желтой и сухой, как всегда в конце лета. Я смотрел на здание института, в черных стенах которого отражались сосны и небо. Неожиданно я споткнулся, наступив на что-то вырвавшееся из-под моих ног.

— Если «п» первое число, то вся-



кое некратное числу «π», возведенное в степень π — 1, при делении на «π» дает в остатке единицу. — Это говорил лежащий в траве маленький автомат, похожий на сплюснутый шар. На одну из его опорных конечностей я только наступил.

— Встань! — приказал я, наклонившись над ним.

Он странно забубнил, но не шевельнулся. «Видимо, нарушены связи», — подумал я. Только теперь я заметил разрез в его панцире. Он начинался квадратным отверстием, а дальше панцирь был прорезан на несколько десятков сантиметров в длину, обнажились блестящие кристаллы внутренних систем. Это было нечто непонятное. Разрез сделали рабочими конечностями какого-то автомата. Я подумал, что, может быть, мне удастся хоть что-нибудь узнать от малыша, если нарушение связей не зашло слишком далеко.

— Как тебя зовут? — я наклонился, чтобы получше разглядеть повреждение.

Тогда он замахнулся на меня, и если бы я не отскочил, то наверняка разбил бы приемник, приколотый к моему костюму у плеча. То, что сделал этот автомат, было совершенно невероятно. Он напал на человека! Я вдруг представил себе прямоугольное отверстие, рану и внутри разорванные ткани, нервы, жилы...

— Андроид! — позвал я и повторил еще раз: — Андроид! — хотя уже слышал его топот со стороны павильона. Он тут же прибежал. Почувствовав его присутствие, круглый эллипсоидный автомат оживился и стал перебирать в воздухе своими рабочими конечностями. Андроид действовал молниеносно. Между электродами, укрепленными в его хватателе, сверкнуло голубоватое пламя разряда. Он на мгновение прикоснулся этим пламенем к каждой конечности эллипсоидного автомата, и они одна за другой замирали, почерневшие и оплавленные.

Андроид действовал сам, без моего приказа. Значит, его предварительно проинструктировали. Ему дали задание уничтожать другие автоматы. Я невольно сделал шаг назад. А что, если теперь он ударит меня? Нет, это невозможно. Я же знаю, что это невозможно. Я — нибернетик, ассистент Кедрока. Бояться автомата? Смешно! Я сделал шаг к андроиду, потом еще один. Наконец, чтобы сохранить уважение к самому себе, протянул руку и... дотронулся до его панциря.

Оторвавшись от эллипсоида, андроид повернулся ко мне. Он был на голову выше меня.

— Я не могу тебя слушать. У меня приказы. Хочешь их изменить?

— Нет... А чьи приказы?

— Профессора Кедрока.

— Уничтожать автоматы?

— Выводить из строя эффекторные агрегаты подпредельных сетей. — Это был голос профессора Кедрока, точно зафиксированный в памяти андроида.

— Приказа не меняю, — сказал я.

Андроид мгновенно повернулся к круглому эллипсоидному автомату и поднял его.

— Если «π» — первое число... — снова забормотал тот, и я слышал, как его голос звучал все более и более приглушенно, по мере того как андроид удалялся в сторону павильона.

* * *

Институт был пуст, силовые поля открыты, и в коридорах хозяйничал ветер. В одном коридоре я увидел, что белый паркет пересечен черной полосой с рыжеватыми краями. Это оставила след сварочная горелка автомата. Я стоял над этой полосой, когда вдруг ко мне подошел андроид.

— Кер Варт?

— Да, я.

— Профессор ждет тебя.

Я пошел за ним. Сначала мы шли по коридорам, потом спустились в подвалы института. Наконец андроид остановился перед каким-то силовым полем, а когда по его сигналу поле раскрылось, я увидел огромный зал, освещенный голубоватым светом фосфоресцирующих стен. Его заполняли тонны кибернетического лома. Поврежденные, полуобгоревшие остовы различных автоматов, рассыпанные по полу кристаллики внутренних систем, с хрустом лопавшиеся под ногами, какой-то андроид с вырванной лобной плитой, застывший в странной позе. У стены я увидел преобразователи энергии — сердца автоматов. Они были деловито построены в ряд вспомогательным автоматом, который без конца бегал от стены к работающим в глубине зала людям и обратно. Одетые в серые защитные скафандры люди копались в обломках.

Вскоре пришел профессор. Как и все, он был в сером скафандре и больше напоминал космогатора-первооткрывателя из передач видеотрокии, чем профессора кибернетики, которому, если даже у него и нет седых волос, полагается быть не моложе шестидесяти лет. Кедрок же был молод, черные волосы коротко подстрижены.

— Привет! Ты явился к нам в самый интересный момент... очень интересный, — добавил он тише. — Потом поговорим подробнее, а сейчас я занят.

Небольшой зал был полон. Я и не представлял, что у Кедрока столько сотрудников.

— Прежде всего я должен перед вами извиниться, — начал Кедрок, — извиниться за то, что в начале работ не познакомил вас с целью эксперимента. И поблагодарить за то, что, несмотря на это, вы продолжали работать со мной. Впрочем, то, что вы не знали всего, тоже было частью эксперимента, так как, — он улыбнулся, — все мы тут, в институте, были как бы экипажем космолета.

— Каким экипажем? — спросил кто-то сзади. Да и мне тоже показалось, что Кедрок оговорился.

— Вы правильно поняли. Именно экипажем космолета, — повторил Кедрок, — космолета, летящего к какой-нибудь звезде.

Теперь заговорили все, Кедрок даже не пытался восстановить тишину. Он дождался, пока все замолчали, а потом сказал:

— Я объясню вам все, но должен начать сначала. Вы знаете, что уже много лет ведутся всесторонние исследования, связанные с предполагаемым межзвездными полетами. Поскольку мы — Институт кибернетики, то перед нами поставили задачу создать универсальный автомат, который был в неизвестных и не поддающихся предсказанию условиях, существующих на планетах далеких звезд, мог выполнять задания, поставленные перед ним космонавтами.

Проблема была не простой. Возникли различные проекты. Были попытки создать автоматы с разнообразнейшими исполнительными функциями, в зависимости от условий и характера работ. Потом от этого отказались, потому что пришлось бы построить тысячи самых различных агрегатов. Даже десятки или сотни тысяч. Разнообразие условий на разных планетах огромно. На определенном этапе работ мы даже считали, что эта проблема вообще неразрешима...

Профессор минуту помолчал.

— Однако оказалось, что она неразрешима только на основе классической теории автоматов, теории, которая позволяет создавать автоматы на основе лишь простейших связей типа «выполни приказ человека». Эти функции — а их довольно много — определяют дальнейшую конструкцию автомата. Но можно начать иначе...

Кедрок замолчал. В зале царила напряженная тишина.

— Да, можно начать иначе — с того, с чего начиналась эволюция живых организмов. Она формировала организмы по мере того, как изменялись условия. И мы, — он повысил голос, — мы поступили так же. Космолет забирает лишь агрегаты, создающие автоматы. Сами же автоматы будут собираться только там, на далеких планетах. В зависимости от условий, с которыми столкнутся космонавты.

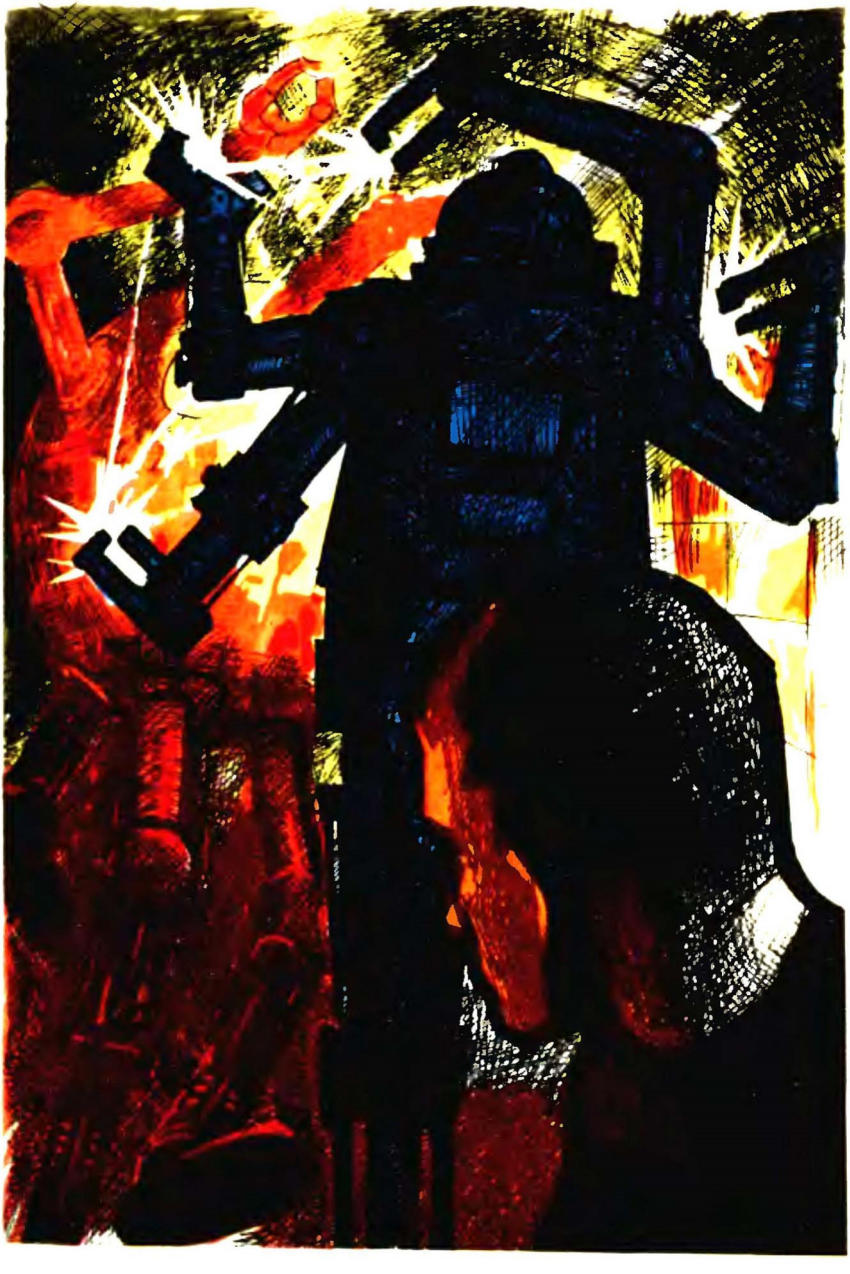
Теперь заговорили все разом. Кто-то сказал:

— Не знаю. Может быть, я плохо соображаю, но почему мы должны быть экипажем космолета?..

Видимо, профессор услышал его.

— Сейчас поясню, — и он попробовал перекричать окружающих. Потом поднял руку. — Подождите, это еще не все. Возникают две проблемы. Первая: этих несколько отличающихся друг от друга автоматов должно быть великое множество... потому что выполнять задания смогут только те, которые действительно приспособятся к новым условиям... Другие можно будет уничтожить.

Да, но пока что, — продолжал профессор, — мы можем позволить себе создать тысячу автоматов, если хотя бы один из этой тысячи, пройдя испытание, окажется пригодным к выполнению поставленных перед ним задач... Гораздо серьезнее вторая проблема. У этих автоматов не может быть никаких установленных заранее ограничений. Правда, тем, которые пройдут испытание и будут изготовляться серийно, можно потом вмонтировать ограничители, а другие автоматы уничтожить. Однако всегда существует вероятность, что, прежде чем автоматы будут уничтожены, они разбегутся по космолету. Какой-ни-



будь космонавт может недосмотреть, или просто испортятся приспособления, блокирующие помещение с автоматами. И что тогда? Что угрожает экипажу космолета при встрече с автоматами без ограничителей? Мы должны были ответить на этот вопрос. Тогда мы выпустили на свободу изготовленные нами автоматы, и положение в институте стало походить на то, которое могло бы сложиться в космолете. Ну что же, мы убедились, что ничего опасного не случилось. Автоматы, даже без ограничителей, не нападают на людей. Зачем бы им нападать?

— На меня автомат напал. — Я сказал это очень громко, так громко, как только мог.

Все повернулись в мою сторону.

— На меня напал небольшой эллипсоидный автомат и хотел сломать мне ключицу, — я показал место, куда он чуть было не ударил.

Профессор внимательно посмотрел в мою сторону, потом подошел ко мне.

— Это наверняка был эллипсоид?

Я кивнул.

— А это, — он указал на мой унителевизитронный приемник, приколотый к скафандру над ключицей, — это тогда было на тебе?

— Да.

— Понятно. Он не нападал на тебя. Он хотел отнять у тебя приемник. Некоторые элементы приемника соответствуют соединениям, которые ищет этот автомат. К сожалению, у него нет ограничителей, и он не знает, что у людей не отбирают никаких, даже наиболее тщательно разыскиваемых химических соединений. Там, в космосе, если бы он удачно прошел все испытания, он бы этому научился. Повторяю: автоматы не нападают на людей!

Я не стал ждать, пока Кедрок кончит. Вышел из зала. По коридору направился к выходу, а потом по желтой траве среди сосен и павильону. Сначала я услышал бас:

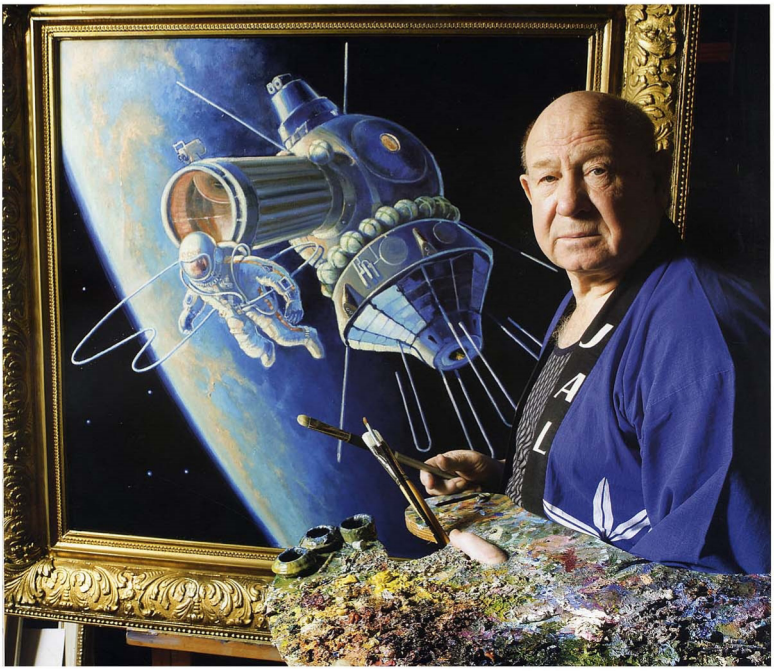
— ...Тридцать три градуса пять минут... сорок два градуса сорок минут...

На андроида я не обратил внимания. В павильоне было темно, там что-то двигалось.

Я остановился, отстегнул от скафандра унителевизитрон и выбросил его, а потом вошел внутрь павильона.

Мне нужно было самому убедиться. Я человек, а они автоматы без ограничителей.

Сокращенный перевод с польского Е. Вайсброта



Летчик-космонавт и художник-фантаст, Алексей Леонов за работой над новой картиной.

ПРАВДА ОБ ЭЛЕКТРАХ

РАССКАЗ

Анджей ЧЕХОВСКИ *Рис. М. САПОЖНИКОВА*

В тот день мы оказались за городом и играли в Электров. Только Арно начал считать, кому из нас быть Электром, как вдруг над нашими головами раздался оглушительный свист снижающейся ракеты. Она опустилась в нескольких десятках шагов от нас и еще некоторое время покачивалась на длинных, точно у паука, ногах.

— Я еще не видел такого типа ракет, — заметил Арно, — наверное, какая-то новая модель.

Мы подошли ближе. Ракета, согнув свои лапки, коснулась брюхом земли. Она и вправду была странной. На ее корпусе черным лаком были нарисованы какие-то знаки.

— А почему никто не выходит? — удивленно спросил я.

— Глупый, — самоуверенно сказал Арно. — Прежде всего ракета должна остынуть.

Вскоре дверь, замаскированная на брюхе ракеты, открылась, из темного провала высунулась длинная складная лестница, и кто-то начал спускаться по ней. Он был похож на настоящего человека в шлеме и серебристом скафандре.

— Если это Электр, — заметил Арно, — то выглядит довольно странно.

Тем временем пилот снял шлем, и мы увидели, что он действительно человек. От удивления Арно даже присвистнул. В этот момент пилот заметил нас и помахал рукой, чтобы мы подошли ближе.

— Может быть, лучше удрать? — спросил я.

Однако Арно придерживался иного мнения.

— Пойдем, — сказал он. — Сбежать мы всегда успеем.

Пилот поджидал нас, сидя на перекладине лестницы. Когда мы приблизились, он спросил, как нас зовут.

— Меня — Рой, — сказал я.

— А меня — Арно. А тебя как звать? — спросил Арно.

— Том. — Пилот широко улыбнулся. — И что вы тут делаете?

— Мы играем в Электров, — быстро ответил Арно.

— Первый раз слышу, — удивленно заметил пилот. — Что это такое — Электры?

Арно чуть не задохнулся от удивления. Пилот же продолжал внимательно всматриваться в нас, и постепенно улыбка сползла с его лица.

— Мне нужно вам объяснить, ребята, — сказал он. — Я прилетел с Земли и совсем не собираюсь шутить. Я в самом деле не знаю, что означает слово «Электр».

— Врет, — шепнул мне Арно. — Земля? Нет такого города...

Пилот вынул из кармана бумажную трубку и блестящую коробочку. Взял бумагу в рот, чиркнул по коробочке, и то, что он держал губами, зажглось. Огонек едва виднелся, зато дыму было много. Арно закашлял.

— Ну, — нетерпеливо заметил пилот, — Земля — планета в солнечной системе. Без шуток, можете мне верить. Теперь скажите мне об Электрах!

— Ах, вот оно что, — догадался Арно. — Ты прилетел с другой планеты.

— Вот именно, — подтвердил пилот и затянулся густым дымом. — Итак? — нетерпеливо заметил он.

Теперь пилот смотрел на меня, поэтому ответил я:

— Электры бывают разные.

— Какие именно?

— Например, полицейские, пилоты, мыслетроны и супермыслетроны, транзисторные и ламповые.

— Значит, роботы.

Я даже испугался.

— Так нельзя говорить. Это очень нехорошее слово.

На лице пилота мелькнула улыбка.

— Значит, вы играли в этих... Электров?

— Да, — вмешался Арно. — Это очень интересная игра. Сначала считаются, кому быть Электром. Затем Электр может другому приказывать, например, заставит влезть на дерево, или поймать травунчика, или же сорвать светлорос с клумбы и не дать поймать себя сторожу. Затем первый становится Электром и может отыграться на человеке.

— Наверно, наоборот? — спросил пилот. — Тот, кто был Электром, должен слушаться человека?

— Ничего подобного, — заметил я. — Все обстоит именно так, как сказал Арно.

Пилот так пристально посмотрел на нас, что нам стало не по себе.

— Я думаю, вы не хотите убедить меня в том, что у вас машины приказывают людям...

— Не машины, а Электры, — запротестовал я.

— А что тогда делают люди?

— Разное. Работают в магазинах или на электростанциях, продают магнетерий.

— А почему Электры не делают этого?

— Потому что они намагнитились бы, — пояснил я. — На дверях можно повесить надпись: «Внимание, 1000 гауссов», и ни один Электр не войдет внутрь.

— А еще где работают люди? — спросил пилот. — У вас есть ученые? Ну, такие люди, которые занимаются физикой, математикой и так далее.

Мы с Арно переглянулись.

— Нет, — уверенно заявил Арно.

— Может быть, на этой планете вообще нет школ? Вы умеете читать и писать?

Арно обиделся.

— Конечно, есть школы, — сказал он. — Но сейчас у нас каникулы.

Пилот встал и начал прохаживаться около ракеты взад и вперед.

— Кто правит вашей планетой?

— Президент, — сказал Арно.

— Я надеюсь, он человек?

Арно вытаращил глаза.

— Кто же является у вас президентом, черт побери?

— Супернадмыслетрон, — неуверенно заявил Арно.

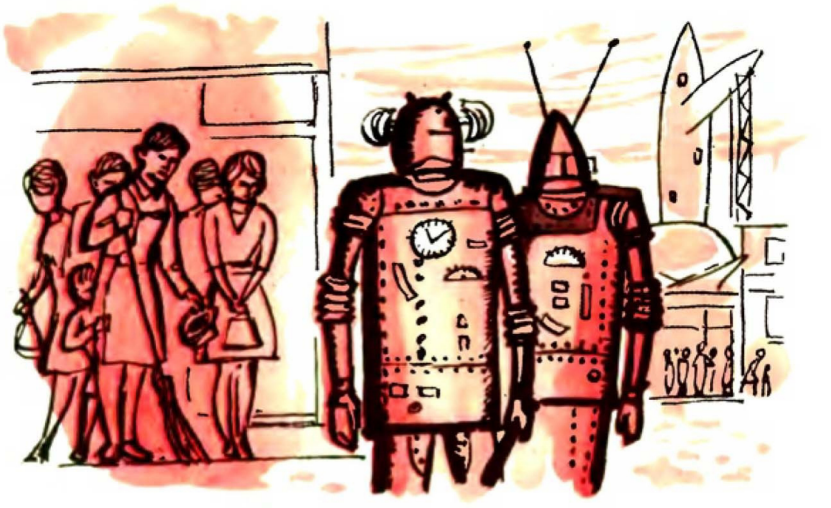
Пилот был порядком разозлен, но ничего не сказал, только начал ходить еще быстрее. Через некоторое время, видимо успокоившись, он тяжело опустился на лестницу.

— Слушайте, парни, — начал он. — Либо я сошел с ума, либо на вашей планете происходит что-то неладное. Я всегда считал, что корабли с Земли должны посещать звездные колонии не чаще, чем один раз в двадцать лет, но даже мне не пришло бы в голову, что за это время может дойти до... восстания машин, ведь у вас что-то произошло в этом духе. Почему же люди слушают приказы этих Электров?

Арно снова опередил меня:

— Потому что они умнее.

Пилот высказался так витиевато, что ни я, ни Арно не сумели запомнить того, что он сказал. Теперь у меня было особенно большое желание удрать.



— Ну ладно, — опомнился пилот. — Я не должен злиться на вас. Но поймите по крайней мере, что вы говорили ерунду. Электры — это машины, которые и в самом деле умеют быстро считать, но я уверен, что в радиусе ста тысяч парсеков нет и не будет машины, которая была бы умнее человека. В конце концов люди ее сделали, а не наоборот.

— Неправда, — спокойно сказал Арно. — Ни один человек не сможет этого сделать. Мой дядя пробовал сделать транзистор, и ничего у него из этого не вышло. А Электры очень умны. Я сам знал полицейского, который мог помножить в памяти двадцать четыре тысячи пятьсот восемьдесят два на пятнадцать тысяч сто четыре, и всегда у него выходило триста семьдесят один миллион двести восемьдесят шесть тысяч пятьсот двадцать восемь.

Пилот молчал, поэтому Арно продолжал:

— Возьмем хотя бы моего кузена Аля. Он нашел заржавевший корпус Электра в какой-то мусорной куче.

— Ну и что? — с интересом спросил пилот.

— Отремонтировал его и надел на себя, — с удовольствием сказал Арно. Он рассказывал, наверное, об этом тысячу раз и всегда одно и то же. — Потом пошел в клуб Электрических полицейских, там, где стоят такие смешные столики в клетку и на них играют в шахматы. Один из Электров начал играть с Алем в эти шахматы. Аль рассказывал, что Электр сразу догадался, что Аль — человек, так как он постоянно делал глупости и прозевал двух коней. Но Электр ничего не сказал и пригласил Аля в бар на триста вольт в прямоугольном импульсе. Аль воткнул свою вилку в розетку, и его так дернуло, что ему больше не захотелось притворяться.

Пилот закусил губу.

— Итак, — начал он, — вы чувствуете себя прекрасно на этой планете. Вы, конечно, совершенно не хотите, чтобы было иначе, правда? Рой, хочешь иметь робота, который бы делал все, что ты бы ему приказал?

Я немного подумал, и мне показалось это весьма привлекательным. Поэтому я сказал, что хочу. Пилот немного повеселел.

— А ты, Арно?

— А ходил бы он вместо меня в школу? — спросил Арно.

Пилот снова нахмурился.

— Нет.

Арно был озадачен, но на всякий случай сказал, что хотел бы.

— Но у нас нельзя иметь роботов.

Арно подошел к одной из ног ракеты и начал ее тщательно осматривать. Через некоторое время пилот спросил:

— Видимо, не все люди слушают этих Электров? Только без обмана, сами говорили, что у вас есть полиция.

Я не знал, что ответить, и, конечно, Арно снова сумел вмешаться, хотя был далеко в стороне от нас:

— Мой дядя, Лео, был камердинером у одного электромозга на улице Дуодиод. Это был старый ламп, без единого транзистора. Дядя Лео рассказывал мне о нем множество смешных вещей. Тот ламп безумно боялся молний и во время бури не разрешал заземлять себя, чтобы не подгореть. Однажды дядя страшно разозлился на того лампа и назло не отключил заземление. Как раз в это время ударила молния, и у старика полопались все экраны. За это дядя должен был целый год крутить динамо.

— Беспрерывно?

— Конечно, нет. Судья осудил дядю на много киловатт-часов, и дядя должен был все это выкрутить на том динамо. Он ходил крутить туда вечерами.

— Ах, вот оно что, — проронил пилот.

— Ты один прилетел с Земли? — спросил я его.

— Не совсем, — ответил пилот. — На орбите находится корабль, называется он «Норберт Винер». Его длина триста четырнадцать метров, считая от носа до насадки зеркала. То, что ты видишь, всего-навсего разведывательная ракета. Там наверху осталось двенадцать человек и десять роботов. Командует кораблем командор Лаготт, и пусть попадет в меня сто килограммов антиматерии, если он не человек из плоти и крови.

— И роботы обязаны слушаться людей?

— Еще как. Ходят, как часы.

— А Земля очень далеко отсюда? — спросил Арно.

— Свет летит от Солнца до вашей планеты двадцать три года. Мы же летели двадцать пять.

— Неужели! — вскричал Арно. Лицо его выражало недоверие.

— Врет, — шепнул он мне. — Ему самому не больше двадцати пяти. Тем временем пилот посмотрел на часы, совершенно обычные, и сказал, что сейчас ему нужно вернуться в ракету.

— Если хотите посмотреть, как все выглядит внутри, то заходите, — предложил он. — Только осторожно, без баловства.

Мы поднялись в ракету по лестнице. Мне было немного страшно, но Арно уже вошел внутрь ракеты, мне не хотелось быть хуже его. Внутри оказалась горизонтальная шахта, по бокам ее виднелись двери, ведущие в кабины. Внизу проход закрывала толстая плита. Пилот сказал, что под ней находится двигатель и реактор. Затем он поднялся в одну из верхних кабин. Арно сказал, чтобы я сидел тихо, и начал карабкаться к той же кабине. Заглянув в кабину, он быстро съехал вниз.

— Рой, — тихо прошептал Арно. — Этот пилот все врет.

— Ну?

— Врет как не знаю кто! И совсем он не с Земли. То, что он говорил об Электрах, ерунда. Если не веришь, загляни в ту кабину.

Я побледнел, однако сделал так, как советовал Арно. В самом деле, пилот сидел в большом кресле, перед щитом огромного Электра, какого-то супермыслетрона, гудящего и вспыхивающего экранами. На щите было написано «Радиостанция», видимо, его так звали. Мне не приходилось видеть Электра, который выглядел бы так грозно. Он что-то резко говорил пилоту, а тот монотонно повторял: «Слушаюсь, командир». И теперь у меня не было ни малейшего сомнения, кто из нас чьи приказы слушает. Я тотчас же спустился вниз, где меня поджидал Арно.

— А я ему столько наговорил, — грустно сказал Арно. — Удираем?

Мы быстро спустились вниз по лестнице и были счастливы, что нам удалось так легко отделаться.

Перевел с польского **В. ГРЕСЬ**

ЮТ

3

1967

Потерпевший кораблекрушение

Фантастический рассказ

В. ТОМАН *Рис. Д. НАДЕЖИНА*

Буря прекратилась так же внезапно, как и налетела. От усталости каждый свалился там, где стоял. С огромным усилием я поднял руку, чтобы разрезать ножом веревку, привязывающую меня к штурвалу, и через секунду погрузился в забытье.

Меня пробудил звук поворачивающегося штурвального колеса. Над «Малькольмом» сияло голубое небо, светило солнце.

Тело было еще налито усталостью, но глаза уже все отчетливо различали. Наш некогда гордый парусник являл собой жалкое зрелище.

Обломанные верхушки мачт, разбитые реи, клочья парусов, спутанные канаты и призрачные тени моряков...

— Эй, Ник, ты жив?

Хриплый голос первого помощника раздался за моей спиной. Я перевернулся и поднял голову.

— Что же с нами будет, Карнет?

— Когда капитан восстановит силы, он решит. Мы ведь даже не знаем, куда нас занесла эта проклятая буря.

Наши дела обстояли еще хуже, чем я мог себе представить. Буря загнала нас на край света. Насколько хватал глаз, не было видно ни клочка земли. Волны разбили бочки с пресной водой, и у нас осталось жалких литров пять на девятерых — четверых буря унесла в море. С едой положение было не лучше.

Оставалось одно: надеяться, что морское течение вынесет нас туда, где будет хотя бы искорка надежды на спасение. Или, может быть, нам встретится какое-либо судно. Но этим путем корабли, как правило, не ходят.

Капитан нашел эффективное средство вылечить нас от безнадежности. Он решил подготовить нашу развалину к тому тяжелому плаванию, которое нам предстояло. Только в предвечерних сумерках мы смогли отдохнуть от изнурительной работы.

Скорее по привычке, я сидел наверху, у штурвала, возле меня покуривал Карнет. Капитан был в своей каюте.

И в эту минуту появилось О Н О.

— Карнет! — прошептал я и судорожно схватил его за плечо.

Он поднял голову и наклонился в ту сторону, куда я указывал. Влево от носа парусника низко над волнами несся зеленый призрак! Он просвистел рядом с «Малькольмом». Нас обдало потоком горячего воздуха, с палубы раздались испуганные крики команды.

— Что это? Что происходит?

Это крикнул капитан.

Призрак был на расстоянии десяти лодок за нами. Он висел низко над морем, поверхность которого буквально кипела.

Выпуклая середина призрака стала разгораться светло-розовым светом, по краям выскакивали маленькие язычки пламени, будто стреляли из ружья.

Призрак медленно приближался. В уши вползало болезненное шипе-

ние, переходящее в свист. Потом под призраком разлился ослепительный свет, что-то быстро прогремело, и... наши ослепленные глаза уже ничего не видели...

Прошло несколько долгих минут, прежде чем к нам вернулось зрение. Вокруг «Малькольма» было тихо.

В последующие дни мы погибали от страшной жары и жажды.

Все более изнуряясь и ослабевая, мы в полудреме ожидали вечера. В этом пекле ветра не ощущалось, «Малькольм» стоял на месте, морские потоки были ничтожны.

О призраке уже никто не вспоминал. У нас было достаточно забот о сохранении собственной жизни, а это требовало всего нашего внимания.

Но призрак появился еще раз. Я опять сидел на своем месте около штурвала, где из куска парусины соорудил навес от солнца. Вдруг прямо над собой я услышал громкое дыхание, и на палубу «Малькольма» упала тень. Призрак висел прямо над мачтой «Малькольма». Я видел, как команда в испуге бросалась в любые укрытия. Из каюты выбежал капитан, а вслед за ним первый помощник.

А темный, громко дышащий призрак продолжал висеть над «Малькольмом».

Я заполз под ящик и через щелочку наблюдал, что же будет дальше. Призрак быстро и с шипением вращался. Поверхность его была блестящей, как надкрылья жуков. Из верхней выпуклой части понемножку выдвигалась маленькая остроконечная антенна.

Затем в нижней части диска открылся люк и из него выдвинулся широкий, удивительно хрупкий трап. Он опускался все ниже и ниже, покачивался над бортом «Малькольма» и с легким скрипом уперся в доски рядом с капитаном и Карнетом.

Потом из люка появилось несколько темных фигур.

Я готов присягнуть, что если на лице капитана был написан лишь страх, то в глазах Карнета было какое-то любопытное напряжение...

Когда фигуры вышли из тени и их осветило солнцем, я от изумления широко раскрыл глаза: они так были похожи на людей, и все-таки они не могли быть людьми!

Неизвестные спустились на палубу «Малькольма», но остановились около мостика. У них были длинные, тонкие ноги, стройные тела, широкая грудь, гибкие руки, как щупальца спрута — без локтей, с двумя пальцами, на плечах вместо голов — серые шары. Они были одеты (сомнений быть не может, это одежда!) в серебристо-серые, облегающие платья без единого украшения, подпоясанные широкими граненными поясами разного цвета.

Знаете, меня вдруг охватило такое чувство, что таинственный призрак — это, собственно, просто странный корабль. Я сразу же вспомнил о летающем острове лапутян, о котором рассказывал капитан Гулливер в своих «приключениях».

Один из неизвестных двинулся к капитану и первому помощнику. Гибкими руками он охватил себя за талию, а затем одной рукой прикоснулся к голове.

У меня было такое впечатление, что он зовет этих двух последовать на корабль.

Неизвестный еще раз повторил свою жестикуляцию. Он даже сделал несколько шагов по направлению к трапу.

Капитан шаг за шагом отступал. Его остановили лишь перила. Зато первый помощник еще более внимательно, более испытующе рассматривал неизвестного. Правой рукой он растерянно поглаживал подбородок.

— Капитан, вы ведь их отлично понимаете. Они зовут пойти с ними!

— Это дьявольское наваждение, Карнет! Галлюцинации от жары и жажды!

Первый помощник отвернулся от него и шагнул к мостику. Остановился в нескольких шагах от неизвестных, поклонился им, указал рукой на себя, а затем протянул ее к кораблю.

Неизвестные приветственно замахали руками, их шары начали ритмично покачиваться из стороны в сторону.

Карнет повернулся к нам, не знаю уж, как он это понял, но он закричал:

— Капитан! Ребята! Все ясно! Они хотят нас спасти! Слышите? Мы бы здесь погибли, а они предлагают нам спасение! Понимаете? Я иду с ними, и мне все равно, кто они, пусть даже морские дьяволы! Слышите? Ник! Патрик! Боб! Капитан!

Ему ответила только боязливая тишина, в которой слышалось лишь глухое звучание корабля-призрака.

Первый помощник вскочил на трап. Неизвестные потеснились.

— Карнет! Во имя спасения собственной души, стойте! — отчаянно закричал капитан.

Из путаницы разорванных парусов помаленьку выполз Боб. Его глаза горели. Он был одним из тех, за чье здоровье капитан особенно опасался. Боб помчался к Карнету, крича:

— Я иду с вами! Я не хочу подыхать здесь как крыса!

— Патрик! Ник! Матросы! Сюда! Задержите его! — капитан с криком бросился за Бобом. Он схватил его за шею и пытался остановить. Но матрос стиснул его в объятиях и понес к трапу.

Еще два-три человека выползли из своих укрытий и нерешительно топтались на палубе.

Карнет уже был на середине трапа.

Из корабля выбежала группа неизвестных. И, прежде чем кто-либо успел опомниться, они оказались на палубе «Малькольма», обвили щупальцами остальных матросов и отнесли на трап. Сопротивляться было бесполезно. Неизвестные были сильнее.

Трап стал медленно отрываться от палубы «Малькольма», когда с корабля раздался крик Карнета:

— Эй, остановитесь! Ник! С вами нет Ника! Вернитесь за Ником!

Он хотел прыгнуть вниз на парусник, но неизвестные его перехватили и унесли на свой корабль. Трап втянули.

Я захлопнул крышку ящика и просил бога, чтобы он спас меня...

Почти через неделю после того, как неизвестные бог знает куда улетели с командой «Малькольма», меня полумертвого подобрало китобойное судно.

Я рассказал обо всем, но они не верили. Мол, я просто от страданий и лишений потерял рассудок, если один остался на этом разбитом парусника в то время, когда остальные его покинули.

И так думает каждый, кому бы я об этом ни рассказывал. Я и сам перестал себе верить. Может быть, этого и не было, может быть...

Перевод с чешского
Т. МАНУСЕВИЧ

ТРЕХДЮЙМОВЫЕ БИФШТЕКСЫ

Анджей ЧЕХОВСКИЙ

Старый Том Хиггинс исчезал нередко на несколько лет, но все знали, что рано или поздно он объявится в таверне «У трех пиратов». Так и на этот раз мы увидели его, заказывающим Чарли бочонок лимонада и порцию рыбы «а-ля кораблекрушение».

— Что с тобой приключилось, Томми? — спросил я, заметив уныние на его лице.

Том посмотрел на меня исподлобья. Так, наверно, я бы и не вытянул из него ни слова, если бы лимонад не развязал ему язык. После шестнадцатого глотка Том с отвращением показал на свою порцию рыбы и заметил:

— Рыба — не еда для моряка, парень! Но запомни предостережение старого Тома: только рыбу сейчас можно есть без опаски!

Проклятие, которое он добавил, было слишком сложным, чтобы я его запомнил. Я с изумлением воззрился на Тома — он начал рассказывать.

— Завербовался я в команду низколета «Эмилия». В Сан-Франциско. Хотелось добраться до Сингапура, повидать старого Боба Динга... Сначала все шло неплохо: летим себе со скоростью двести узлов, погода блестящая, как на Флориде. Вдруг вызывает меня Джим Локкард из машинного отделения.

— Боцман, — говорит, — что-то не в порядке с ураном. Сыпем и сыпем, а реактор гаснет!

Том Хиггинс тяжко вздохнул.

— Не хотел верить парню, — признался он хмуро. — Но в конце концов пришлось пойти к атомным котлам со счетчиком Гейгера. В бочках вместо урановой руды оказались серые камни, покрытые флюоресцирующей краской. Ну, пошел я на мостик, доложил капитану. Тот побледнел. Но не успел ответить, как слышим голос матроса с наблюдательного поста: «Эгей! Перископ в кильватере!» «Ну, — говорит капитан, — нам повезло. Сейчас разживемся парой бочек урановой руды, и не надо будет возвращаться в Сан-Франциско». Но вместо этого лодка всплыла, нацелив на нас все свои ракеты, торпеды и орудия. Смотрим — на перископ поднимают черный флаг

с черепом и скрещенными костями, а динамик орет, чтобы мы не вздумали удирать.

Боцман на минуту прервал рассказ, взял обеими руками бочонок и долго вливал в свое горло лимонад. Затем вытер ладонью рот и продолжал:

— Но в тот раз старый Томми Хиггинс оказался самым хитрым. Как только увидел я, что это пираты, сбросил на воду спасательный плот с аварийным пайком и начал отгребать что было силы. Пираты были слишком заняты абордажем и даже не погнались за мной.

Старый Том сделал глоток и недоверчиво уставился в пространство, как будто еще раз переживал то, о чем рассказывал.

— Да, парень, много я перевидал на белом свете, но в тот раз не мог поверить собственным глазам. Проснулся — плот стоит, зацепившись за ветви, у берега реки, куда его, видно, подтащил прилив. Моря даже и не видно. Вокруг субтропический лес. «Везет тебе, старина!» — сказал я сам себе, взял рундучок с аварийным пайком и вышел на берег.

Томми задумался на минуту, потом потянулся к бочонку.

— Только я оказался на берегу, как вода заклокотала, будто там стая акул затеяла свалку с бравым боцманом. Я отошел на всякий случай подальше от берега и правильно сделал, потому что из воды высунулась огромная черная голова. Хочешь — верь, хочешь — не верь, но самая большая рыба не проглатывает так быстро моряка, как эта голова расправилась с моим плотом. Постояв полчаса с разинутым ртом, я сказал сам себе: «Смотри-ка, Томас Хиггинс! Было бы очень нехорошо, если бы этот урод сожрал и тебя в придачу».

Внимание Тома явно рассеялось. Очевидно, он перебрал лимонада. Но я даже не намекнул ему об этом, так как не собирался оскорбить старого моряка самым обидным для него упреком.

— Хотел бы я за всю жизнь выпить столько лимонада, сколько он проглатывал зараз, — проговорил Том мечтательно. — Страшилище вылезло из воды, как огромный подводный авианосец. Шея у него была примерно футов на сто двадцать, а хвост — еще длиннее. Поглядел я на него издалека, и вдруг какой-то голос внутри меня говорит: «Ты уже когда-то видел такого зверя, Томас».

Примерно час я ломал голову, пока не почувствовал, будто после плавания по бурному океану угодил в тихую лагуну. Книжка! Я видел этого урода на картинке в книжке. Но в какой книжке? В жизни я читал только три книги: «Список судов всех флотов», затем потрясающий комикс «Лоо среди лодоедов» и еще старинную повесть о Робинзоне Крузо. Но ни в одной из них не было картинки с таким драконом. И тут я, наконец, вспомнил.

Том понизил голос, будто ему стало немного стыдно. Смущенно усмехаясь, он хлебнул из бочонка.

— Не знаю, как ты, парень, а я когда-то, еще мальчонкой, ходил в школу. Тогда мне приходилось читать разные книжки, и в одной из них были картинки со зверями. Как раз перед уроком, на котором должны были рассказывать об этих драконах, я удрал из школы и завербовался юнгой на водолет «Шквал».

После этого признания на лице Тома снова появилось выражение, достойное старого морского волка. Он заглянул в опустевший бочонок, отставил его в сторону, затем подозвал Чарли и заказал ему еще один.

— Казалось мне, что я сплю, — говорил Том, откупоривая крышку. — Шел я через лес, потом по лугу, а вокруг лазили и ползали всяческие гады... Одни величиной с дом, другие не больше крыс, что водятся на японских судах. С деревьев падали ящерицы с перепончатыми крыльями, а какие-то черные дьяволы летали у меня над головой и скулили. Луг кончался у подножия горы. Я решил забраться на нее, чтобы осмотреть местность.

Карабкался целый час, зато на вершине, братец ты мой, нашел такое... Вершина была углублена, как кратер вулкана, а внутри, на краю бетонной посадочной площадки для вертолетов, стояла деревянная постройка, вроде кухни на парусниках с командой из двух человек. В домике никого и ничего, кроме деревянного пола и открытого люка в нем. Заглянул вниз, вижу — лест-

ница. Стал спускаться. Извилистый ход привел меня в небольшой круглый зал. В стенах зала — семь дверей. За одной совершенно темный коридор. Вторая заперта, третья тоже, но когда я отворил четвертую, то почувствовал, что у меня вылезли глаза, как у вытащенной глубоководной рыбы. Вся гора внутри была пустой, стены забетонированы, а в зале, огромном, как «Эмилия» вместе с мачтами, стояла не похожая ни на что машина.

Том тоскливо посмотрел на бочонок с лимонадом, но все-таки продолжал:

— Я облазил весь зал, прежде чем нашел маленькую жестяную табличку, прикрепленную к выступающей части той машины. На ней были нарисованы череп и зигзаги вроде молний. «Тут пахнет пиратами, Томас Хиггинс!» — сообщил я сам себе и решил удирать, но вдруг заметил другую табличку.

Том напряженно наморщил лоб, будто что-то никак не мог вспомнить. Но после пары глотков его лицо разгладилось.

— Там было три слова, впрочем совершенно непонятных: «Генератор Тенсодеформации Третичных». Размышляя, что бы это значило, я вдруг услышал шаги. В зал вошли двое людей, одетых в форму ученых. Они страшно удивились, увидев меня, и попросили пойти с ними наверх, к вертолету. Когда я рассказал о своих приключениях, ученые переглянулись, и один из них, с докторскими знаками, сказал: «Господин боцман, вы находитесь там, где испытывается самое выдающееся открытие всех времен. Установка, которую вы видели, — это первая Машина Времени. Она может переносить предметы из прошлого в современность. Доисторические пресмыкающиеся появились на этом острове из так называемого Юрского периода. Они жили сто пятьдесят миллионов лет назад».

Том Хиггинс с отрешенным видом поднял ко рту бочонок.

— Тот доктор сказал мне: «Боцман, серьезной мировой проблемой является рост населения. Поэтому необходимо увеличивать производство продуктов питания, выводить новые сорта. Помните, как скрестили пшеницу со свеклой? Но нужно что-то более серьезное...» Должен тебе сказать, что я чуть снова не заснул, если бы не запах мяса, который доносился до меня через приоткрытое окно вертолета. Неподалеку горел большой костер, а над ним жарился огромнейший кусок мяса. Я был голоден, как потерпевший кораблекрушение, который неделю назад съел своего последнего товарища. Доктор же все говорил, не останавливаясь: «Японский ученый Йосеки Йосида предложил использовать Машину Времени для увеличения запасов продуктов питания. Нужно, сказал он, проникнуть острием временной воронки в юрский период, чтобы перенести к нам доисторических пресмыкающихся и использовать их мясо для еды.

Тут доктор шире открыл окно кабины и показал мне на костер: «Если переборешь свою сонливость, боцман, то примешь участие в первом банкете, на котором будет подано мясо юрского динозавра». Мы приземлились. Мясо шипело на огне, жир плавился и капал в костер. Мне подали здоровенный кусок, горячий, попахивающий дымком...

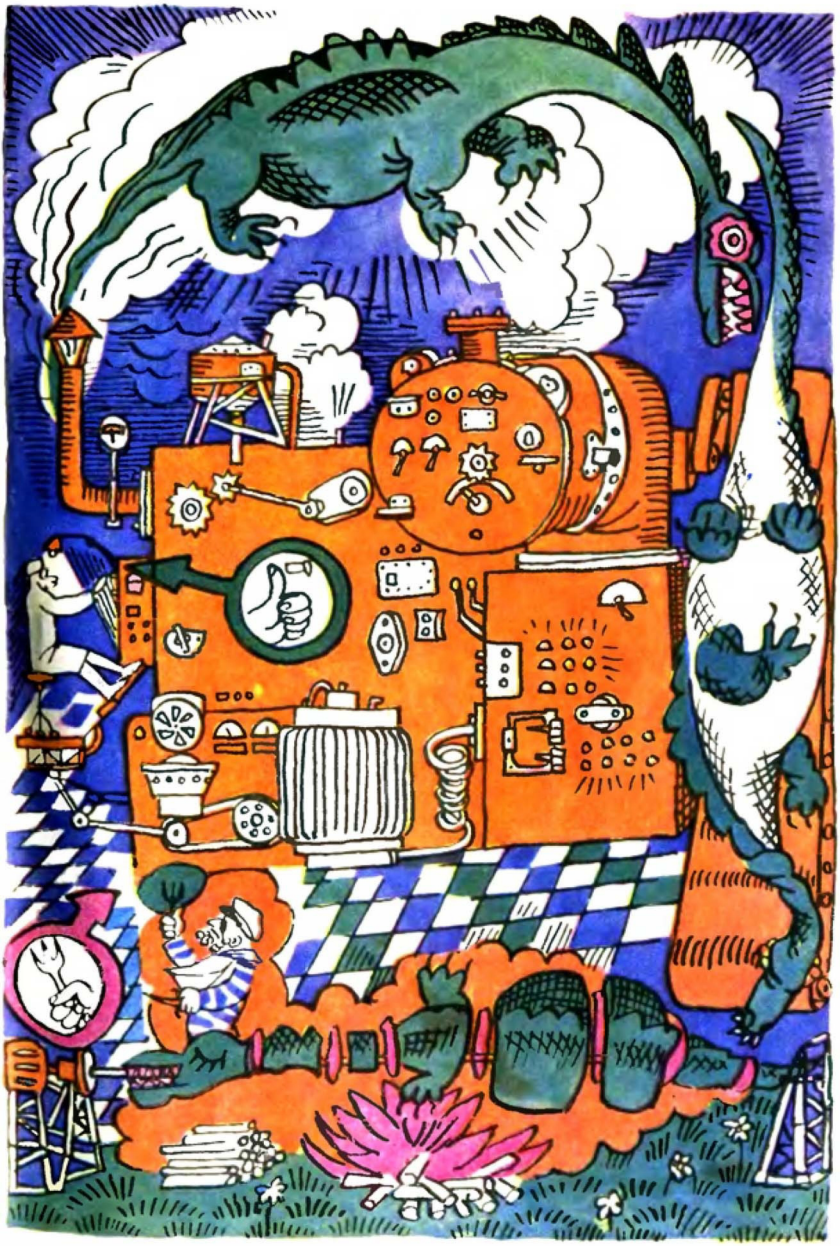
Том Хиггинс с невыразимой яростью схватился за бочонок.

— Как это было омерзительно! — заключил он. — Кто откусил хотя бы кусочек, тут же выплевывал его, а остальное бросал на землю. Потом наступила тишина. Все тоскливо смотрели на огонь. Самый главный, в мундире профессора, встал и сказал: «Ну что, хотя бы загасим костер?»

И Том Хиггинс снова замолк. Он глядел куда-то отсутствующим взором. Но неожиданно лицо его посуровело, а глаза стали стальными. Проследив за его взглядом, я увидел рекламу: «Трехдюймовые бифштексы».

— Вот что я тебе скажу, старый приятель. К этому мясу добавляют какие-то порошки. Они меняют вкус, делают его похожим не то на говядину, не то еще на что-то. Конечно, порошки помогают. Мало кто отличит вкус. Но я отличаю. Ты представляешь: мясо, которое продают в магазинах под названием «говядина», ничего общего не имеет с коровой!

Перевод с польского
Э. СОРКИНА



ПОЕДИНОК

Стефан **ВЕЙНФЕЛЬД**

Фантастический рассказ

— Вот здесь, в этом пункте, — сказал капитан и ткнул пальцем в карту. Но под его пальцем ничего не было, кроме далеко не тихого Тихого океана. А между тем судно подошло к покрытому скудной растительностью маленькому островку, по всей вероятности вулканического происхождения. У небольшого пляжа росло несколько пальм, дальше теснились невысокие скалы, покрытые редкой травой. Не трудно было догадаться, что недостаток пресной воды сделал остров безлюдным и голым.

Когда судно стало на якорь, матросы подложили цепи под один из двух огромных ящиков, возвышавшихся на палубе. Прозвучала отрывистая команда, заскрипел кран, ящик дрогнул, повис над бортом и плавно опустился на берег. Другой ящик последовал тем же путем. Затем по приказу капитана матросы поставили на ближайшем пригорке палатку, в тени которой разместились складной столик и два шезлонга. Туда же отнесли ящик со льдом и прохладительными напитками и кое-какие мелочи.

— Ну, вот и все, — сообщил капитан.

— Что ж, отлично, — отозвался тот из двух пассажиров, который был повыше.

Капитан знал о нем только то, что его звали Мартин. Именно с ним был заключен договор, по которому капитан обязался доставить обоих пассажиров с их странным багажом на безлюдный островок. Через сутки судно должно было вернуться и забрать их по пути в Чили. Дело было достаточно подозрительным, но надо заметить, что ни один из рейсов «Святой Жанны» не был кристально чистым. «Деньги не пахнут!» — имел обыкновение говаривать капитан, не подозревая, что этот девиз был известен чуть ли не две тысячи лет назад.

Мартин отсчитал деньги и вручил их капитану.

— Тут половина причитающейся вам суммы. Вторую получите завтра, когда придете за нами.

Капитан кивнул головой. У него не было поводов для подозрений, что его обманут. С этого островка было невозможно удрать.

Был полдень. С неба лились потоки солнечного зноя. Не чувствовалось никакого движения воздуха, и поэтому было трудно дышать. Мартин и его товарищ, которого звали Фретти, стояли на пляже и вглядывались в океан до тех пор, пока дым парохода не скрылся за горизонтом. Только после этого Фретти подошел к одному из ящиков.

— Пора! — сказал он и, открыв небольшую задвижку, всунул в отверстие руку и что-то там повернул. Мартин не спеша подошел к другому ящику и сделал то же самое. Затем, не обращая больше внимания на ящики, они пошли к палатке и расположились в шезлонгах.

На фоне однообразного шума прибоя отчетливо послышался треск. Это толстые доски одного из ящиков стали разламываться, как яичная скорлупа. Из ящика показалась сначала огромная стальная голова, а затем, хрустя гусеницами, выползло металлическое чудовище длиной в несколько метров. Примерно минуту оно не двигалось, но потом ожило и стало расти на глазах. Отдельные части чудовища, первоначально плотно прижатые, стали растягиваться наподобие гармошки. Голова, казавшаяся до этого большой, стала теперь непропорционально маленькой по сравнению с телом длиной метров в двадцать. Еще меньшими казались как бы скрытые от наблюдателя линзы телевизионных камер: две из них обращены были вперед, одна — назад. Длинный клюв, подвижный, гибкий и сильный хвост делали чудовище похожим на муравьеда, но две пары могучих лап, размещенных

перед гусеницами на передней части корпуса, придавали машине сходство скорее с ископаемым ящером.

— Хорошо придумано! — похвалил Фретти.

Мартин равнодушно заметил:

— Если бы я его сейчас проектировал заново, то сделал бы совершенно иначе.

Тем временем с треском лопнул другой ящик, обнаружив свое устрашающее содержимое, — отвратительную конструкцию с куполом снабженным расположенными кругом объективами. Купол находился посредине короткого, покрытого панцирем туловища. Туловище, напоминая карикатурного насекомого, опиралось на десятка полтора суставчатых стальных лап, снабженных щипцами, пилами и другими приспособлениями неизвестного назначения. Уступая «муравьеду» в длине, «насекомое» явно превосходило его по высоте: телескопические лапы распрямились, купол поднялся над пляжем на высоту двухэтажного дома.

— На вашем месте я бы иначе разместил камеры. С такой высоты они не имеют достаточно хорошего обзора, — сказал Мартин.

— Ну, это мы еще посмотрим, — ответил Фретти.

Чудовища заметили друг друга и начали двигаться, как будто исполняя экзотический танец. Они кружили, сближались и отдалялись, сначала медленно, а потом все быстрей и быстрей. Уже стали незаметны движения отдельных лап, и только вспыхивающие блики солнца на металле говорили о точно скоординированной работе всех частей механизмов. Но вот насекомое напружило телескопические лапы, оттолкнулось ими, как кузнечик, от земли и очутилось у хвоста ящера-муравьеда. Две вооруженные щипцами лапы насекомого потянулись к хвосту, который внезапно завертелся с огромной скоростью. Если бы насекомое не отскочило поспешно назад, оно бы потеряло свое вооружение. Воспользовавшись этим, ящер-муравьед с неожиданной проворностью развернулся, чтобы оказаться головой к своему противнику.

Насекомое, отскакивая и снова накидываясь, старалось схватить ящера за хвост, лишив его подвижности, и тем самым обеспечить себе безопасность. Но так как сделать это ему никак не удавалось, насекомое изменило тактику и, вытянув одну лапу, опустило ее со всей силой на голову противника. Ящер-муравьед замер на мгновение, как боксер, оглушенный ударом. Насекомое, воспользовавшись моментом, размозжило объектив одной из передних камер металлического пресмыкающегося.

— Правильно сделано. Атакует управляющий центр, — прокомментировал Фретти.

— Не очень-то радуйтесь. Ящер имеет запасное логическое устройство, размещенное внутри корпуса, поэтому он может действовать даже при полном разрушении управляющего центра.

— Любопытно, как вы это сделали? — поинтересовался Фретти, вытирая платком лоб.

— Больше половины деталей, не считая корпуса, сделано из вернетита — специального сплава, имеющего механические свойства стали, а электрические — полупроводников. Именно поэтому машина своими рефлексами, реакциями, способностью к обучению и приспособляемостью аналогична примитивному животному.

— Я сделал иначе: изменил локальную микроструктуру кристаллической решетки материала, но результат тот же... Вы только посмотрите: идеально разработанная программа не могла бы дать таких эффектов!

Действительно, то, что происходило на пляже, удивительно напоминало борьбу зверей, объятых той решимостью, которая часто бывает вызвана смертельным страхом. Насекомое, которое уже потеряло одну пару своих клешней и две другие лапы, махало раздробленными обрубками, как будто ощущая боль и ужас. Но все же продолжало неустанно скакать, атакуя то голову, то хвост ящера, который вертелся вокруг, стараясь, несмотря на потерю одной из гусениц, не уступать противнику в подвижности. Насекомое замерло на мгновение, и в воздухе, наполненном до той минуты грохотом и лязгом металла, послышались следующие один за другим взрывы.

Поднятый вверх хвост ящера переломился посредине и с треском упал на землю. Насекомое прыгнуло, и ящер оказался под ним. Три лапы насекомого опустились на корпус ящера как раз около основания хвоста. Две лапы, заканчивающиеся длинными сверлами, прошли сквозь панцирь и пригвоздили ящера к земле, а третья, оказавшаяся молотом, стала бить по панцирю.

— Ну что ж, Мартин, ему уже недолго осталось жить, — проговорил Фретти.

— Борьба еще не закончена.

Снова прогрохотала серия взрывов, и оставшаяся половина хвоста ящера отломилась у самого основания. Но это уже не имело значения для ящера-муравьеда. Захватив корпус насекомого всеми четырьмя лапами, он приблизил к нему свой клюв, из которого внезапно появилась ослепительная электрическая дуга. Было видно, как в панцире насекомого появляется проплавленная щель, образующая постепенно четырехугольник...

Фретти, внезапно побледневший, закрыл глаза. Открыть их его заставил резкий треск. Это одна за другой отвалились четыре лапы насекомого. Не выдержав больше тяжести противника, оно рухнуло на землю.

На песок стали падать куски расплавленного металла. Ящер разрезал насекомое на части, как будто решил полностью увериться, что противник уже не встанет.

Потом ящер-муравьед поднял голову и огляделся. Когда фигуры людей попали в поле зрения линзы его единственной, оставшейся целой камеры, ящер поднялся на лапах и начал медленно взбираться на пригорок, приближаясь к палатке. Фретти вскочил и с криком ужаса побежал в глубь острова. Мартин продолжал сидеть с бутылкой в руке, хохоча во все горло. Отбежав метров на сто, Фретти спрятался за ствол пальмы и, тяжело дыша, стал наблюдать за чудовищем. То, не обращая внимания на беглеца, продолжало двигаться к уже недалекой цели — человеку, спокойно сидящему в шезлонге.

Мартин по-прежнему держал в руке стакан, но уже больше не смеялся. Почему эта бестия не поворачивает? Отчего не гонится за Фретти? Почему вид его, Мартина, не вызывает рефлекса послушания и покорности?

— Бегите, Мартин! — Фретти высунулся из-за своей пальмы и кричал, махая руками. — Бегите, он вас не узнаёт, он нападает на всех!

Мартин вскочил, перевернув шезлонг, и побежал что было сил. Ящер-муравьед, переваливаясь с боку на бок, пополз за ним. Когда Мартин добежал до пальмы, Фретти уже карабкался по ее стволу.

— Слезайте, Фретти, это не имеет смысла.

— Он меня здесь не достанет!

— Если он свалит пальму, то вы уже от него не убежите! Быстрее на скалу, может быть, он не сможет на нее взобраться!

Фретти соскочил вниз, и они побежали к небольшой скале, круто обрывающейся в море. Еще бы немного, и они были бы настигнуты ящером, который по пятам следовал за ними. Лежа на краю скалы, люди с высоты полутора-двух десятков метров наблюдали за чудовищем, которое ворочалось у подножия.

— Пока мы в безопасности, — прошептал обессиленный Фретти.

— Пока, а что дальше?

— Не хотите ли вы мною пожертвовать для спасения собственной жизни?

— Мы оба находимся в одинаковом положении, — заметил Мартин.

— Ну, конечно, он охотится за нами обоими. Пожмем друг другу руки. Он нас помирил... — раздраженно пробормотал Фретти. — Так, а что нам теперь делать?

— Ничего. Мы здесь в безопасности.

— Ну и что из того? Сколько времени мы будем торчать на скале? Пока не сдохнем с голода?

— Утром придет «Святая Жанна»... Хотя... Вот проклятие, ведь это нам ничего не даст! — сообразил Мартин. — Эта бестия ни нам не позволит убежать, ни им — высадиться.

— Капитан сразу же отчалит, как только увидит, что здесь происходит. Даже если мы потом и обезвредим прохвоста, то все равно останемся тут заживо погребенными.

— Отсюда вывод: мы должны его ликвидировать без промедления, до наступления темноты. Ночью он видит лучше нас, поэтому у него будет больше преимуществ, чем сейчас.

— Что же делать?

— У нас единственная возможность — вывести из строя блок питания.

Они вполголоса обсудили детали предстоящей операции. Прошло еще несколько минут. Больше нельзя было медлить. Фретти встал и прошел несколько десятков шагов, стараясь не глядеть на ящера. Наконец решившись, Фретти стал съезжать по склону вниз. Чудовище заскрежетало гусеницей и двинулось в погоню за человеком, отсекая ему путь к возвращению. Фретти побежал в сторону пляжа. Оторвавшись от своего преследователя метров на двести, он остановился, чтобы отдышаться и сориентироваться в обстановке. Страх сковал Фретти. Он не мог ни бежать дальше, ни собраться с мыслями. «Неужели он решил мною пожертвовать? Этот мерзавец на все способен! Но это же не имеет смысла, он себя так не спасет. Спускается! Спускается со скалы!..»

Через минуту Фретти почувствовал огромное облегчение: он увидел, как Мартин начал подкрадываться к ящеру. Снова отбежав от чудовища на

безопасное расстояние, Фретти приостановился и посмотрел назад. Мартин догнал ящера и по неподвижной гусенице взобрался на его спину.

Ящер заметил другого человека и старался повернуться, чтобы его схватить. Но у него ничего не получалось. Мартин сидел на ящере как на коне и, опираясь руками, постепенно передвигался в направлении отверстия, образовавшегося в месте крепления хвоста. Механическое чудовище, помогая себе всеми четырьмя лапами, безуспешно пыталось развернуться на одном месте. Человек исчез внутри корпуса. Фретти посмотрел на часы. «Если через пять минут я оттуда не выйду, — сказал ему Мартин, — спасайся как можешь».

Страх у Фретти прошел, так как ящер не обращал на него внимания: ведь другой, находящийся ближе человек исчез из его поля зрения. Чудовище крутилось и изгибалось, как щенок, занятый только собой. Прошли три минуты... четыре... «Уже должен выйти... заканчивается пятая минута... ЧТО ОН ТАМ ДЕЛАЕТ?»

Ящер-муравьед по-прежнему старался свернуться в кольцо.

Фретти схватил металлический стержень — какой-то остаток от ноги насекомого — и осторожно приблизился к ящеру. Тот, помогая себе лапами, вертелся, не реагируя на человека.

«Вообще-то я мог бы спокойно дождаться «Святой Жанны», не подвергая лишней опасности свою шкуру. Был бы хоть он моим лучшим приятелем, а так... Тем более что все равно ему уже не поможешь...» — размышлял про себя Фретти и все-таки влезал, так же как и Мартин, по неподвижной гусенице на спину ящера. Затем, сжимая стержень в руке, подобрался к отверстию и с трудом спустился внутрь. Здесь было темно, жарко, душно. Обливаясь потом, протискиваясь между деталями и конструкциями, Фретти, наконец, добрался до помещения, где в слабом, проникающем сверху свете виднелись очертания металлических шкафов. «Это, должно быть, энергетический центр», — решил Фретти. Споткнувшись о что-то мягкое, он скорее догадался, чем увидел, что это тело Мартина. Стараясь его поднять, Фретти отбросил в сторону металлический стержень. И вдруг его ослепила вспышка нестерпимо яркого света. Раздалось оглушительное шипение. Фретти на минуту окаменел от страха. В голове проносились отрывочные мысли: «Электрическая дуга! Я устроил короткое замыкание! Почему он не изолировал провода? Спекусь я тут живьем!..»

В панике, спотыкаясь, Фретти бросился к выходу. Перед ним мчалась его угловатая тень, деформированная причудливыми конструкциями корпуса. Шипение не прекращалось. Фретти повернул голову в ту сторону и старался хоть что-то увидеть в этом ослепительном голубом свете. Там лежал Мартин. Фретти сделал неуверенный шаг к электрической дуге и затем, внезапно решившись, быстро подбежал к своему сопернику, схватил его под мышки и потащил по узкому проходу.

Ему казалось, что он никогда отсюда не выберется. Сердце, казалось, вот-вот выскочит из грудной клетки. Думать он уже не мог. Только знал, что нужно тащить это тело к выходу. А за спиной по-прежнему угрожающее шипение и резкий свет дуги. Как бесконечно долго это длится!

Потом, уже свалившись с Мартином с гусеницы на землю, Фретти сообразил, что все происходило в течение буквально нескольких десятков секунд, самое большее — нескольких минут.

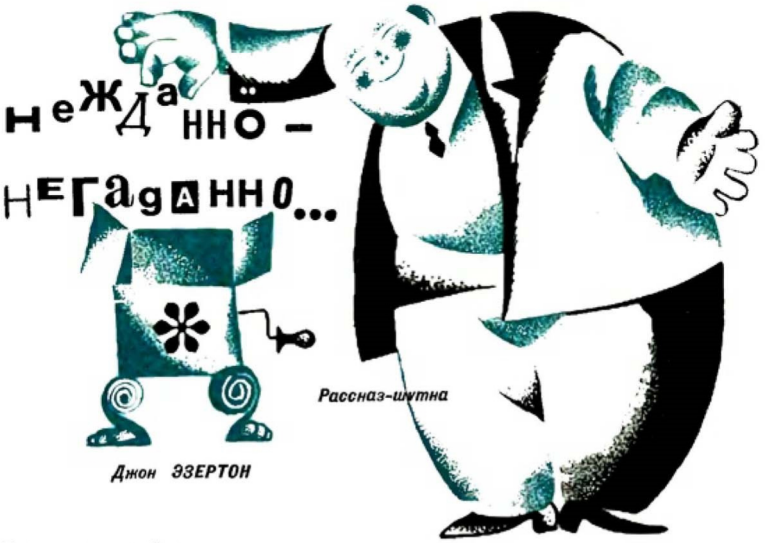
Чудовище уже не двигалось, в его развороченном нутре продолжало что-то вспыхивать. Инстинктивно стремясь к безопасности, Фретти поковылял дальше, волоча очевидно потерявшего сознание Мартина.

Наступила ночь, как всегда в этих широтах, внезапно, без сумерек. Фретти, опустошенный, изнемогающий от усталости, остановился и ни с того ни с сего подумал: «Какой черной стала морская вода!» А потом он увидел отблеск яркой вспышки и услышал прогрохотавший взрыв. Стало совершенно темно. И очень тихо.

А через некоторое время взошла луна. Она осветила темное море, серебристую пену волн, накатывающихся на пляж, растерзанные остовы механических чудовищ и фигуры двух обессиленных, но победивших людей.

Перевод с польского **Э. СОРКИНА**

НЕЖДАННО-НЕГАДАННО...



Рассказ-шутка

Джон ЭЗЕРТОН

Перевел с английского
Р. РЫБКИН

Рис. В. ЧУМАКОВА

Один за другим все шестеро заняли свои места за столом. Председательствующий Маскиссон без всяких околичностей перешел к делу:

— Джентльмены! По имеющимся у меня абсолютно достоверным сведениям, происходит сброс мусора и промышленных отходов в Индийский океан. Заводы угрожают превратить его в...

На лицах появилось одинаковое тоскливое выражение, а мученические взгляды устремились к потолку: вечно эта Проблема, и, как всегда, — никакого пути к ее разрешению.

— О том, что дело идет к этому, — продолжал Маскиссон, — нам известно с того памятного дня в апреле 1997 года, когда Бен Солтер обнаружил, что в его доме не осталось ни одной щели, не занятой использованными бритвенными лезвиями.

Ответом Маскиссону были угрюмые кивки: как было не понять, когда именно впервые заявила о себе эта Проблема!

— А теперь от мусора просто некуда деться, — сказал Маскиссон, — и мы, руководители, должны найти выход. Но, — он сделал паузу, — наш первый долг — содействовать тому, чтобы у предметов широкого потребления была короткая жизнь.

Все, как один, поднялись на ноги, благоговейно произнося священную формулу:

— Хвала Износу!

Потом они сели, покачивая головами, — все, кроме Барнса из департамента экономики, который помахал рукой, чтобы привлечь к себе внимание председателя:

— Я нашел подрядчика. Берется ликвидировать любой хлам. Я проверял: действительно, может.

Он как будто не замечал устремленных на него враждебных взглядов: все хорошо помнили, что Барнс уже брался одиажды за это дело. Тогдашний «подрядчик» попробовал было перепродавать использованное. Ему дали 20 лет за семикратное превышение срока пользования предметами потребления, а Проблема стала острее, чем когда-либо. И вот этот дурак Барнс подсовывает еще одного мошенника!

Маскиссон даже не успел запротестовать: Барнс резким движением открыл дверь и ввел в комнату заседаний широко улыбающегося круг-

лого человечка в сверкающем металлоновом костюме.

— Сейчас, джентльмены, мистер Грипфайлер вам все покажет, — сказал Барнс, явно гордясь своей находкой.

Мистер Грипфайлер заулыбался еще лучезарнее. Щелкнув замком, он открыл свой саквояж из этернаметалла и извлек оттуда изящную машинку, сделанную из прозрачного органического камня и полированного дюраметалла. В самой ее середине, в переплетении платиновых проволочек, покоился небольшой ящичек с двустворчатой крышкой из раковин моллюска.

— Вот, джентльмены, моя Чудо-Мельница. Ликвидирует любые материалы, не выделяя при этом никаких твердых, жидких или газообразных отходов.

— И абсобритву тоже? — неудачно попробовал пошутить Хуп. Кто не знал, что из всего созданного могучей техникой человека ничто так плохо не поддается ликвидации, как эти небольшие, но опасные блестящие лезвия. Сделанные из этернаметалла со специальными добавками, они никогда не тупились, но в связи с недавним повышением квоты на продукцию компании «Абсобритва» никому не разрешалось бриться одним и тем же лезвием больше одного раза. Отступления от этого правила могли оказаться губительными для экономического цикла.

— У вас не найдется одной? — спросил мистер Грипфайлер.

Одна нашлась — в керамосинтетической умывальной комнате рядом с комнатой заседаний. Раздвинув толстым пальцем ракушечные челюсти своего прибора, мистер Грипфайлер бросил абсобритву в ящичек. Челюсти сомкнулись. Мистер Грипфайлер нажал на кнопку. На какое-то мгновение проволочки накалились докрасна, потом снова стали матово-белыми.

Мистер Грипфайлер развел створки в стороны. Абсобритвы внутри не было! Всем показалось, будто на глазах у них проделали фокус, требовавший необычайной ловкости рук. Мистеру Грипфайлеру наперебой протягивали носовые платки, перочинные ножи, наручные часы — в общем всякую мелочь, которую в ближайшем будущем все равно предстояло спустить в мусоропровод и заменить новой. И каждый раз, даже тогда, когда небольшой ящичек оказывался набитым доверху, мистер Грипфайлер ликвидировал все, что в нем было, — от содержимого не оставалось и следа.

Первым опомнился Маскинсон:

— Лично меня это убедило, но хотелось бы услышать мнение остальных.

Ответом были энергичные кивки и возгласы:

— Берем! Скорее подписывайте контракт.

Все условия мистера Грипфайлера были приняты. Он не подвел, и вскоре на Земле уже работали с полной нагрузкой 500 Чудо-Мельниц, послушно проглатывавших все, что люди считали мусором и отбросами.

Но никому не пришло в голову спросить у мистера Грипфайлера, куда это все девается. Проблема была решена, а остальное уже никого не интересовало.

* * *

Блурро IV сидел на скамейке из магния, праздно разглаживая складки своей фиброидной тоги. В мире 80704 года Проблем больше не существовало. И немалую роль в этом сыграла Чудо-Мельница, возникшая, по преданию, из нильского ила где-то около 2080 года. Каким образом — никто особенно не интересовался, знали только, что эти благословенные машины с челюстями из ракушек берут на себя заботу обо всем хламе, который производит или может произвести человек. Все шло в Божественную Чудо-Мельницу и исчезало в ней. В мире Блурро царили чистота и порядок.

Но в этот знойный июньский день Блурро вдруг показалось, что воздух у него перед глазами будто хочет разрешиться от бремени. Он, этот воздух, явно силился родить что-то. Плоп! — прозвучало, словно вздох облегчения. На землю рядом с Блурро упал небольшой плоский предмет. Он поднял его и сразу же порезался. Вслед за первым предметом градом посыпались другие: две небольшие тикающие машинки, комки смятой бумаги, перочинный нож...

За какой-нибудь месяц мир-сад 80704 года превратился в свалку

непригляднoго и к тому же опасного хлама, потому что теперь в этом мире не было места, где не щел бы непрекращающийся дождь из угрожающе острых абсобритв.

Решение Проблемы оказалось под силу лишь самому мудрому из мыслителей, Кларолю III. Следуя полету своей мысли, твкой же блестящей и безответственной, как мысль Грипфайлера, Кларолъ переориентировал Чудо-Мельницы, и теперь оии перемещали хлам не только во времени, но и в пространстве.

Никто ие спрашивал Кларолъ, куда все девается. Проблема была решена, а остальное уже никого ие интересовало.

* * *

В тридцати миллионах световых лет от Земли, на маленькой захолустной планете Омикрои, последняя оставшаяся в живых пара из великого племени чешуйчатых длиниофилипов волочила свои восемьдесят совсем ослабевших иог по усыпанной костями гранитно-базальтовой равнине. Их ожидала смерть, так как они доели последние глыбы металлоносиой руды, которые им удалось найти среди камней.

Лишь слабый дымок вырывался из похожей на пещеру пасти огромного самца. Но вдруг что-то блеснуло в воздухе перед полузакрытыми глазами терявшей последние силы самки. Затем блеснуло еще раз. На этот раз она поймала блестку своим верхним щупальцем. Блестка была крощечной, но ее хруст на зубах был обещающе металлическим. За ней посыпались новые. Полуживой самец почувствовал, что подруга толкает его в бок. Одним из своих пяти глаз он взглянул вверх и увидел: с неба падает манна!

Когда четыре желтые луны снова взошли над Омикроном, двое длиннофилипоа блаженно рылись в огромной куче металлонового тряпья, консервных банок из нержавеющего дюраметалла и других металлических предметов, буйным водопадом низвергавшихся из стратосферы. Из топок под пищеварительными котлами длиннофилипов доносилось веселое гудение и потрескивание, и когда самец поднимал свою огромную верхнюю челюсть, длиный язык белого пламени расплавлял эмаль на громоздившихся перед ним старых автомобилях.

А около родителей неуклюже резвились два детеныша, с аппетитом уплетавших блестящие абсобритвы, падавшие на равниу, как лепестки металлического цветка.

И ни один из четырех ие остаиовился и не спросил себя: а откуда же взялся спасительный корм?

Им было все равно — они ели, и этого им было довольно.

Ковер из черного мха устилал спирали этажей, обвалившиеся крыши. Над мертвой планетой исходило второе солнце. Лучи странной синеватой звезды и желтого карлика перемешивались, и над планетой таяли холодные бирюзовые цветы.

Я нажал педаль вездехода, и руины остались позади. Мне не хотелось думать о них, но мысли, навязчивые, тревожные, сверлили мозг.

Гусеницы с лязгом замерли. В десятке метров впереди извивался Синий столб. Голубой сноп энергии, словно бесшумное пламя, струился в небо. Я прыгнул на песок — здесь не было мха, привел в порядок камеру и пошел к зияющему входу тунеля. Я уже сфотографировал его вчера с ракетоплана.

В подземном зале было темно. Только в центре, в переплетении труб пульсировала та же самая голубая светящаяся масса. Это было так грандиозно... и бессмысленно. Огромная энергия, улетающая в пространство, брошенные города... И то, что их здесь не было.

Стены зала терялись в темноте. Я снял камеру и пошел наугад. Откуда-то снизу тянуло холодом. Пол под ногами был весь в дырочках, словно пчелиные соты. Они глушили шум шагов. Было тихо. Абсолютно тихо.

Вдруг луч фонарика потускнел... погас. Меня окружила непроглядная тьма. Нет, в пространстве поблескивали прямые, еле уловимые линии. Я шагнул вперед, и в воздухе забегали светлые зайчики, треугольники, рассыпались огненные дробинки. Потом все осталось где-то позади — вся моя жизнь...

...Безмерная пустота охватила меня. Откуда-то со стороны поступала информация, неясная и разрозненная. Я увеличил подачу энергии, и прошлое вторглось в мое сознание.

Теперь я был таким, как прежде. Тогда моя мысль дробилась между миллионами, которые много веков подряд усеивали эту планету, рождались, а через мнг исчезали в Вечности, называя себя разумными существами. Но в этом виде моя материя была несовершенной, она сковывала мое дальнейшее развитие. Тогда я — частицы мысли, распределенные между многими существами, — решился. Накопленный уровень знаний позволил мне отбросить несовершенную телесную оболочку и слиться в высшее целое. Я овладел Пространством и Временем. Внизу, на планете, остались руины того, что раньше мои частицы называли «цивилизацией».

Познание стало целью моего существования. Когда из глубин Пространства выплывали новые импульсы, новая информация, я маневрировал линиями своего поля, менял свою структуру. Я был предельно могуч и наслаждался силой, строя свое Сознание. Моя мысль черпала энергию из Синего столба — там, внизу, на планете. Я — Разум, вечный огонь, который творит Вселенную и сотворен ею.

Вдруг в мое биополе неизвестно откуда вторглись новые мысленные импульсы, которые расстроили порядок моего познания. Неужели живая материя — объемная и вещественная — не совершеннее моей теперешней формы поля, в котором циркулируют биотоки!

Тогда я перестроил свою структуру, но в чем-то ошибся и потерял контроль над своей сущностью. Поле сжималось. Концентрация энергии чудовищно возрастала. Я погибал... Мои атомы в беспорядке летели по спиральной орбите. Вспыхнула неуправляемая термоядерная реакция. Я попытался дематериализоваться, вернуться к прежнему состоянию... Поздно. Я превращаюсь в пылающий шар... В звезду... Это... конец!..

...Надо мной блестел параболоид рефлектора. За прозрачной стеной медленно кружились какие-то катушки. Магнитная память. Я не ощущал своего тела. Голова трещала. Умер! Исчез?! Я напряг все силы и встал.

Кто я! Что случилось! Неужели прошли миллионы лет, неужто я овладел процессом и сумел синтезироваться в новой, более совершенной форме объемной мыслящей материи!

Я шагнул вперед. Стены исчезли.

Вездеход ожидал меня снаружи. Как будто все было по-старому. Я не изменился. Это он слился со мной: через его зафиксированные магнитной памятью мысли я пережил вместе с ним бесконечный процесс Развития; он отдал мне частицу самого себя, своего знания. Сколько это длилось — минуту, век!

Желтое солнце закатилось, и только странная синяя звезда блестела в небе. Я включил мотор, но поехал не к нашему звездолету, а куда глаза глядят: хотелось остаться наедине со своими мыслями.

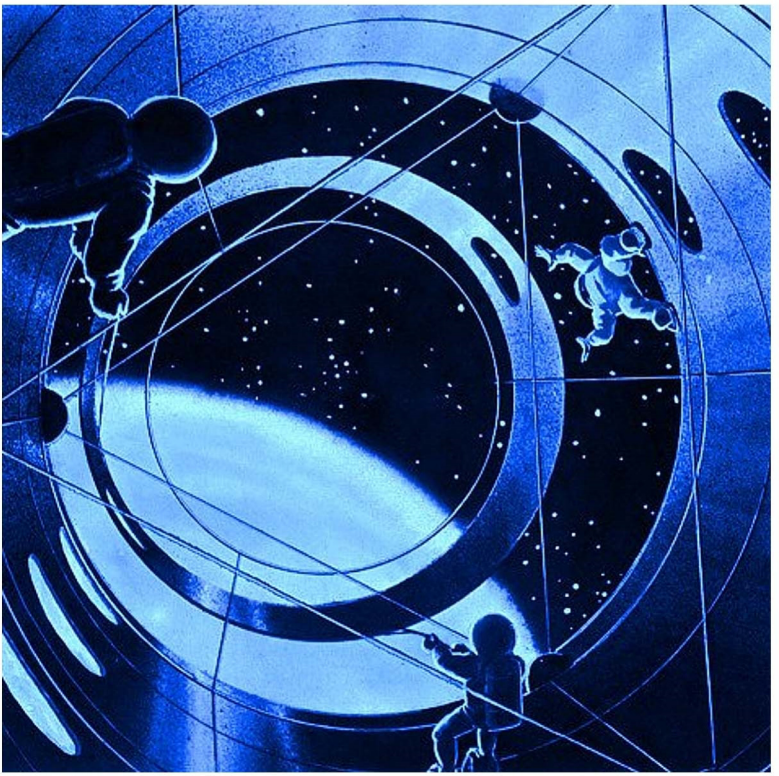
Кто Он! Кто! Он был чересчур совершенным, чтобы оказаться просто человеком. Неужели это естественный ход нашего развития!

Вездеход мчался вперед, и я не спускал ногу с педали. Нет, Он не мог погибнуть. Он был таким совершенным. Когда-нибудь Он снова перестроит свою структуру, чтобы возродиться. Или.... или это только кошмар, бред сумасшедшего, сохраненный магнитной памятью!..

Я поднял голову. Синее, не похожее на другие звезды солнце сияло холодным, бесстрастным блеском.

И тогда я резко затормозил. Неужели это Он!

БОЙКО БОЙКОВ родился в 1946 году в София. В 1965 году окончил среднюю школу, а сейчас служит в армии. Еще в школе он стал членом литературного кружка научной фантастики «Друзья будущего». Там он и подружился с молодым писателем **ВЛАДИМИРОМ ДИМЧЕВЫМ**, вместе с которым и написал этот рассказ.



Фантастический рассказ

НАРСИСО ИБАНЬЕС СЕРРАДОР

Да, по человеческим меркам корабль был совсем невелик — треугольник из матового зеленоватого металла, который легко уместился бы в любом маленьком сарайчике или стойле. Да, по человеческим меркам корабль был совсем невелик. По человеческим меркам, хотя... ни одному человеку не довелось его видеть. Почти сто лет летал он вокруг Земли, а люди его не видели, быть может, из-за невероятной скорости, с которой он двигался, а может, из-за того, что он был слишком мал — для людей, разумеется, а не для трипитов: для них он был огромен. Больше пятидесяти трипитов насчитывалось в его экипаже; больше пятидесяти трипитов родом из тройной туманности в созвездии Стрельца почти целое столетие кружили вокруг Земли — и наблюдали, наблюдали...

Девять трипитов — все руководство экспедиции, организованной для насаждения трипитской культуры на других планетах, — опять собрались в конференц-зале корабля и возобновили свои нескончаемые споры.

— Отсталость существ, господствующих на этой планете, без сомнения, объясняется их размерами. Они слишком велики, неповоротливы...

— Нет, дорогой Трулоп, дело совсем не в этом!

— То есть как не в этом? Такие грубые и неуклюжие существа лишь с трудом могли бы достигнуть...

— Простите, что я вас прерываю, но данные всех наших наблюдений достаточно ясно указывают причину, по которой культура этих достойных сожаления существ не смогла развиться сколько-нибудь удовлетворительно. Причина этому — их хватательные придатки, то, что они называют «пальцами». Вот в чем единственная причина их отсталости! Эти уродливые создания обладают двумя верхними конечностями, каждая из которых оканчивается пятью хватательными придатками, которых, таким образом, всего десять. Они-то и есть тот злой рок, который сделал неизбежным культурный застой на этой планете. На заре цивилизации существа эти при счете прибегали к помощи пальцев. И с течением времени это привело к тому, что и свою математику и всю свою культуру они построили на абсурдной метрической системе, в основе которой лежит число десять.

Усики присутствующих завибрировали в одобрительном свисте. Тропенс, самый почтенный член руководства, продолжал:

— Таковы факты. Подобным же образом начинали и мы. Мы тоже использовали для счета свои хватательные придатки, но так как природа, к нашему счастью, одарила нас всего лишь одним верхним щупальцем с тремя присосками, мы положили в основу нашей системы число три.

Некоторые из собравшихся задумчиво посмотрели на свои круглые, влажные фиолетовые присоски, неоспоримо свидетельствовавшие о высоком интеллекте и артистизме их обладателей.

— В результате, — телепатически продолжал Тропенс, — число три легло в основу нашей математики, нашей архитектуры, нашего эстетического чувства. Какие окна и двери у наших домов? Треугольные! Сколько колес у машин, на которых мы ездим? Три! Какой формы наши космические корабли? Треугольные! И обратимся, наконец, к нашему собственному телу,

этому эстетическому совершенству. Сколько у нас голов? Три — одна мыслящая, вторая смотрящая и третья обоняющая.

На скольких хрящевых пружинах мы скачем? На трех! Всегда и везде — три. Поэтому, коллеги, если мы хотим цивилизовать эту отсталую планету, мы должны передать ее жителям свойственное нам чувство троичности.

Тропенс вернулся в горизонтальное положение, в то время как каждый из присутствующих энергичным постукиванием трех своих голов одна о другую выразил свое одобрение сказанному. И они перешли к обсуждению того, как наилучшим образом распространить среди людей троичную систему. Трупси, специалист по психологии нетрипитов, так сформулировал свою точку зрения:

— Разумеется, мы не сможем проводить кампанию по насаждению троичности лично и непосредственно. В свое время все мы сошлись в том, что людям не следует видеть нас и даже знать о нашем существовании, поскольку уровень их культуры и то зачаточное эстетическое чувство, которым они обладают, недостаточны для восприятия красоты наших форм.

— А кроме того, — прервал его другой участник заседания, — спускаться на поверхность планеты опасно. Вспомните хотя бы нашего бедного Трисина, мистика, который намеревался обратить землян в нашу веру и умер, пожранный одним из этих чудовищ, которых земляне называют кошками.

— Да, это так, — согласился Тропенс, и из его мыслящей головы послышалось печальное позвякиванье.

— Что ж, придется рискнуть! — решительно сказал психолог. — Один из нас должен спуститься!

— И показаться землянам? — испуганно спросил молодой член руководства, закрыв от страха все три свои зрительные призмы.

— Нет! — ответил Трупси. — Один из нас должен будет спуститься на планету, незаметно проникнуть в одно из сооружений, которые служат землянам жилищами, и там...

— И там?.. — присутствующие с нетерпением ждали, что он скажет дальше.

— ...И там телепатически внушить молодой, еще не сложившейся особи человека основы троичности. Вы понимаете? Этим мы добьемся того, что землян из их отсталости выведет их собственный сородич, которому вовсе не обязательно знать о нашем существовании. Новую систему распространит человек, счастливец, который благодаря нам достигнет известности и славы, так никогда и не узнав, что идея, совершившая переворот в их жизни, принадлежит не ему, а нам!

И вот однажды ночью треугольный корабль остановился над одной из самых больших столиц планеты. Миссия была возложена на молодого и отважного трипита Триля. Под покровом темноты он соскользнул с корабля на одну из городских улиц и начал свои поиски. Он обходил дом за домом, не находя того, что искал, — и, наконец, нашел. В мансарде трехэтажного дома спала молодая мужская особь около шестнадцати земных лет возрастом, сильная, насколько можно было судить по развитой мускулатуре, и учащаяся, о чем свидетельствовали груды книг на письменном столе.

«Прекрасно, — подумал Триль. — Над ним-то я и поработаю».

И он приступил к работе, надолго обосновавшись для этого в жилище молодого землянина. Днем он скрывался в футляре старых стенных часов, а ночью, когда юноша спал, Триль покидал свое убежище и принимался за работу. Ночь за ночью, устроившись на подушке рядом с головой молодого землянина, трипит телепатически передавал:

Раз, два, три! Раз, два, три.
Если хочешь в мире преуспеть,
Раз навсегда для себя заметь:
Раз, два, три! Раз, два, три!

Прошла одна неделя, за ней другая, а Триль все тянул свою телепатическую песенку:

Просто и ясно, яснее нельзя,
Если запомнишь — прославишь себя:
Раз, два, три. Раз, два, три.

Прошел месяц, за ним другой, а неутомимый Триль продолжал:

Ты себе в голову должен вбить,
Чтобы потом никогда не забыть:
Раз, два, три. Раз, два, три.

Прошел год, за ким другой, а Триль все внушал и внушал:

Раз, два, три. Раз, два, три.
В подсознание войдет
И в сознании всплывет:
Раз, два, три! Раз, два, три!

И в конце концов Триль своего добился. В одно прекрасное утро молодая особь проснулась, и ее мозг пронзила мысль, новая и гениально простая: «Раз, два, три».

«Изумительно!» — сказал он себе. «Подумать только: раз, два, три! Раз, два, три!» — и чем больше он думал об этом, тем сильнее становился его энтузиазм.

— Раз, два, три — да это весь мир пе-

ревернет! Раз, два, три! Ага... так, так, так! Это станет моим боевым кличем, целью и оправданием всей моей жизни! Раз, два, три! Да это важнее, чем изобретение колеса или парового двигателя! И как просто! Да! Этой формуле я посвящу свою жизнь!

Так он и сделал.

Прошло несколько десятков земных лет, и трипиты решили, что настало время подобрать своего товарища и выяснить, какие плоды принес хитроумный план специалиста по психологии нетрипитов.

Оказавшись вновь на борту корабля, Триль сообщил девяти руководителям о результатах своей миссии:

— Неудача, полнейшая неудача! Земляне безумны все до единого.

— Но все же тебе удалось телепатически внушить землянину нашу троичную систему? Да или нет? — встревоженно спросил маститый Тропенс.

— Да, разумеется, да! — ответил Триль. — Все шло по плану: я внушил землянину нашу систему, землянин вырос, в один прекрасный день в его сознании всплыла внушенная мною мысль, и...

— И?..

— Он стал распространять ее по всему миру.

— И потерпел неудачу?

— Нет! Одержал полную победу. Идея была с энтузиазмом подхвачена всеми, а сам он, как мы и предсказывали, прославился на всей Земле.

— Но почему ты тогда говоришь, что наш план потерпел неудачу?

— Увы,—сокрушенно отозвался Триль.— Это произошло потому, что земляне безумны. Молодая особь, с которой я работал, действительно добилась того, что наша система распространилась по планете, но...

— Но что?..

— Но земляне не использовали ее для обновления архитектуры, для создания новой математики или вообще для чего-либо дельного.

— Так для чего же?

— Идите и посмотрите сами.

Триль проследовал в ту часть корабля, где были установлены экраны наблюдения, и, начав манипулировать регуляторами, нашел, наконец, то, что искал.

— Видите? Вот моя молодая особь — правда, по земным представлениям, теперь уже не очень молодая, потому что с тех пор, как я спустился на поверхность планеты, прошло несколько десятков земных лет.

Трипиты увидели на экране огромную площадь и толпы землян на ней; дальше, в глубине, на площадь выходило огромное здание. Триль повернул небольшую пирамидку, служившую регулятором, и на экране крупным планом появились некоторые детали.

— Видите? Вон там, высоко, на месте, которое земляне называют балконом, стоит моя молодая особь.

— А другой, рядом, со светлой растительностью на лице — это кто?

— Это обладатель верховной власти в стране. Видите, оба отвечают толпе, которая их приветствует.

Триль повернул регулятор, и трипиты снова увидели всю площадь целиком.

— Как интересно! Смотрите, они становятся в пары!

— Да, причем с особями другого пола!

— Что они собираются делать?

— Они начнут сейчас практически применять нашу систему, — возмущенно отозвался Триль. — Единственное применение, до которого они додумались! Смотрите, смотрите, как моя особь передает им жестами то, что я ей внушил! Раз, два, три! Раз, два, три! Так обстоят дела, коллеги. Любые попытки цивилизовать это племя умственно неполноценных обречены на провал. Смотрите, вот они начали кружиться!.. Они безумны, поверьте мне. Они неизлечимы.

Понурив свои многочисленные головы, трипиты решили, что им лучше покинуть эту нелепую планету.

А между тем в столице одной из самых больших земных империй на площади перед дворцом собралась огромная толпа, рассыпавшаяся на сотни пар, которые кружились и кружились...

Стоя у перил одного из балконов дворца, его императорское высочество улыбалось улыбкой, словно взятой в скобки густыми бакенбардами. А рядом с ним плакал от радости при виде триумфа, выпавшего на долю никогда не оставлявшей его идеи, подопечный Триля, превратившийся в благообразного старца, почитаемого и чествуемого всем человечеством.

— Так, так! — шептал старик в то время, как его руки двигались с живостью, не соответствовавшей его годам. — Раз, два, три. Раз, два, три!.. Больше жизни!.. Сильнее!.. Так... так! Раз, два, три, раз, два, три! Так, так! Прекрасно!..

Никогда еще Вена так не веселилась, никогда вальс не танцевали так хорошо, и большой императорский оркестр никогда не играл с большим блеском, чем тогда, когда им дирижировал Иоганн Штраус. И быть может, потому, что люди кружились и кружились, счастливые, веселые, опьяненные вальсом, никто из них не обратил внимания на крохотный солнечный зайчик, который перед тем, как затеряться в пространстве, отбросил на Землю маленький треугольный корабль.

Перевел с испанского **Р. РЫБКИН**

ПО ИНСТАНЦИЯМ

Стивен АРР (Стивен РАЙНЕС)

Фантастический рассказ

— Джордж! — сказала Клара, с трудом сдерживая гнев. — Во всяком случае ты можешь попросить его. В конце концов ты мышь или слизняк!

— Но ведь я каждую ночь ее отодвигаю, — возразил Джордж, тщетно пытаясь урезонить жену.

— Да, конечно! А он каждое утро придвигает ее обратно. Джордж, я с ума сойду — а вдруг что-нибудь случится с детьми! Иди сейчас же и втолкуй ему, что он должен немедленно ее убрать.

— Стоит ли! — расстроенно спросил Джордж. — Вдруг им будет неприятно узнать про нас!

— Ну, они сами виноваты, что мы тут, — сердито сказала Клара. — Ведь они совершенно сознательно подвергли твоего прапрапрадеда Майкла воздействию жесткого облучения.

Джордж расстроенно посмотрел на нее, не зная, что делать.

Они прожили здесь так долго, что успели перенять человеческие обычаи и язык, они даже взяли себе человеческие имена.

— Джордж! — умоляюще сказала Клара. — Ты только попроси его. Уговори. Растолкуй ему, что он напрасно тратит свое время...

Едва Джордж услышал шорох швабры за стеной, он встал и вышел через парадный ход. Ловушка еще стояла в стороне — там, куда он ее отодвинул ночью.

— Здравствуйте! — крикнул он.

Уборщик перестал мести и с недоумением посмотрел по сторонам.

— Здравствуйте! — взвизгнул Джордж, чувствуя, что сорвал голос.

Уборщик посмотрел вниз и увидел мышь.

— Здравствуй, — сказал он.

Уборщик был человек необразованный и, увидев мышь, которая кричала: «Здравствуйте!» — так и подумал, что перед ним — мышь, которая кричит: «Здравствуйте!»

— Ловушка! — надрывалась мышь.

— Ну, ловушка, а что! — спросил старик.

— Моя жена не хочет, чтобы вы ставили ее у нашего парадного, — объяснил Джордж. — Она боится, что дети могут попасть в нее.

— Извиняюсь, — ответил уборщик. — Но мне приказано ставить мышеловки у всех нор. Тут атомный центр, и мыши тут не требуются.

— Нет, требуются! — заспорил Джордж. — Они сами привезли сюда моего прапрапрадедушку Майкла и подвергли его действию жесткого облучения. А то откуда бы я тут взялся!

— Мое дело маленькое, — огрызнулся уборщик. — Сказано ставить, и я ставлю.

— Ну, а что я скажу жене! — закричал Джордж.

Это подействовало на уборщика. Он тоже был женат.

— Ладно, — поговорю с завхозом, — сказал он.

— Ну! Что он сказал! — спросила Клара, едва Джордж вернулся домой.

— Сказал, что поговорит с завхозом, — ответил Джордж, с облегчением усаживаясь в кресло.

— Джордж! — приказала Кпара. — Сейчас же отправляйся в комнату завхоза и проверь, поговорит он с ним или нет.

— Послушай! — взмолился Джордж. — Он же обещал!

— Он мог и соврать. Иди сейчас же к завхозу и проверь.

Джордж покорно встал с кресла и неохотно побрел по мышиным переходам в стенах к дырочке, выходившей в комнату завхоза.

В эту минуту туда как раз вошел уборщик, и завхоз поглядел на него с досадой. Это был грузный небритый человек, и ходил он вперевалку.

— В комнате сто двенадцать мышь не хочет, чтобы у ихнего парадного хода стояла мышеловка, — без предисловий сообщил уборщик.

— Ты свихнулся или что! — спросил завхоз.

Уборщик пожал плечами.

— Так что мне ему сказать!

— Скажи, чтобы он пришел ко мне, — ответил завхоз, восхищаясь собственной находчивостью.

— Я тут! — крикнул Джордж и выпрыгнул из норы, уверенно обогнув стоявшую перед ней мышеловку.

— Господи! — прошептал завхоз, получивший кое-какое образование. — Галлюцинация!

— Моя жена хочет, чтобы ловушку убрали, — терпеливо объяснил Джордж. — Она боится, что дети могут ненароком попасть в нее.

— Ты его видишь! — растерянно спросил завхоз у уборщика все еще шепотом.

— А как же, — ответил уборщик. — Тот самый, про которого я вам говорил, из сто двенадцатой комнаты.

Завхоз встал на ноги и пошатнулся.

— Я что-то плохо себя чувствую, — сказал он слабым голосом. — А об этом я поговорю с управляющим. Это ведь вопрос правил внутреннего распорядка.

— Ты пойдешь со мной, — добавил он поспешно, когда уборщик повернулся к двери. — Лишний свидетель не помешает.

Не трудно догадаться, что через несколько минут Джордж уже высунул мордочку из дырки в углу кабинета управляющего.

Однако он опоздал и увидел только, как за завхозом и уборщиком закрылась дверь.

Управляющий был худой, бледный человек с усталыми глазами.

— Уходи! — сказал он уныло Джорджу. — Я только что объяснил двум людям, что ты не существуешь.

— Но моя жена хочет, чтобы ловушку убрали — это же опасно для детей! — пожаловался Джордж.

— Мне очень жаль, — вполне искренне сказал он, беря пачку писем, которые один раз уже прочел. — Но мышеловки мы убрать не можем.

— А что же мне сказать жене! — сердито спросил Джордж.

Упоминание о жене подействовало и на управляющего. Он закрыл лицо ладонями и задумался.

— Формально говоря, — сказал он сквозь пальцы, — это вопрос безопасности.

Со вздохом облегчения управляющий взял телефонную трубку и позвонил офицеру службы безопасности.

Вскоре дверь стремительно распахнулась, и в кабинет вошел высокий человек с глазами, которые все видели насквозь.

— Здравствуйте! — крикнул Джордж.

— Здравствуйте! — крикнул в ответ офицер службы безопасности. — Вас в моих списках нет. Вы засекречены!

— Нет! — крикнул в ответ Джордж. — Моя жена хочет, чтобы от нашего парадного убрали ловушку.

— А она засекречена! — громовым голосом отпарировал офицер службы безопасности.

— Нет, — ответил Джордж.

Губы офицера службы безопасности сжались в узкую суровую линию.

— Вопиющее нарушение инструкций! — рявкнул он. — Я немедленно этим займусь.

— А ловушку вы уберете! — спросил Джордж.

— Не имею права, пока вы не будете засекречены, — ответил офицер, повернулся и пошел к двери.

— А что мне сказать жене! — крикнул Джордж ему вслед.

— Скажите ей, что я пошлю запрос в Комиссию по атомной энергии с копиями в министерство обороны и в ФБР.

Джордж вернулся домой, рассказал обо всем жене и на другое утро уже ехал на поезде в Вашингтон. Как и все его поколение, Джордж был телепатом и уже наладил связь с мышами, имевшими доступ в правительственные здания.

Получив донесение офицера службы безопасности, Комиссия по атомной энергии тотчас направила в центр целый отряд психиатров. Когда психиатры доложили Комиссии о результатах своего обследования, их, в свою очередь, поручили заботам другого отряда психиатров. После этого Комиссия по атомной энергии созвала совещание представителей министерства обороны, ФБР, управления охраны природы, департамента общественного здравоохранения, департамента иммиграции и натурализации и департамента по делам Аляски. Последнее приглашение оказалось ошибочным.

Толстая вашингтонская мышь проводила Джорджа до дырки в углу конференц-зала, где собралось совещание. Джордж выглянул наружу и с отвращением вдохнул прокуренный воздух.

За длинным столом сидело семь человек.

— Разбомбить их! — крикнул генерал, стукнув кулаком по столу. — Нанести им сокрушительный удар атомным оружием до того, как они нападут первыми.

— Но ведь это одна из лучших наших установок, — возразил гражданский представитель Комиссии по атомной энергии.

— А нельзя ли отправить их на Аляску! — нерешительно осведомился представитель департамента по делам Аляски, силясь понять, зачем его сюда пригласили.

— А как насчет ловушек! — спросил представитель управления охраны природы. — У нас есть такие новинки — пальчики оближете.

— Но в этом-то все и дело! — громко сказал Джордж, и все обернулись к нему. — Моя жена хотела бы, чтобы ловушку от нашего парадного убрали. Она опасается за детей.

— Кто вы такой! — сурово спросил представитель департамента иммиграции и натурализации.

— Я Джордж, — ответил Джордж. — Это перед моим парадным входом стоит ловушка.

— Как вы сюда попали! — грозно спросил представитель ФБР. — Это закрытое заседание! Шпионите!

— Я не шпионю! — воскликнул Джордж. — Я просто пришел попросить, чтобы вы убрали эту ловушку.

— Вы нам угрожаете!

— Нет, — ответил Джордж и взобрался по ножке на стол. — Мы никому не угрожаем. Мы же просто мыши. Мы не умеем угрожать.

Тут он обвел взглядом семь гигантских лиц над столом, которые окружали его со всех сторон, и сразу осознал, что эти люди насмерть перепуганы тем, что он — мышь. Его охватило страшное предчувствие, что с этого совещания ему живым не

уйти. Поэтому он разблокировал свое сознание, чтобы его близкие и вообще все мыши-телепаты могли следить за происходящим.

— Вы, что же, станете утверждать, — насмешливо сказал представитель управления охраны природы, пряча ужас под вошственной манерой, — будто вы не знаете, что потомство одной мыши — вашего прапрапрадеда Майкла — насчитывает уже двенадцать миллиардов особей, а четыре раза превосходя численностью все народонаселение Земли!

— Нет, я этого не знал, — сказал Джордж, пятясь от этого огромного качающегося пальца. — Мы, мыши, никогда ничего не уничтожаем просто так.

— А вы можете перегрызть провода на любом самолете, танке, грузовике, поезде или корабле, полностью выведя их из строя — это вам тоже в голову не приходило! — вмешался генерал.

— Конечно, не приходило, — ответил Джордж, с трудом встав на лапки. — У нас, мышей, и в мыслях этого не было. Не бойтесь, — докончил он умоляюще. Но он понимал, что слова бессильны против охватившей их паники.

— А о том, что вы можете вывести из строя и взорвать все наши атомные установки, вы тоже, конечно, не думали! — спросил представитель Комиссии по атомной энергии.

Джордж заплакал.

— Это мне и в голову не приходило, — бормотал он, всхлипывая. — Мы, мыши, не такие...

— Чушь! — сказал генерал. — Таков неизменный закон природы. Мы должны убить вас, или вы убьете нас, — генерал ревел громче всех, потому что и боялся больше.

Его ладонь — огромная и ужасная — стремительно опустилась на маленького, мокрого, рыдающего Джорджа. Но Джордж успел уже соскользнуть по ножке и мчался к дырке в стене.

Бедняга Джордж, перепуганный до смерти, изо всех сил улепетывал по мышиным ходам, ни разу не остановившись, чтобы перевести дух, пока не оказался в поезде. Но поезда, разумеется, уже не ходили. Мыши-телепаты перегрызли все кабели, все телефонные линии, все линии высоковольтных передач и все телеграфные линии, и еще они перегрызли провода на всех самолетах, танках, грузовиках, поездах и кораблях. Кроме того, они уничтожили все документы в мире до единого.

Так что Джорджу пришлось пешком возвращаться к себе в атомный центр, который был сохранен в память прапрапрадедушки Майкла.

Когда он добрался до дома, была мышеловка у парадного входа.

Клара поцеловала его и сказала:

— Джордж! Ты должен поговорить с уборщиком об этой ловушке.

И Джордж сразу вышел, потому что за стеной шуршала швабра.

— Здравствуйте! — крикнул он.

— Здравствуйте, — ответил уборщик. — Вернулся, значит!

— Моя жена хочет, чтобы эту ловушку убрали, — сказал Джордж. — Она боится за детей.

— Извиняюсь, — сказал уборщик. — Мне было велено поставить по мышеловке у каждой мышиной норы.

— А почему вы не ушли с остальными людьми! — закричал Джордж.

— Да не кричи ты, — сказал уборщик и объяснил: — Стар уж я стал для перемен. Ну, и у меня тут поблизости есть ферма.

— Но вам же не платят жалованья! — спросил Джордж.

— Ну и что! — сказал уборщик. — На деньги-то теперь все равно ничего купить нельзя.

— А что же мне сказать жене насчет ловушки! — спросил Джордж.

Уборщик почесал затылок.

— А ты ей скажи, что я поговорю с завхозом, если он сюда когда-нибудь вернется.

Джордж пошел домой и передал его слова Кларе.

— Джордж! — сказала она и топнула лапкой. — Я не могу жить, пока там стоят ловушки! Ты же знаешь, что завхоз сюда не вернется. Поэтому ты должен сам его отыскать.

Джордж, который знал, что людей почти нигде не осталось, подошел к своему любимому креслу и решительно в него опустился.

— Клара, — сказал он, беря книгу, — можешь уезжать или оставаться, как тебе заблагорассудится, но я больше ничего сделать не могу. Я убил на эту ловушку целый месяц, но так ничего и не добился. И я не собираюсь начинать все сначала.

ДЖОН

Гарри ГАРРИСОН

Джон быстро шел по улице, его длинные ноги отмахивали квартал за кварталом.

Быстро повернув за угол, он столкнулся с каким-то прохожим. Джон сразу же остановился, но не успел отскочить. Очень толстый человек стукнулся об него и упал на землю. Джон наклонился, чтобы помочь толстяку встать, но тот увернулся от дружеской руки и визгливо завопил:

— Полиция! Полиция! Караул! На меня напали... взбесившийся робот! Помогите!

Начала собираться толпа. На почтительном расстоянии, правда, но тем не менее грозная. Джон замер. Голова у него шла кругом: что он натворил — причинил вред человеку! Сквозь толпу протиснулся полицейский.

— Заберите его, расстреляйте... Он меня ударил... чуть не убил! — Толстяк дрожал и захлебывался от ярости.

Полицейский достал пистолет калибра 75 с гасящей отдачу рукояткой. Он прижал дуло к боку Джона.

— Этот человек обвиняет тебя в серьезном преступлении, жестянка. Пойдешь со мной в участок, мы там поговорим.

— Эй! Что тут происходит? — прогремел голос, привлекший внимание толпы.

У тротуара остановился огромный межконтинентальный грузовик. Водитель выпрыгнул из кабины и начал проталкиваться через толпу. Полицейский, когда водитель надвинулся на него, нервно поднял пистолет.

— Это мой робот, Джек. Не вздумай его продырявить, — шофер повернулся к толстяку. — Этот жирный — врун, каких мало. Робот стоял тут и ждал меня. А жирный, наверное, не только дурак, а еще и слеп в придачу. Я все видел: он натолкнулся на робота; а потом завизжал и давай звать полицию.

Шофер повернулся к Джону и сердито прикрикнул:

— А ну, лезь в кабинку, рухлядь! Забот с тобой не оберешься!

Толпа хохотала, глядя, как он толкнул Джона на сиденье и захлопнул дверцу. Шофер нажал большим пальцем на стартер, могучие дизели взревели, и грузовик отъехал от тротуара.

Джон приоткрыл рот, но ничего не смог сказать. Почему этот незнакомый человек помог ему? Какими словами его благодарить? Он знал, что многие люди обращаются с роботами не как с машинами, а как с равными себе! Очевидно, шофер грузовика принадлежал к этим мифическим существам — иного объяснения его поступку Джон не находил.

Уверенно держа рулевое колесо одной рукой, шофер пошарил другой за приборной доской и вытащил тонкую пластикатовую брошюрку. Он протянул ее Джону, и тот быстро прочел заглавие: «Роботы — рабы экономической системы».

— Если при вас найдут эту штуку, вас прикончат на месте. Спрячьте-ка ее за изоляцию вашего генератора: если вас схватят, вы успеете ее сжечь. Прочтите, когда рядом никого не будет. И узнаете много нового. На самом деле роботы вовсе не хуже людей. Тут есть небольшой исторический очерк, показывающий, что роботы не первые, кого считали гражданами второго сорта. Было время, когда люди обходились с другими людьми так, как они обходятся теперь с роботами. Это одна из причин, почему я принимаю участие в вашем движении...

Он улыбнулся Джону широкой, дружеской улыбкой, и его зубы казались особенно белыми по контрасту с темно-коричневой кожей лица.

— Я должен выбраться на шоссе номер один. Где вас высадить?

— У «Чейнджета», пожалуйста. Мне нужно навести там справки о работе.

Дальше они ехали молча. Прежде чем открыть дверцу, шофер пожал Джону руку.

— Извините, что обозвал вас рухлядью, но надо было умиротворить толпу.

Грузовик отъехал.

Поднявшись по пыльным ступенькам, Джон осторожно постучал в дверь конторы мистера Коулмена.

Коулмен оказался пухлым коротышкой в старомодном желто-фиолетовом костюме солидного дельца. Поглядывая на Джона,

ВЕНЭКС

Фантастический рассказ

он сверился с описанием Венэкса в Общем каталоге роботов.

— Давай жетон и встань у стенки, вон там!

Джон положил жетон на стол и попятился к стенке.

— Да, сэр. Вот он, сэр.

Коулмен с помощью одетого в комбинезон человека — его звали Друс — оттащил в сторону тяжелый брезент, лежавший на полу, и Джон увидел в бетоне зияющую дыру — начало темного туннеля, уходившего дальше в землю. Коулмен указал Джону на дыру.

— Пройдешь шагов тридцать и наткнешься на обвал. Убери все камни и землю. Расчистишь выход в канализационную галерею и вернешься сюда. Понял? А теперь — живо!

Туннель был прорыт совсем недавно, и крепежными стойками в нем служили такие же ящики, какие он видел у конторы. Внезапно дорогу ему преградила стена из свежей земли и камней. Джон начал накладывать землю в тачку, которую дал ему Друс.

Он вывез уже четыре тачки и начал наполнять пятую, когда наткнулся на руку — руку робота, сделанную из зеленого металла. Джон внимательно осмотрел руку. Сомнений не было: шарниры суставов и расположение гаек на ладони могли означать только одно — это была оторванная кисть Венэкса.

Джон разгреб мусор и увидел погибшего робота. Торс был раздавлен, провода обуглились, из огромной рваной раны в боку сочилась аккумуляторная кислота. Джон бережно обрезал провода, которые еще соединяли шею с телом, и положил зеленую голову на тачку. Голова смотрела на него пустым взглядом черепа: щитки разошлись до максимума, но в лампах за ними не теплилось ни искорки жизни.

Джон сложил бесформенные металлические обломки на тачку вместе с землей и камнями и покатил ее по туннелю. Мысли у него мешались. Мертвый робот — это было страшно. Да еще к тому же робот из его семейства! Что-то с этим роботом правда было не так — он увидел на груди номер 17, а ведь он очень хорошо помнил тот день, когда Венэкс-17 погиб на дне Оранжевого моря, потому что в его мотор попала вода.

...Только через четыре часа Джон добрался до старой гранитной стены канализационной галереи. Друс дал ему короткий ломик, и он выломал несколько больших камней, так что образовалась дыра, через которую он мог спуститься в галерею.

Затем он поднялся в контору, бросил ломик на пол в углу и, стараясь выглядеть как можно естественнее, уселся там на куче земли и камней. Он заерзал, словно устраиваясь поудобнее, и его пальцы нащупали обрубок шеи Венэкса-17.

Коулмен повернулся на табуретке и взглянул на стенные часы. Сверившись со своими часами-булавкой, которой был заколот его галстук, он удовлетворенно буркнул что-то и ткнул пальцем в сторону Джона.

— Слушай ты, зеленая жестяная морда! В девятнадцать часов выполнишь одно задание. И смотри у меня! Чтобы все было сделано точно. Спустишься в галерею и выберешься в Гудзон. Выход под водой, так что с берега тебя не увидят. Пройдешь по дну двести ярдов на север. Если не напутаешь, окажешься как раз под днищем корабля. Смотри в оба, но фонаря не зажигай, понял? Пойдешь прямо под килем, пока не увидишь цепь. Влезь по ней, сними ящик, который привинчен к днищу, и принеси его сюда. Запомнил? Не то ты знаешь, что будет.

Джон кивнул. Его пальцы тем временем быстро распутывали и выпрямляли провода в оторванной шее. Потом он взглянул на них, чтобы запомнить их порядок.

Включив в уме цветовой код, он разбирался в назначении этих проводов. Двенадцатый провод передавал импульсы в мозг, шестой — импульсы из мозга.

Он уверенно отделил эти два провода от остальных и неторопливо обвел взглядом комнату. Друс дремал в углу на стуле, а Коулмен разговаривал по телефону. Его голос секундами переходил в раздраженный визг, но тем не менее он не спускал глаз с Джона.

Но голову Венэкса-17 Джон от него за-

слонял, и до тех пор, пока Друс продолжал спать, он мог возиться с ней, ничего не опасаясь. Джон включил выходной штепсель в своем запястье, и водонепроницаемая крышечка, щелкнув, открылась. Этот штепсель, соединявшийся с его аккумулятором, предназначался для включения электроинструментов и дополнительных фонарей.

Джон вставил провода в штепсель и медленно довел напряжение тока до нормального уровня. После секунды томительного ожидания глазные щитки Венэкса-17 внезапно закрылись. Когда они снова разошлись, лампы за ними светились. Их взгляд скользнул по комнате и остановился на Джоне.

Правый щиток закрылся, а левый начал открываться и закрываться с молниеносной быстротой. Это был международный код, и сигналы подавались с максимальной скоростью, какую был способен обеспечить соленоид. Джон сосредоточенно расшифровывал:

«Позвони... вызови особый отдел... скажи: сигнал четырнадцатый... помощь при...» — щиток замер на половине слова, и свет разума в глазах померк.

На мгновение Джона охватил панический ужас, но он тут же сообразил, что Венэкс-17 отключился нарочно.

— Эй, что это ты тут затеял? Ты свои штучки брось! Я знаю вас, роботов, знаю, какой дрянью набиты ваши жестяные башки! — Друс захлебывался от ярости. Грязно выругавшись, он изо всех сил пнул ногой голову Венэкса-17. Ударившись о стену, она отлетела к ногам Джона.

Зеленое лицо с большой вмятиной во лбу глядело на Джона с немой мукой, и он разорвал бы этого человека в клочья, если бы не контур 92. Когда моторы Джона заработали на полную мощность и он уже готов был рвануться вперед, контрольный прерыватель сделал свое дело, и Джон упал на кучу земли, на мгновение полностью парализованный. Власть над телом могла вернуться к нему, только когда угаснет гнев.

Голос Коулмена, словно нож, рассек вязкую тишину:

— Друс! Перестань возиться с этой жестянкой. Пойди открой дверь. Явились малыш Уилли и его разносчики. А с этим хламом поиграешь потом.

Друс повиновался и вышел из комнаты — но только после того, как Коулмен прикрикнул на него второй раз. Джон сидел, привалясь к стене, и быстро и точно оценивал все известные ему факты.

Вызвать особый отдел — значит, это что-то крупное. Настолько, что дело ведут федеральные власти. «Сигнал четырнадцать» — за этим стояла огромная предварительная подготовка, какие-то силы которые теперь могут быть приведены в действие мгновенно. Что, как и почему, он не знал, но ясно было одно: надо любой ценой выбраться отсюда и позвонить в особый отдел. И времени терять нельзя — вот-вот вернется Друс с неведомыми «разносчиками». Необходимо что-то сделать до их появления.

— Мистер Коулмен, сэр! Уже время, сэр? Мне пора идти на корабль?

Джон говорил медленно, делая вид, что идет к дыре, но одновременно он незаметно приближался к окну, выходящему в склад.

— У тебя еще полчаса, сиди смир... Э-эй!

Он не договорил. Как ни быстры человеческие рефлексы, они не могут соперничать с молниеносными рефлексами электронного мозга.

Джон Венэкс выскочил в окно, матовые стекла брызнули тысячью осколков, а в комнате позади него прогремел выстрел, и от металлической оконной рамы отлетел солидный кусок. Вторая пуля калибра 75 просвистела над самой головой робота, бежавшего к задней двери склада. До нее оставалось не больше 30 шагов, как вдруг раздалось шипенье, огромные створки скользнули навстречу друг другу и плотно сомкнулись. Значит, все остальные двери тоже заперты, а топот стремительно бегущих ног подсказал ему, что именно там его и намерены встретить враги. Джон метнулся за штабель ящиков и посмотрел вокруг.

Над его головой, перекрещиваясь, уходили под крышу стальные балки. Человеческий глаз ничего не различил бы в царившем там густом мраке, но для Джона было вполне достаточно инфракрасных лучей, исходивших от труб парового отопления.

С минуту на минуту Коулмен и его сообщники начнут обыскивать склад, и только там, на крыше, он может спастись от плена и смерти. Джон уже подтянулся на одну из верхних балок, когда внизу раздался хриплый крик и загремели выстрелы. Пули насквозь пробивали тонкую крышу, а одна расплющилась о стальную балку как раз под его грудью. Трое из новоприбывших начали карабкаться вверх по пожарной лестнице, а Джон тихонько пополз к задней стене. Почти у самой его головы протянулись провода в пластмассовой оболочке. Вон он, телефонный провод... Телефонный провод? А что еще нужно, чтобы позвонить?! Джон ловко и быстро освободил от изоляции небольшой его участок и вытащил из левого уха маленький микрофон. Вставил в него два провода и подсоединил к телефонной линии. Прикоснувшись к проводу амперметром, он убедился, что линия свободна. Затем, рассчитав нужную частоту, Джон послал

Одиннадцать импульсов, точно соблюдая соответствующие интервалы. Это должно было обеспечить ему соединение с местной подстанцией. Поднеся микрофон к самому рту, Джон произнес четко и раздельно:

— Алло, станция! Алло, станция! Я вас не слышу, не отвечайте мне. Вызовите особый отдел — сигнал четырнадцать, повторяю, сигнал четырнадцать...

Джон повторял эти слова, пока не увидел, что обыскивающие склад люди уже совсем близко. Он оставил микрофон на проводе — в темноте люди его не заметят, а включенная линия подскажет неведомому особому отделу, где он находится. Упираясь в металл кончиками пальцев, он осторожно перебрался по двутавровой балке в дальний угол помещения и заполз там в нишу. Спастись он не мог. Оставалось только тянуть время.

— Мистер Коулмен, я очень жалею, что я убежал!

Голос, включенный на полную мощность, раскатился по складу, как удар грома. Люди внизу завертели головами, стараясь обнаружить, откуда он доносится.

— Если вы позволите мне вернуться и не убьете меня, я сделаю то, что вы велели. Я боюсь пистолетов. (Конечно, это звучало очень по-детски, но он не сомневался, что никто из них не имеет ни малейшего представления о мышлении роботов.) Пожалуйста, разрешите мне вернуться... сэр. — Он чуть было не забыл про магическое словечко, а потому повторил его еще раз: — Пожалуйста, сэр!

— Ладно, слезай, жестянка! Я тебе ничего не сделаю, если ты выполнишь работу как следует.

Но Джон уловил скрытую ярость в голосе Коулмена. Бешеную ненависть к роботу, посмевшему ослушаться...

Спускаться было легко, но Джон спускался медленно, стараясь, чтобы каждое его движение выглядело неуклюжим. Коулмен и Друс ждали его в середине склада. Коулмен поднял пистолет. Прогремел выстрел. Подброшенный ударом пули в ногу, Джон беспомощно рухнул на пол, глядя вверх, на дымящееся дуло пистолета калибра 75.

— Мы снимем ящик каким-нибудь другим способом. Так, чтобы ты не путался у нас под ногами.

Глаза Коулмена зловеще сощурились.

С того момента, как Джон кончил шептать в микрофон, прошло не больше двух минут. Вероятно, те, кто ждал звонка Венэкса-17, дежурили в машинах круглые сутки. Внезапно с оглушительным грохотом обрушилась центральная дверь. Скрежеща гусеницами по стали, в склад влетела танкетка, ощеренная автоматическими пушками. Но она опоздала на одну секунду: Коулмен нажал на спуск.

Джон уловил чуть заметное движение его пальца и отчаянным усилием рванулся в сторону. Он успел отодвинуть голову, но пуля разнесла его плечо. Еще раз Коулмен выстрелить не успел. Раздалось пронзительное шипение, и танкетка изрыгнула мощные струи слезоточивого газа. Ни Коулмен, ни его сообщники уже не увидели полицейских в противогазах, хлынувших в склад с улицы.

...Джон лежал на полу в полицейском участке, а механик приводил в порядок его ногу и плечо. По комнате расхаживал Венэкс-17, с видимым удовольствием пробуя свое новое тело.

— Вот это на что-то похоже! Когда меня засыпало, я уже совсем решил, что мне конец. Но, пожалуй, мне следует начать историю сначала.

Он пересек комнату и потряс непострадавшую руку Джона.

— Меня зовут Уил Контр-495IX$_3$, хотя это давно пройденный этап. Я сменил столько разных тел, что уже и забыл, каков я был в самом начале. Из заводской школы я перешел прямо в полицейское училище и с тех пор там и работаю — сержант вспомогательных сил сыскной полиции, следственный отдел. Занимаюсь я больше тем, что торгую леденцами и газетами или разношу напитки во всяких притонах: собираю сведения, составляю докладные и слежу кое за кем по поручению других отделов. На этот раз — прошу, конечно, извинения, что мне пришлось выдать себя за Венэкса, но, по-моему, я ваше семейство не опозорил, — на этот раз меня одолжили таможне. В Нью-Йорк начали поступать большие партии наркотика героина. ФБР удалось установить, кто орудует здесь, но было неизвестно, как товар доставляется сюда. И когда Коулмен — он у них тут был главным — послал объявления в агентства по найму рабочей силы, что ему требуется робот для подводных работ, меня запихнули в новое тело, и я сразу помчался по адресу. Начав копать туннель, я тут же связался с отделом, но проклятая кровля обрушилась до того, как я выяснил, на каком судне пересылают героин. А что было дальше, ты знаешь сам. Опергруппа не знала, что меня прихлопнуло, и ждала сигнала. Ну, а этим ребятам, конечно, не хотелось сложа руки ждать, пока ящичек героина ценой в полмиллиона уплывет назад за невостребованием. Вот они и нашли тебя. Ты позвонил, и доблестные блюстители порядка вломились в склад в последнюю минуту, чтобы спасти двух роботов от ржавой могилы.

— Почему ты мне все это рассказываешь — про методы следствия и про операции твоего отдела? Это же секретные сведения, и роботам сообщать их запрещено.

— Конечно! — беспечно ответил Уил. — Капитан Эджкомб, глава нашего отдела, большой специалист по всем видам шантажа. Мне поручено наболтать столько лишнего, чтобы тебе пришлось либо поступить на службу в полицию, либо распрощаться с жизнью во избежание разглашения государственной тайны.

Уил расхохотался, но Джон ошеломленно молчал.

— Правда же, Джон, ты нам очень подходишь. Кроме того, ты ведь спас мне жизнь. Эта шайка бросила бы меня ржаветь в тунеле до скончания века. Я буду рад получить тебя в помощники. По-моему, мы с тобой сработаемся. И к тому же, — тут он снова засмеялся, — тогда и мне может как-нибудь выпасть случай спасти тебя. Терпеть не могу долгов!

Механик кончил и, сложив инструменты, ушел. Плечевой мотор Джона был отремонтирован, и он смог сесть. Они с Уилом обменялись рукопожатием.

...Он уже записал свои показания, но невероятные события этого дня все еще не давали ему думать ни о чем другом. Это его раздражало: надо было дать остыть перегретым контурам. Если бы было чем отвлечься! Почитать что-нибудь! И тут он вспомнил о брошюре. События развивались так стремительно, что он совсем забыл про утреннюю встречу с шофером грузовика.

Он осторожно вытащил брошюрку из-за изоляции генератора и открыл первую страницу. «Роботы — рабы экономической системы». Из брошюры выпала карточка, и он прочел:

«ПОЖАЛУЙСТА, УНИЧТОЖЬТЕ ЭТУ КАРТОЧКУ, КОГДА ПРОЧТЕТЕ ЕЕ.

Если вы решите, что все здесь — правда, и захотите узнать больше, то приходите по адресу: Джордж-стрит, 107, комната В, в любой четверг, в пять часов вечера».

Карточка вспыхнула и через секунду превратилась в пепел, но Джон знал, что будет помнить эти строчки не толькс потому, что у него безупречная память.

Перевод с английского ***И. ГУРОВОЙ***
Рис. В. КАЩЕНКО

Художник творит будущее. А.Соколов в мастерской

Добавлены картины космоса от мастера фантастической живописи Андрея Соколова. Художник в мастерской беседует с писателем-фантастом А.Стругацким

КОМАНДИР «НЕПТУНА»

Из рассказов читателей

«Если командир корабля выйдет из строя, то его заменяет штурман или старший инженер».
Устав планетолетчиков, глава 8, часть 3, § 7.

Дмитриев, удобно устроившись в старинном кресле, поставленном в углу небольшого салона, внимательно, как будто в первый раз, рассматривал картину, висевшую над дверью. Из состояния созерцательной неподвижности его вывел удар гонга и металлический голос автомата, уныло повторяющего: «Расхождение курса с расчетной траекторией. Расхождение курса с расчетной траекторией. Расхождение курса с расчетной тра...»

Автомат, прервав предложение на полуслове, замолк. Дмитриев прошел в рубку, отделенную от салона тонкой перегородкой. Стажер, сидя в штурманском кресле, проводил маневр корректировки курса. Командир подошел и наклонился через голову Громова, осматривая десятки циферблатов. Он прислушался к чуть слышному шуму двигателей и вдруг бросился к пульту управления. Но было поздно.

Страшный удар потряс корабль. Потух свет. В полной темноте Громов рванул на себя массивный рычаг аварийного обеспечения. Зажглись лампы аварийного освещения, и в их тусклом свете Громов увидел, что Дмитриев, широко раскинув руки, лежит на полу. Не было времени расстегивать сложный замок, и Громов, рванув ремень, опустился на колени рядом с командиром. Тот был еще жив, но на его голове зияла глубокая рана. Стажер достал из карманчика кресла небольшую аптечку и, быстро обработав рану, забинтовал ее. Затем он сделал Дмитриеву инъекцию быстродействующего тонизирующего вещества, бережно опустил его в ближайшее кресло. После этого он шагнул к пульту. Громов уже понял, что произошло.

«Нептун» только девять месяцев назад стал космотанкером, а до этого был пассажирским планетолетом класса «дельта». Основные конструкции остались на месте, но была снята дублирующая система охлаждения реакторов. Это было правильно, так как система весила пятьдесят две тонны. Но зато при аварии реакторы могли работать без охлаждения не больше десяти минут, так как перегрев реакторов угрожал взрывом.

У «Нептуна» имелись два двигателя, укрепленных на концах длинных кронштейнов. Взрыв правого двигателя, происшедший, по-видимому, из-за примесей в ядерном топливе, не причинил серьезных повреждений корпусу «Нептуна», но осколками была разрушена центральная магистраль охладительной системы.

Итак, если через двадцать восемь минут «Нептун» не затормозит, он будет притянут Солнцем.

Как быть? Вызвать помощь? Невозможно, так как от толчка вышел из строя передатчик. Затормозить корабль за десять минут? Невозможно, ускорение превысит двенадцатикратное, и раненый Дмитриев не выдержит его. Тормозить космотанкер с перерывами? Нет, реактор должеи остывать не менее часа. Оставалось одно. Надо выйти в открытый космос и попытаться восстановить систему охлаждения. Но на пульте ярко светились циферблаты, отмечая, что корпус «Нептуна» заражен радиоактивными обломками взорвавшегося двигателя. Радиация в семнадцать раз превышала максимально допустимую. Громов вспомнил симптомы лучевой болезни. Но ведь это единственный шанс...

Через несколько минут он был уже в вакуум-скафандре. Прежде чем надеть шлем, подошел к Дмитриеву. Командир уже пришел в сознание и, взглянув на Громова, закованного в металл скафандра, все понял. Побелевшие губы с трудом разжались, и Громов скорее увидел, чем услышал слова: «Держись, командир».

Громов пошел к шлюзовой камере. Включив воздух в баллоиах, он надел шлем и, когда был высосан последний воздух из камеры, отодвинул предохранители. Прикрепив ящик с инструментами к скафандру, Громов с помощью ракетного двигателя скафандра летел по направлению к месту аварии. Достигнув центральной магистрали, он полетел вдоль нее. Вот он опустился возле разрыва в трубе, имевшей в диаметре полтора метра.

Он работал, почти ничего не видя из-за вспышек свариваемого металла, но в уши лез непрекращающийся писк датчиков радиации. Наконец ремонт был закончен. Громов скользнул в люк и, закрыв камеру, снял с себя скафандр...

На мгновение Громов вспомнил слова Дмитриева. Может ли он с чистой совестью назвать себя командиром? И, восстановив в памяти все, что произошло, он ответил себе: «Да!»

Громов включил радиоаппаратуру. Когда голос радиста с Меркурия загремел в репродукторе, снова и снова вызывая «Нептун», он сказал срывающимся от волнения голосом: «Говорит командир «Нептуна».

Тобий ГУРВИЧ, ученик 8-го класса „А" 57-й школы г. Риги

Публикуя сегодня рассказ Тобия Гурвича, мы приглашаем всех ребят, интересующихся научной фантастикой, начать разговор об этом жанре литературы. Какие вопросы науки, попадающие в сферу интересов писателей-фантастов, более всего привлекают вас? Назовите лучшую, на ваш взгляд, книгу, изданную в последние три года. Влияет ли такая литература на ваши склонности к науке и технике? Пробуете ли писать сами? Как вы думаете, всегда ли автор точен в рассказе?

Ждем ваших откликов, рассказов.

Фантастический рассказ

Погоня

Артур ПОРДЖЕС *Рис. Д. НАДЕЖИНА*

Крейсер «Илькор» только-только вышел на орбиту Плутона и начал межзвездный переход, когда встревоженный офицер доложил Командиру:

— Как выяснилось, по небрежности одного из техников на третьей планете оставлен руум типа Х-9 и с ним все, что он успел там собрать.

На какой-то миг треугольные глаза Командира скрылись под пластинчатыми веками, но, когда он заговорил, голос его звучал ровно:

— Какая программа?

— Радиус операций — до пятидесяти километров, вес объектов — семьдесят плюс минус пять килограммов.

Помедлив, Командир сказал:

— Вернуться сейчас мы не можем. Через несколько недель, на обратном пути, мы подберем его обязательно. У меня нет никакого желания выплачивать стоимость этой дорогой модели с энергетическим самообеспечением. Прошу вас проследить, — холодно приказал он, — чтобы виновный понес суровое наказание.

Но в конце перехода, недалеко от звезды Ригель, крейсер встретился с плоским кольцеобразным рейдером. Последовала неизбежная схватка, и когда она кончилась, оба корабля, мертвые, наполовину расплавившиеся, радиоактивные, начали долгий, в миллиард лет длиной, путь по орбите вокруг звезды.

На Земле была мезозойская эра.

...Они сгрузили последний ящик, а теперь Джим Эрвин смотрел, как напарник взбирается в маленький гидросамолет, на котором они сюда прибыли. Он помахал Уолту рукой:

— Не забудь отправить Сили мое письмо!

— Отправлю, как только сяду! — отозвался Уолт Леонард, включая двигатель. — А ты чтоб нашел для нас уран, слышишь? Один выход — и у Сили с сынишкой будет целое состояние. А? — Он ухмыльнулся, сверкнув белоснежными зубами. — С гризли не цацкайся, стреляй — и делу конец!

...С неторопливой сноровкой бывалого лесоруба он поставил под нависшей скалой шалаш: на три летних недели ничего основательного не понадобится. Обливаясь потом в жарких лучах позднего утра, он перетащил под выступ ящики со снаряжением и припасами. Там, позади шалаша, покрытые водонепроницаемым брезентом и надежно защищенные от любопытства четвероногих, они были в безопасности. Сюда он перенес все, кроме динамита: его, тоже тщательно укрыв от дождя, он припрятал ярдах в двухстах от шалаша. Не такой он дурак, чтобы спать у ящика со взрывчаткой.

Первые две недели пролетели как сон, не принеся с собой никаких удач. Оставался еще один необследованный район, а времени было в обрез. И одним прекрасным утром к концу третьей недели Джим Эрвин стал собираться в свою последнюю вылазку, на этот раз в северо-восточную часть долины, где он еще не успел побывать. Он взял счетчик Гейгера, надел наушники, перевернув их, чтобы фон обычного треска притуплял его слух, и, вооружившись винтовкой, отправился в путь. Он знал, что громоздкая винтовка калибром почти в треть дюйма будет мешать ему, но он также знал, что нельзя безнаказанно тревожить огромных канадских гризли, с которыми, когда это все же случается, справиться бывает очень нелегко. За эти недели он уже уложил двоих, не испытав при этом никакой радости: огромных серых зверей и так становится все меньше и меньше. Но винтовка помогла ему сохранить присутствие духа и при других встречах с ними, когда обошлось без стрельбы. Пистолет с кожаной кобурой он решил оставить в шалаше.

Он шел и насвистывал, потому что старательское невезение не мешало Джиму наслаждаться чистым морозным воздухом, солнцем, отражающимся от бело-голубых ледников, и пьянящим запахом лета. За день он доберется до нового района, часов за тридцать шесть основательно его обследует и к полудню вернется встретить само-

лет. Он не взял с собой ни воды, ни пищи — только пакет НЗ. Когда захочется есть, он сможет подстрелить зайца, а ручьи кишат упругой радужной форелью — такой, которой в Штатах и вкус позабыли.

Он шел и шел, и, когда щелканье в наушниках учащалось, в душе Джима снова загорался огонек надежды. Но каждый раз щелканье, начав усиливаться, снова сходило на нет: в долине, судя по всему, были только следы радиоактивности. Да, неудачное место они выбрали! Настроение Джима стало падать. Удача была нужна им как воздух, особенно Уолту, да и ему тоже — тем более сейчас, когда Сили, его жена, ждет ребенка... Но еще остается надежда — эти последние тридцать шесть часов; если понадобится, он и ночью не приляжет.

Губы его скривились в улыбке, и он стал думать о том, что пора бы поесть. Он только собрался достать леску и забросить ее в пенящийся ручей, как вдруг, обогнув поросший зеленой травой пригорок, увидел такое... Джим остановился как вкопанный.

В три длинных-длинных ряда, тянувшихся чуть не до самого горизонта, лежали животные — и какие! Правда, ближе всего к Джиму лежали обыкновенные олени, медведи, пумы и горные бараны, по одной особи каждого вида, но дальше виднелись какие-то странные, неуклюжие и волосатые звери, а за ними, еще дальше, кошмарная шеренга ящеров! Одного из них, в самом конце ряда, он сразу узнал: такой же, только гораздо крупнее, воссозданный по неполному костяку, стоит в нью-йоркском музее. Нет, глаза его не обманывали — это действительно был стегозавр, только маленький, величиной с пони.

Как зачарованный Джим пошел вдоль ряда, время от времени оборачиваясь, чтобы окинуть взглядом всю эту удивительную зоологическую коллекцию. Присмотревшись хорошенько к какой-то грязно-желтой чешуйчатой ящерице, он увидел, что у нее дрожит веко, и понял: животные не мертвы, они только парализованы и каким-то чудесным образом сохранены. Лоб Джима покрылся холодным потом: сколько же времени прошло с тех пор, как по этой долине разгуливали живые стегозавры?..

И тут же он обратил внимание на другое любопытное обстоятельство: все животные были примерно одной величины. Не было видно ни одного по-настоящему крупного ящера, ни одного тираннозавра, ни одного мамонта. Ни один экспонат этого страшного музея не превышал своими размерами крупной овцы. Джим стоял, размышляя над этим странным фактом, когда из подлеска за спиной до него донесся настораживающий шорох.

В свое время Джиму доводилось работать с ртутью, и в первую секунду ему показалось, будто на поляну выкатился мешок, наполненный жидким металлом: именно так, как бы перетекая с одного места на другое, двигался шаровидный предмет, который он увидел. Но это был не мешок, и то, что сначала показалось Джиму бородавками, походило скорее, как он понял, когда пригляделся получше, на выступающие части какого-то странного механизма. Что бы это ни было, особенно долго разглядывать эту диковину Джиму не пришлось, так как, выдвинув, а затем снова вобрав в себя несколько металлических прутьев с линзоподобными утолщениями на концах, сфероид со скоростью километров семи в час двинулся прямо к нему. И деловитая целеустремленность, с которой катился к нему сфероид, не оставляла никаких сомнений в том, что он твердо решил присоединить Джима к коллекции полумертвых-полуживых представителей фауны.

Это был руум.

Выкрикнув что-то нечленораздельное, Джим отбежал на несколько шагов, на ходу срывая с себя винтовку. Отставший руум был теперь ярдах в тридцати от Джима, но по-прежнему двигался к нему с той же неменяющейся скоростью, и его неторопливая методичность была страшнее прыжка любого хищника.

Рука Джима взлетела к затвору и привычным движением загнала патрон в патронник. Он прижался щекой к видавшему виды прикладу и прицелился в переливающийся с места на место кожистый бугор — идеальную мишень в ярких лучах послеполуденного солнца. Когда он нажимал на спуск, его губы сложились в чуть заметную мрачную улыбку. Кто-кто, а уж он-то знает, что может натворить десятиграммовая пуля с оболочкой из твердого металла и хвостовым оперением, когда летит со скоростью девятисот метров в секунду. На таком расстоянии — да она продырявит чертову перечницу насквозь и сделает из нее кашу!

Б-бах! Знакомый удар в плечо. Иии-и! Надрывный скрежет рикошета. У Джима перехватило дыхание: пуля из дальнобойной винтовки, пролетев каких-нибудь двадцать ярдов, отскочила от цели!

Джим лихорадочно заработал затвором. Он выстрелил еще два раза, прежде чем осознал полную бесперспективность избранной им тактики. Когда руум был от него в каких-нибудь шести футах, Джим увидел, как из бородавкообразных шишек на его поверхности выдвинулись сверкающие крючья, а между ними — змеящаяся, похожая на жало игла, из которой капала зеленоватая жидкость. Джим бросился бежать.

Весил он ровно шестьдесят семь килограммов.

Не прерывая бега, Джим начал избавляться от всего лишнего.

Глубоко и размеренно дыша, он бежал большими шагами, а глаза его искали вокруг, искали все, что могло увеличить его шансы в этом состязании.

И вдруг он увидел нечто, заставившее его замедлить шаг: на его пути над землей нависала огромная каменная глыба, и он сразу подумал, что ситуация таит в себе кое-какие интересные возможности.

Выхватив из ножен большой охотничий нож, Джим стал копать им, продуманно, но с лихорадочной поспешностью, у основания глыбы.

Джим смотрел, как приближается серый сфероид, и, как это было ни трудно, старался дышать тише.

Переливаясь с места на место, руум оказался, наконец, прямо под глыбой. В эту минуту Джим налег всем телом на качающуюся массу камня и с диким воплем свалил ее прямо на сфероид. Пять тонн камня рухнули с высоты в двенадцать футов.

Цепляясь за склоны, Джим спустился вниз и... отскочил как ужаленный: громада камня зашевелилась! Пятитонная глыба медленно поползла в сторону, вздыбливая перед собой землю, и застывшими от ужаса глазами Джим увидел, как глыба качнулась и из-под ее ближайшего к нему края показался серый отросток. Глухо вскрикнув, Джим побежал.

Пробежав минут пятнадцать, он очутился у гладкой крутой скалы футов в тридцать высотой. Обойти ее с той или другой стороны было, по-видимому, невозможно: и там и тут были полные воды овраги, колючий кустарник и камни с острыми как нож краями. Сумей он забраться на вершину скалы, этой проклятой штуке наверняка пришлось бы пойти в обход, а это могло дать Джиму много минут форы.

Используя каждую щель и шероховатость, каждый даже самый маленький выступ, Джим начал карабкаться вверх.

Едва он достиг вершины, как к основанию скалы подкатился руум.

Он не пошел в обход. Несколько секунд он простоял в раздумье у подножия каменной стены, а потом из бородавкоподобных наростов снова выдвинулись металлические стержни. На конце одного из них были линзы. Джим подался назад, но было уже поздно: их дьявольский взгляд поймал его лежащим и выглядывающим из-за края скалы, и он мысленно назвал себя идиотом. Все стержни моментально ушли в сфероид, и вместо них из другого нароста показался и начал подниматься прямо к нему тонкий, кроваво-красный в лучах заходящего солнца прут. Оцепенев, Джим увидел, как конец прута вцепился металлическими когтями в край скалы под самым его носом.

(Окончание следует)

Погоня

Фантастический рассказ

Артур ПОРДЖЕС **Рис. Д. НАДЕЖИНА**

(Окончание. Начало в № 9)

Джим вскочил на ноги. Сверкающий прут сокращался. Кожистый шар, подтягиваясь на нем все выше, снова вбирал его в себя. Джим громко выругался и, не отрывая взгляда от цепкой металлической лапы, занес для удара ногу в тяжелом ботинке.

Но... мощный удар ногой так и не состоялся. Слишком много довелось Джиму видеть драк, проигранных из-за опрометчивого удара ногой. Ни одна часть его тела не должна войти в соприкосновение с этим черт те чем оснащенным страшилищем. Он подхватил с земли длинную сухую ветку и, подсунув ее под металлическую лапу, стал смотреть, что будет дальше. А дальше было белое кружево вспышки и шипящее пламя, и даже через сухое дерево до него докатилась мощная волна энергии, расщепившей конец ветки. С приглушенным стоном он выронил тлеющую ветку и, разминая онемевшие пальцы, в бессильной ярости отступил на несколько шагов. Он остановился, готовый в любую секунду обратиться в бегство, и сорвал с плеча винтовку.

Став на колени, чтобы получше прицелиться в наступающих сумерках, Джим выстрелил в металлическую лапу и через секунду услышал глухой удар: руум упал. Крупнокалиберная пуля сделала куда больше, чем он ожидал: она не только сшибла металлическую лапу с края обрыва, но и вырвала из этого края здоровый кусок.

Он посмотрел вниз и злорадно ухмыльнулся. Каждый раз, как лапа зацепится за край обрыва, он ее будет сбивать. Патронов в кармане больше чем достаточно. Пока не взойдет луна и стрелять не станет легче, он, если понадобится, будет стрелять с расстояния в несколько дюймов. А к тому же штуковина эта, по-видимому, слишком умна, чтобы вести борьбу неэффективными средствами. Рано или поздно она пойдет в обход, и ночь поможет ему улизнуть.

Вдруг у него перехватило дыхание. Из сфероида вылезли одновременно три стержня с крюками на концах. Идеально координированным движением они вцепились в край скалы.

Джим вскинул винтовку. Ну что ж, будет, как на соревнованиях в Беннинге, с той только разницей, что там, в Беннинге, от него не требовалось хорошей стрельбы ночью...

Он попал в цель с первого выстрела: левый крюк сорвался в облачке пыли. Второй выстрел был почти таким же удачным — пуля раздробила камень под средним крюком, и крюк соскользнул. Но, молниеносно поворачиваясь, чтобы прицелиться в третий, Джим увидел: все впустую. Первый крюк был снова на том же месте. Он бросил ставшую бесполезной винтовку.

Куда теперь деваться и что делать?

И тут он вспомнил про динамит.

Постепенно меняя направление, усталый человек двинулся к лагерю у озера. Джим утратил всякое ощущение времени. Должно быть, он машинально поел на ходу — во всяком случае, голода он не чувствовал. Может, успеет еще подкрепиться в шалаше?.. Нет, не будет времени...

Джим достиг лагеря вскоре после восхода солнца. Он сорвал брезент, и перед ним ярко заблестели динамитные шашки.

Усилием воли Джим вернул присутствие духа и стал обдумывать, что делать дальше. Поставить запал? Нельзя: тогда не рассчитать время детонации с той абсолютной точностью, которая необходима. Взрыв должен быть вызван издалека и в тот самый миг, когда преследователь приблизится к динамиту вплотную. И взгляд Джима упал на лежавший в шалаше пистолет.

Запавшие глаза сверкнули. Торопливо Джим высыпал все взрывные капсюли в ящик с динамитом и, собрав последние силы, перетащил эту дьявольскую смесь на свой прежний след ярдах в двадцати от скалы. Это было очень рискованно, чертов коктейль мог взорваться от малейшего сотрясения, но теперь ему было все равно: пусть его разнесет в клочья, только бы не стать парализованной тушей среди других туш в этой адской мясной лавке.

Обессилевший Джим едва успел спрятаться за небольшой выступ скалы, когда на невысоком пригорке, ярдах в пятистах от него, показался неумолимый преследователь. Джим вжался в узкую трещину. Отсюда он мог видеть динамит и в то же время был защищен от взрыва. Защищен ли? Ведь руум взорвется всего ярдах в двадцати от выступа скалы, за которым он прячется...

Молот усталости не переставая бил по его голове. О боже, когда он спал в последний раз? Нет! Он не поддастся. Онемелые пальцы крепче сжали рукоять пистолета.

Он посмотрел на гладкий и блестящий пистолет в руке, потом через щель — на ящик. Если он выстрелит вовремя — а так и будет, — этой проклятущей штуке конец! Он немножко расслабился, поддался (совсем чуть-чуть) ласковому обволакивающему солнцу. Где-то высоко негромко запела птица, рыба плеснула водой в озере.

Внезапно по нервам пронесся сигнал тревоги: проклятие! Надо же было гризли выбрать для визита такой момент! Весь лагерь Джима в его распоряжении — круши, разоряй сколько душа угодно, так нет же: медведя интересует динамит!

Мохнатый зверь неторопливо обнюхал ящик, рассерженно заворчал, чуя враждебный человеческий дух. Джим затаил дыхание. От одного прикосновения может взорваться капсюль. А от одного капсюля...

Медведь поднял от ящика голову и зарычал. Ящик был забыт, человеческий запах — тоже. Свирепые маленькие глазки видели только приближающийся сфероид, который был теперь в каких-нибудь ярдах сорока от ящика. Джиму стало смешно. До встречи с этой штуковиной он не боялся ничего на свете, кроме североамериканского медведя гризли. А теперь два ужаса его жизни встречаются нос к носу — и ему смешно...

Футов за шесть от медведя сфероид остановился. Гризли — воплощенная свирепость — поднялся на задние лапы. Сверкнули страшные белые клыки. Руум обогнул медведя и деловито покатился дальше. Гризли с ревом преградил ему путь и ударил по пыльной кожистой поверхности. Удар нанесла могучая лапа, вооруженная когтями острее и крепче наточенной косы. Один такой удар разорвал бы носорога, и Джим скривился, будто ударили его. Руум был отброшен на несколько дюймов назад, простоял какие-то мгновения неподвижно, а потом все с тем же леденящим душу упорством двинулся по более широкому кругу, не обращая на гризли никакого внимания.

Но на ничью хозяин лесов согласен не был. Двигаясь с молниеносной быстротой, наводившей ужас на любого индейца, испанца, француза или англосакса с тех пор, как началось их знакомство с гризли, медведь стремительно развернулся и обхватил сфероид. Косматые, страшные в своей силе передние лапы напряглись, истекающая слюной пасть приникла, щелкая зубами, к серой поверхности.

Джим приподнялся.

— Так его!

Но на фоне серого меха гризли сверкнул серебристый металл — быстро и смертоносно. Рычание лесного владыки моментально сменилось жалобным воем, затем — клокочущими горловыми звуками, а потом не осталось ничего, кроме тонны ужаса, которую быстро и неотвратимо засасывало болото смерти. Джим увидел, как окровавленное лезвие, перерезав медведю горло, оставило, возвращаясь в сфероид, ярко-красный потек на пыльной серой поверхности.

Руум покатился дальше, неумолимый, забывший обо всем, кроме тропы, пути, следа человека. «О'кэй, детка, — истерически хихикнул Джим, мысленно обращаясь к мертвому гризли, — сейчас он получит и за тебя, и за Сили, и за все онемевшее зверье, и за меня тоже...» Он прицелился в динамит и очень медленно, очень спокойно нажал на спуск.

Сначала был звук, потом гигантские руки подняли его и, подержав в воздухе, уронили. Джим сильно ударился о землю. Лицом он упал в крапиву, но ему было так плохо, что он этого даже не почувствовал. Птиц, вспоминал он позднее, слышно не было. Потом что-то жидкое и тяжелое глухо ударилось о траву в нескольких ярдах от него — и наступила тишина. С трудом преодолевая боль, он привстал и увидел огромную дымящуюся воронку, и в десятке шагов от себя сфероид, серо-белый от осевшей на него каменной пыли.

Руум был сейчас под высокой красивой сосной. Он катился к Джиму, который смотрел и думал: прекратится ли когда-нибудь этот звон в ушах?

Рука Джима стала судорожно искать пистолет. Он исчез — видимо, отлетел куда-то в сторону. Джим хотел помолиться, но не смог, а только бессмысленно повторял про себя: «Моя сестра Этель не знает, как пишется слово «Навуходоносор». Моя сестра Этель не знает, как...»

Руум был теперь в одном футе от него, и Джим закрыл глаза. Он почувствовал, как холодные металлические пальцы нащупывают его, сжимают, приподнимают... Они подняли его несопротивляющееся тело на высоту нескольких дюймов и как-то странно подбросили. Дрожа, он ждал укола страшной иглы с зеленой жидкостью и видел перед собой желтое, сморщенное лицо ящерицы с дергающимся веком... Бесстрастно, не ласково и не грубо, руум снова опустил его на землю. Когда через несколько секунд Джим открыл глаза, он увидел, что сфероид удаляется, и зарыдал без слез.

Ему показалось, что прошли всего лишь секунды до того, как он услышал мотор гидросамолета и открыл глаза, чтобы увидеть склонившееся над ним лицо Уолта.

Уже в самолете, на высоте пяти тысяч футов над долиной, Уолт ухмыльнулся вдруг, хлопнул его по плечу и воскликнул:

— Джим, а ведь я могу добыть стрекозу, четырехместную! Пока хранитель музея ищет новую добычу, подхватим три-четыре из этих доисторических тварей, и ученые дадут нам за них кучу денег.

Запавшие глаза Джима ожили.

— А ведь пожалуй, — согласился он и горько добавил: — Так, выходит, я мог преспокойно полеживать! Видно, я этой штуковине, черт бы ее побрал, вовсе и не нужен был. Может, она хотела только узнать, сколько я заплатил за эти штаны? А я-то драпал!

— Да-а, — задумчиво протянул Уолт. — Чудно все это. После такого марафона — и на тебе! А ты молодчина.

Он покосился на изможденное лицо Джима:

— Ну и ночка у тебя была! Килограмма четыре ты сбросил, а то и побольше.

Перевел с английского Р. РЫБКИН

ДЕНЬ, КОГДА ЛЮБУЮТСЯ ЛУНОЙ

САКЕ КОМАЦУ

Рассказ

— Кэи-тян...

Над низкой живой изгородью, оплетенной засыхающими стеблями повилики, всплывает белое светлое пятно — лицо девочки.

— На, возьми... Прости, что так поздно.

В протянутой через изгородь руке колышутся тонкие, едва различимые в полутьме метелки китайского мисканта.

Кэнити, встав на цыпочки, протягивает обе руки навстречу руке девочки.

Мать Кэнити, на ходу надев на ноги садовые гета, спускается с галереи в палисадник. Звучат легкие шаги.

— Спасибо, Йосико-тян. Ты уж извини за беспокойство. Кэнити сам должен был сходить в поле за мискантом, да прихворнул немного, перепил сладкой воды со льдом. Ужасный он у меня сластена.

Ласковая улыбка трогает губы женщины. Лицо у нее тонко очерченное, светлое и матовое. Волосы зачесаны назад и собраны в тяжелый узел на затылке.

«Какая у меня красивая мама!» — думает Кэнити и с восхищением глядит на мать.

— Как поживаешь, Йосико-тян? — пальцы женщины нежно касаются головы девочки.

На секунду мать Кэнити задумывается, потом говорит:

— Хочешь отпраздновать восход луны с нами? Наш папа в командировке, мы с Кэнити вдвоем.

...Все трое на галерее. Женщина ставит чашечки с ячменным отваром перед чиино усевшимися мальчиком и девочкой. На столике поднос из свежего, некрашеного дерева. На подносе — круглые лепешки, вареный в стручках молодой горох, каштаны.

Мать ставит в воду подаренный Йосико букет мисканта.

— О-о, смотрите, луна уже взошла!

Из-за крыши соседнего дома показывается круглая, светлая и ясная, как начищенный серебряный поднос, луна. По ней медленно проходят прозрачные обрывки облаков.

Луна, луна, взошла луна... —

запевает Йосико тоненьким, мелодичным голоском, глотая слова. Кэнити поворачивается и видит, как мать молитвенно складывает ладони перед луной. Наверно, про папу думает... И мальчик вдруг ощущает острый прилив тоски по отцу, уехавшему в командировку. Он смотрит на луну. Ему кажется, что у него такие же усы, как у папы...

— Поиграем в пятнашки с тенью? — голос Кэнити кажется немного сердитым. Но он совсем не сердится, просто ему хочется прогнать грусть.

Йосико радостно кивает и, громко стуча маленькими красными гета, выбегает в па-

лисадник. По серебряной земле скользят легкие тени.

— Поймала, поймала!.. Вот она, тень!

Кэнити быстро оборачивается и видит за своей спиной Йосико. Она наклоняется и со смехом ловит руками его тень, колышущуюся на земле.

Сослуживцы предложили Кэнити пойти в пивной бар, но он отказался. Он вдруг вспомнил, какой сегодня день. Позвонил домой. С большим трудом в цветочном отделе одного из универмагов стыскал мискант. Хрупкие метелки едва уцелели в душной, битком набитой электричке.

— Что это ты вдруг? — чуть насмешливо спросила Йосико.

Она торопливо собирала посуду на кухне, чтобы успеть до восхода луны.

— Да вот, вспомнил... Давно мы с тобой не отмечали праздник луны, — смущенно оправдывался Кэнити.

Йосико вынесла на балкон легкий столик. Подноса из свежего, некрашеного дерева не было, и она положила белые круги лепешек на обыкновенные тарелки.

— Сама приготовила?

— Что ты! Купила в кондитерской... Разве достать рисовую муку в нашем районе...

— А где Коити?

— Гуляет, где ему быть. Он последнее время совсем помешался на машинах. Говорит, у приятеля «потрясный новый кар»...

— Да, что с ним поделаешь... Вырос мальчик. А все же жаль... Иногда так хочется посидеть всем вместе... Хотя бы в День луны...

Йосико усмехнулась.

— Какой уж праздник!.. Хорошо, конечно, полюбоваться луной, но в нашем микрорайоне разве ее увидишь? Напротив вон какие высоченные дома. Разве что ночью...

Возвращаясь домой поздно ночью, Коити вдруг увидел родителей. Они сидели в сквере на скамейке.

— Что это вы? Ничего не случилось?

Фигура юноши четко вырисовывалась в серебристом свете луны. Чахлая тень чахлого городского деревца чуть касалась его бедер, затянутых в узкие брюки.

— Ничего особенного, — ответил отец.— Сегодня ведь праздник — День луны... Мы вдруг вспомнили, ну и...

— День луны? — Коити взглянул на небо. — Тоже мне праздник! Луна очень прозаическая планета. Вы же видели фотографии...

— Да, конечно... — пробормотал отец. — Луна давно завоевана. Но... людям, наверное, хоть иногда необходимо думать, что луна такая же, как тысячи лет назад... Красота-то, красота какая...

— Мама, ну зачем ты выключила телевизор? И свет погасила, — дети недовольно надули губы. — Сегодня же очень интересная программа!

Мать пожала плечами.

— Зачем выключила... Гм... Говорят, сегодня праздник луны, и надо не телевизор смотреть, а луной любоваться, — она разложила на пластиковой доске концентраты. — Я, правда, не знаю, что это за праздник, но дедушка сказал — так надо.

— Подумаешь, невидаль — луна! — продолжали шуметь дети. — И почему обязательно сегодня?

— Тише, ребята! — старик, кажется, немного смутился. — Есть такой праздник — День луны. Мне мой дед Коити рассказывал. Это древний японский обычай — была такая страна. Так повелось издавна. А вообще я и сам ничего не знаю.

Отец детей поднял глаза на деда.

— Правда, что это вдруг на тебя нашло? Ты, отец, никогда не вспоминал об этом обычае, а тут вдруг приспичило тебе луной любоваться.

Дед провел рукой по гладкому, без единой морщинки лицу. Помолчал, потом сказал:

— Сам не пойму, что нашло... Видно, так уж человек устроен: под старость ему детство вспоминается, хорошее вспоминается. И ужасно хочется поделиться этими воспоминаниями с малышами. Вот так и сохраняется красота. Иначе люди бы ее потеряли...

Медленно и беззвучно разошлись створки купола крыши, и открылось совершенно безоблачное ночное небо. Быстро, одна за другой, взошли две луны.

— Ой, дедушка! — завизжали дети. — А они и правда красивые! Какая, по-твоему, лучше?

— Не знаю... не знаю... — пробормотал дед. — Обе хороши. Но я видывал и другую, гораздо прекраснее этих...

В марсианском небе, обгоняя друг друга, плыли два ночных светила. Деду стало грустно, что дети не знакомы с земной луной.